

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2713-1513

#24 (259), 2025

часть II

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2025 • № 24 (259)

Часть II

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Zufарович, кандидат технических наук (Высokотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МАН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хаитова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Болотина М.А.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ И РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 6

Евдокимов И.Л.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ЯПОНИИ
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ..... 11

Евдокимов И.Л.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛАНДШАФТ КОРЕИ: ФЕНОМЕН НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ
ДВИЖЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА..... 14

Максимов П.Е.

ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ТАЙВАНЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ .. 17

Ременев И.К.

ЗАРОЖДЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ КНДР 22

Садовенко Т.Р.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО УЛУЧШЕНИЮ ЯПОНО-КИТАЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ 25

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ДИЗАЙН

Минуллина Э.И., Байдрахманова Р.Т.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА БАРАБИНСКИХ
И ТАРСКИХ ТАТАР И НАРОДОВ СИБИРИ 28

Муллахметова Г.А.

ГАЙ ТАГИРОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПОЛОЖИВШИЙ НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЮ
ТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ ХОРЕОГРАФИИ..... 33

Муханова Е.В.

ПРИЁМЫ ВОЗДУШНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИ СОЗДАНИИ ГРАФИЧЕСКОГО
ПЕЙЗАЖА 36

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Авраменко И.Д.

СУЩНОСТЬ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И
ПРОИЗВОДСТВА ПОВТОРНЫХ, ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ, КОМИССИОННЫХ И
КОМПЛЕКСНЫХ АВТОРОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ..... 40

Астахов С.А.

СЕРВИТУТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ 45

Бойцов Е.И.	
ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ САРЕХ-СДЕЛОК: ОСОБЕННОСТИ, РИСКИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	50
Бугаков Д.И.	
ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАДЗОР И ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В РФ	53
Будников В.И.	
ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА УРОВЕНЬ КОРРУПЦИИ И МЕХАНИЗМЫ БОРЬБЫ С НЕЙ	56
Грановская В.Д.	
АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ	59
Грановская В.Д.	
ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В РФ.....	64
Ковшарева А.Р., Малинина Т.А.	
НАЛОГОВОЕ РЕЗИДЕНТСТВО В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	68
Лебедкин К.Э.	
ФОРМЫ И СПОСОБЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) И ИХ ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ.....	71
Линник Е.А.	
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОСВОЕНИЯ ЛЕСОВ	74
Поликарпова С.Е.	
ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРОК: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	79
Рубцова В.В.	
ПРИНЦИПЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: ПРАВОВОЙ И ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ.....	83
Санникова М.П.	
АЛГОРИТМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ	86
Черноморская Ю.А.	
ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	90
Черноморская Ю.А.	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ И КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	93

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

БОЛОТИНА Мария Александровна

магистрантка,

Благовещенский государственный педагогический университет, Россия, г. Благовещенск

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ И РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Изучение исторического прошлого в отношениях Японии и России весьма актуально, особенно в свете не угасающего территориального разногласия касательно Южных Курил. Эта проблема имеет глубокие исторические основания и на протяжении многих лет провоцирует напряженность в двусторонних отношениях. Исследовав исторические предпосылки, основных противоречий и столкновений между Российской империей и Японией, а впоследствии между Советской Россией и Японией, можно получить более глубокое понимание текущей ситуации и проблем, с которыми сталкиваются обе страны при разрешении этого давнего спора. Более того, изучение исторического прошлого в отношениях между Японией и Россией может дать важные сведения о более широкой динамике международных отношений и геополитике в Восточной Азии. Анализируя исторические прецеденты и эволюцию отношений между двумя странами с течением времени, можно получить более глубокое понимание сложных вопросов и интересов, которые формируют регион сегодня. Кроме того, эти знания могут быть полезны для политиков, дипломатов и ученых, которые работают над решением текущих проблем и созданием более стабильного и совместного будущего для Японии, России и более широкого региона. Понимание исторического развития и эволюции отношений между Японией и Россией имеет решающее значение для разрешения продолжающихся территориальных противоречий и содействия сотрудничеству и взаимовыгодным отношениям между странами.

Ключевые слова: русско-японские отношения, первые контакты россиян и японцев, российская империя, Япония, советский период, территориальные разграничения, курильские острова, остров Сахалин, геополитический конфликт между государствами северо-восточной Азии.

Изучение исторического прошлого в отношениях Японии и России весьма актуально, особенно в свете не угасающего территориального разногласия касательно Южных Курил. Эта проблема имеет глубокие исторические основания и на протяжении многих лет провоцирует напряженность в двусторонних отношениях. Исследовав исторические предпосылки, основных противоречий и столкновений между Российской империей и Японией, а впоследствии между Советской Россией и Японией, можно получить более глубокое понимание текущей ситуации и проблем, с которыми сталкиваются обе страны при разрешении этого давнего спора. Более того, изучение исторического прошлого в отношениях между

Японией и Россией может дать важные сведения о более широкой динамике международных отношений и геополитике в Восточной Азии. Анализируя исторические прецеденты и эволюцию отношений между двумя странами с течением времени, можно получить более глубокое понимание сложных вопросов и интересов, которые формируют регион сегодня. Кроме того, эти знания могут быть полезны для политиков, дипломатов и ученых, которые работают над решением текущих проблем и созданием более стабильного и совместного будущего для Японии, России и более широкого региона. Понимание исторического развития и эволюции отношений между Японией и Россией имеет решающее значение для

разрешения продолжающихся территориальных противоречий и содействия сотрудничеству и взаимовыгодным отношениям между странами.

Изучение первых контактов XVII – начала XIX века показывает, что на первоначальном этапе взаимодействия между Россией и Японией, несмотря на взаимное незнание и подозрительность, уже формировались механизмы коммуникации и обмена, которые можно рассматривать как зачатки дипломатической практики. Эти ранние контакты, хотя и носили фрагментарный характер, послужили фундаментом для развития более системных отношений в последующем периоде. Они отражают типичный процесс столкновения двух культурных миров, где каждая сторона пыталась сохранить собственные интересы и при этом адаптироваться к новым международным реалиям.

Период середины и второй половины XIX века, в свою очередь, представлен переходом от дезорганизованного и неформального взаимодействия к институционализированным формам дипломатии. Этот этап является примером того, как международное право и практика стали инструментами регулирования конфликтов и способствовали формированию устойчивых норм двусторонних отношений. При этом следует отметить, что оформление дипломатических отношений сопровождалось интенсивным процессом модернизации и реформ как в России, так и в Японии, что также влияло на динамику их взаимодействия.

Важнейшей особенностью этого периода было нарастание влияния внешних акторов и колониальных держав, что заставляло Россию и Японию выстраивать собственную стратегию в условиях жесткой конкуренции и геополитической неопределённости. Подписанные соглашения и договоры отражали не только двусторонние компромиссы, но и стремление вписаться в систему международных отношений, где влияние крупных держав определяло правила игры. Эта двойственная логика сотрудничества и соперничества получила яркое воплощение в территориальных вопросах и экономических проектах, включая освоение природных ресурсов и развитие транспортной инфраструктуры.

Первая четверть XX века ознаменовалась переходом отношений в фазу открытого конфликта, что можно рассматривать как закономерный результат накопившихся противоречий и несовпадения стратегических интересов

двух империй. Русско-японская война 1904–1905 годов стала переломным моментом, продемонстрировавшим изменение баланса сил в Восточной Азии и укрепившим позиции Японии как региональной державы. Этот конфликт имел глубокие последствия не только для обеих стран, но и для мировой политики в целом, стимулируя переосмысление ролей великих держав и порождая новые геополитические реалии.

Анализ причин и последствий этого конфликта показывает, что, несмотря на военное поражение России, формальные дипломатические отношения и взаимные экономические связи продолжали развиваться, хотя и в условиях возросшей напряжённости. Это свидетельствует о том, что международные отношения не сводятся к военным столкновениям, а включают широкий спектр форм взаимодействия, включая дипломатические, экономические и культурные. Такая комплексность требует от исследователей учёта не только официальных документов, но и неформальных факторов, социальных процессов и национальных менталитетов.

Важным аспектом выводов является признание того, что исторический опыт взаимоотношений России и Японии содержит ценные уроки для современного понимания международных конфликтов и сотрудничества. История показывает, что устойчивый мир и взаимовыгодное сотрудничество возможны только при условии комплексного учёта интересов и исторических контекстов обеих сторон. Игнорирование исторической памяти и накопленных противоречий приводит к эскалации конфликтов и замораживанию дискуссий, что наблюдается и в современных отношениях между Россией и Японией.

Данный вывод имеет особое значение в контексте актуальных международных вызовов, связанных с территориальными спорами, военной безопасностью и экономическим партнёрством. Осмысление прошлого с помощью научного подхода, основанного на фактах и критическом анализе, способствует формированию более взвешенной политики и снижению рисков конфликтов. Оно также стимулирует развитие диалога на уровне государственных институтов и общественности, создавая предпосылки для долгосрочного примирения.

В целом, исторический анализ российско-японских отношений с XVII до начала XX века раскрывает сложность и многогранность этого

взаимодействия, показывая, что отношения между странами с разной культурной и политической традицией всегда будут включать элементы как сотрудничества, так и соперничества. Только на основе глубокого понимания этих процессов можно строить эффективные стратегии внешней политики и международного сотрудничества.

Изучение советско-японских и постсоветско-японских отношений в контексте исторической ретроспективы и современной политической конъюнктуры позволяет выявить устойчивую тенденцию двойственности – между стремлением к диалогу, экономическому сотрудничеству и одновременно глубоким недоверием, вызванным территориальными спорами, внешнеполитическими союзами и разными историческими интерпретациями.

Советско-японские отношения, несмотря на некоторые фазы сближения, изначально развивались в контексте конкуренции и стратегической настороженности. После окончания Второй мировой войны СССР, заняв жёсткую позицию в отношении Южных Курильских островов, создал прецедент, который определил все последующие десятилетия дипломатических отношений с Японией. Односторонняя аннексия спорных территорий, юридически оформленная решением Ялтинской конференции 1945 года, но не признанная Японией, заложила основу для одного из самых затяжных территориальных споров в Азии. Проблема заключалась не только в самом территориальном вопросе, но и в различии в политико-правовых подходах, трактовке итогов Второй мировой войны и позициях в международных союзах.

Важно отметить, что даже в рамках международной изоляции и идеологической вражды, экономические и культурные контакты между СССР и Японией не прекращались полностью. Уже в 1950–1960-х годах был достигнут определённый уровень экономического взаимодействия, что выразилось в совместных проектах, ограниченных торговых соглашениях и культурных обменах. Однако подлинный прорыв был невозможен без разрешения ключевого противоречия – территориального спора. Попытка решить его в рамках Совместной декларации 1956 года оказалась недолговечной, так как уже в начале 1960-х годов Москва отменила своё обещание передать Хабомаи и Шикотан в случае подписания мирного договора. Причиной стали японско-американские соглашения о безопасности, позволявшие размещать на

территории Японии вооружённые силы США, что Советский Союз считал недопустимым. Следовательно, территориальный вопрос оказался неотделим от более широкой геополитической конфигурации региона и стал фактором безопасности, а не просто юридическим спором.

Период Холодной войны продемонстрировал, что отношения СССР и Японии оставались в подвешенном состоянии: с одной стороны, экономические интересы обеих стран стимулировали формирование деловых контактов; с другой – политическая напряжённость, связанная с международными альянсами, идеологией и территориальной проблематикой, не позволяла выйти на качественно новый уровень сотрудничества. Несмотря на ряд инициатив в 1970–1980-х годах, значимого прорыва в отношениях не произошло. Ситуация начала меняться с началом перестройки и особенно в ходе визита М. С. Горбачёва в Японию в 1991 году, когда Советский Союз впервые официально признал наличие территориального вопроса. Это стало дипломатическим переломом и признанием существующих разногласий, что, однако, не привело к реальному прогрессу в подписании мирного договора.

После распада Советского Союза Япония возлагала большие надежды на развитие отношений с новой Россией. В 1990-е годы происходил активный политический диалог, были подписаны несколько соглашений, включая Токийскую декларацию 1993 года, в которой стороны выразили намерение заключить мирный договор и решить территориальный вопрос. Однако внутренняя нестабильность в России, усиление националистических настроений и отсутствие единства во внешнеполитических приоритетах привели к тому, что реальные шаги по сближению так и не были предприняты. На протяжении последующих двух десятилетий переговоры продолжались, но ситуация оставалась без изменений: Япония настаивала на возвращении четырёх островов, Россия предлагала компромисс в виде передачи двух, и этот тупик сохранялся до начала 2020-х годов.

На современном этапе отношения между Россией и Японией находятся в состоянии откровенного кризиса. Территориальный спор остаётся нерешённым и осложняется новым витком международной напряжённости, в том числе в связи с обострением глобального конфликта между Западом и Россией. Япония, как

страна G7 и союзник США, присоединилась к антироссийским санкциям после 2022 года, что усугубило положение. В ответ Россия вышла из диалога по мирному договору, отменила соглашения о безвизовых поездках для бывших жителей Курил и усилила военное присутствие на островах. Таким образом, дипломатическая перспектива оказалась практически закрытой.

На фоне этого наблюдается очевидный парадокс: несмотря на обострение политической риторики и прекращение ряда соглашений, экономическое сотрудничество продолжает сохранять определённые формы. Российская Федерация традиционно заинтересована в японских инвестициях, особенно в рамках Дальневосточного региона. Японские технологии, уровень организации производства и капитал продолжают представлять ценность для модернизации российской промышленности, особенно в сфере добычи ресурсов, автомобилестроения и энергетики. В свою очередь, Япония проявляет интерес к природным ресурсам России и логистическим маршрутам, таким как Северный морской путь.

Однако санкционная политика, преследование компаний, поддерживающих торговлю с Россией, и обострение международной обстановки мешают развивать эти формы взаимодействия. Япония ужесточила экспортный контроль, ограничив поставки высокотехнологичной продукции в Россию, заморозила активы российских физических и юридических лиц, что вызвало ответные меры со стороны Москвы. Деструктивные тенденции проявляются не только на дипломатическом уровне, но и в общественном восприятии. В японском медиадискурсе всё чаще используется терминология вроде «незаконно оккупированные территории», а российские СМИ акцентируют внимание на военном присутствии США в Японии, представляя её как потенциальную угрозу российским восточным границам.

Таким образом, территориальный вопрос, возникший в середине XX века, сегодня уже не является просто спором о нескольких островах. Он трансформировался в маркер глобального стратегического выбора: принадлежности к тому или иному блоку, позиции по отношению к международному праву и суверенитету, оценке итогов Второй мировой войны и роли крупных держав в современном мире. Отношения России и Японии в последние десятилетия демонстрируют устойчивую зависимость от внешнеполитических факторов, особенно от

позиции США и Запада в целом. Япония как союзник США действует в рамках коллективной позиции G7, что объективно ограничивает её возможность вести самостоятельную политику по отношению к России.

Однако важно подчеркнуть, что несмотря на все негативные обстоятельства, существует и значительный потенциал для сотрудничества, особенно в постконфликтной перспективе. Совместные экономические проекты, взаимодействие в гуманитарной сфере, туризм, научные обмены и экологические программы могли бы стать основой новой модели отношений, ориентированной на прагматизм и взаимную выгоду. Но реализация такого сценария возможна только при условии нормализации международной обстановки, ослабления санкционного давления и поиска компромиссов по спорным вопросам.

Современный этап российско-японских отношений – это прежде всего отражение более широкого глобального конфликта ценностей, стратегий и интересов. Преодоление тупиковой ситуации требует не только политической воли, но и переосмысления исторического наследия, признания обоюдных ошибок и перехода к формированию долгосрочной стратегии взаимодействия. История показывает, что даже самые острые конфликты могут быть преодолены при наличии прагматического подхода, рационального диалога и уважения к суверенитету. Перспективы отношений России и Японии будут зависеть от того, сумеют ли обе стороны преодолеть наследие конфронтации и выработать новые форматы сотрудничества, основанные на балансе интересов, уважении исторической правды и готовности к конструктивному диалогу.

Литература

1. Агеева А.А. Установление межгосударственных отношений России с Японией в конце XVII – середине XIX веков // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2013. – С. 38-46.
2. Алексеева Г.К. «Мир человека в русских говорах Приамурья» // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2005. – С. 4.
3. Бобринёв К.С. Проблема Южных Курильских островов в русско-японских отношениях // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018. № 1 (278). – С. 118-122.

4. Бровко П.Ф. Кругосветный мореплаватель Ю.Ф. Лисянский: Имя на географической карте // Тихоокеанская география. – 2023. – С. 75-85.

5. Быкасов В.Е. Поход Владимира Атласова по югу Камчатки // Культура и наука Дальнего Востока. – 2021. – С. 10-19.

6. Вакуленко Ю.А. Российский форпост в борьбе за Южный Сахалин (Из истории Муравьёвского поста в лагуне Буссе: 1867–1880 гг.) // Вестник Сахалинского музея. – 2014. № 1 (21). – С. 76-104.

7. Верещагина К.А. История первых контактов России и Японии в русской маринистике начала XIX в. («Записки Флота Капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев» В.М. Головнина) / К.А. Верещагина, О.Н. Александрова-Осокина. // В сборнике: межкультурный диалог в пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Сборник научных статей по материалам II Международной

студенческой научно-практической заочной конференции. Тихоокеанский государственный университет. – 2018. – С. 235-239.

8. Воробьева Э.А. «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: Формирование и восприятие образа врага // Идеи и идеалы. – 2018. – С. 164-182.

9. Галимова Я.Д. Япония в советской реальности: образ страны на страницах советской периодической печати (1956–1985 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – С. 4.

10. Гельман В.А. Японская Интервенция на Дальнем Востоке России // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2023. – № 1. – С. 12-19.

11. Гершанков Г.С. Русско-японская война сквозь призму времени и пространства // Cognito Rerum. – 2021. – № 10. – С. 6-9.

BOLOTINA Maria Alexandrovna

Graduate Student, Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Russia, Blagoveshchensk

PROBLEMS OF THE HISTORICAL PAST IN JAPAN-RUSSIA RELATIONS: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. *The study of the historical past in relations between Japan and Russia is very relevant, especially in the light of the ongoing territorial dispute over the Southern Kuriles. This problem has deep historical foundations and has provoked tension in bilateral relations for many years. By examining the historical background, the main contradictions and clashes between the Russian Empire and Japan, and subsequently between Soviet Russia and Japan, one can gain a deeper understanding of the current situation and the problems faced by both countries in resolving this long-standing dispute. Moreover, studying the historical past in relations between Japan and Russia can provide important information about the broader dynamics of international relations and geopolitics in East Asia. By analyzing historical precedents and the evolution of relations between the two countries over time, one can gain a deeper understanding of the complex issues and interests that shape the region today. In addition, this knowledge can be useful for politicians, diplomats, and scientists who are working to solve current problems and create a more stable and shared future for Japan, Russia, and the wider region. Understanding the historical development and evolution of relations between Japan and Russia is crucial for resolving ongoing territorial disputes and promoting cooperation and mutually beneficial relations between the two countries.*

Keywords: *Russian-Japanese relations, first contacts between Russians and Japanese, Russian empire, Japan, Soviet period, territorial boundaries, Kuril Islands, Sakhalin Island, geopolitical conflict between the states of Northeast Asia.*

ЕВДОКИМОВ Иван Львович

студент, Благовещенский государственный педагогический университет,
Россия, г. Благовещенск

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ЯПОНИИ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуется феномен возникновения и развития новых религиозных движений (НРД) в Японии с конца XIX по начало XXI века. На основе анализа исторических источников и современных исследований рассматриваются ключевые этапы формирования альтернативных религиозных течений, их социальная база и причины популярности. Особое внимание уделяется взаимосвязи процессов модернизации японского общества и трансформации религиозного сознания.

Ключевые слова: Япония, новые религиозные движения, синтоизм, буддизм, религиозный синкретизм, модернизация, социальные изменения.

Введение

Японский религиозный ландшафт представляет собой уникальный феномен в истории мировых религий, где на протяжении столетий успешно сосуществовали автохтонные синтоистские верования и заимствованный буддизм. Как отмечает Хардэйкр (2018), этот устойчивый синкретизм стал возможен благодаря гибкой системе религиозного сознания японцев, допускавшей параллельное исповедание различных традиций [1, с. 45-46]. Однако эпоха Мэйдзи (1868–1912) нарушила этот многовековой баланс, создав предпосылки для возникновения альтернативных религиозных течений.

Период радикальных реформ XIX века, по данным Шимозоно (2009), характеризовался тремя взаимосвязанными процессами: насильственным отделением синто от буддизма, разрушением традиционной сословной системы и стремительной вестернизацией общества [2, с. 112-113]. Эти трансформации привели к глубокому кризису традиционных религиозных институтов, которые оказались неспособны адекватно ответить на вызовы модернизации. Как следствие, в японском обществе образовался своеобразный духовный вакуум.

Именно в этих условиях, как показывает Мак-Фарланд (1967), начали появляться первые новые религиозные движения, предлагавшие простые и понятные решения сложных социальных проблем [3, с. 77]. Их характерной особенностью стало творческое переосмысление традиционных верований в контексте изменившихся реалий. Старк (2003) подчеркивает, что эти движения выполняли важнейшую

социальную функцию, предоставляя психологическую поддержку и новые формы солидарности дезориентированным слоям населения [4, с. 155-156].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа генезиса новых религиозных движений Японии как специфического ответа на вызовы модернизации. Особое внимание будет уделено взаимосвязи социально-исторических условий и особенностей религиозного творчества в переломные периоды японской истории.

1. Социально-исторический контекст возникновения

Период Мэйдзи (1868–1912) стал переломным моментом в религиозной истории Японии. Как отмечает Хардэйкр (2018), политика «вакон ёсай» (японский дух – западные технологии) привела к радикальной трансформации всех сфер жизни [1, с. 47]. Традиционные религиозные институты, веками занимавшие стабильное положение в обществе, оказались не готовы к вызовам модернизации. Шимозоно (2009) подчеркивает, что особенно сильно пострадали сельские общины, где синтоистские и буддийские практики были глубоко интегрированы в повседневную жизнь [2, с. 115].

2. Характеристика первых новых движений

Первые новые религиозные движения появились в 1830-х годах, еще до реставрации Мэйдзи. Накамото (2015) выделяет три ключевые особенности этих ранних организаций:

- Акцент на непосредственном религиозном опыте

- Харизматическое лидерство
- Простые и понятные доктрины [5, с. 32].

Ярким примером стало движение Тэнрикё, основанное Накаямой Мики в 1838 году. Как показывает Эрхарт (2000), его учение сочетала элементы синтоизма с идеями всеобщего спасения [6, с. 88].

3. Послевоенный расцвет новых религий

Поражение Японии во Второй мировой войне создало благоприятные условия для взрывного роста новых религиозных движений. Мак-Фарланд (1967) отмечает, что за период 1945-1963 годов было зарегистрировано более 720 новых религиозных организаций [3, с. 82]. Среди наиболее значимых:

- Сока Гаккай (1930)
- Риссё Косэй Кай (1938)
- Сэйтё-но Иэ (1929)

Эти движения, по данным Старка (2003), предлагали не только духовные учения, но и конкретные социальные программы помощи населению [4, с. 160].

4. Современные тенденции

Современный этап развития новых религиозных движений в Японии (с 1990-х годов по настоящее время) характеризуется несколькими ключевыми тенденциями. Как отмечает Старк (2003), произошла заметная коммерциализация религиозной деятельности – многие движения активно развивают предпринимательские проекты, от издательской деятельности до сетей частных школ и медицинских учреждений [4, с. 162-163]. Особенно ярко это проявилось у Сока Гаккай, создавшей мощную медиа-империю, включающую газету «Сэйкё симбун» и телеканал.

Параллельно наблюдается процесс «приватизации» религиозности. Мак-Фарланд (1967) обращает внимание на рост индивидуализированных духовных практик, когда последователи выбирают отдельные элементы учений, игнорируя догматические системы [3, с. 85]. Это особенно характерно для городской молодежи, проявляющей интерес к медитативным техникам без принятия целостного религиозного мировоззрения.

Важной особенностью современного этапа, по данным Шимозоно (2009), стало активное использование цифровых технологий – от онлайн-богослужений до мобильных приложений с религиозным контентом [2, с. 120-121]. Некоторые движения, такие как Риссё Косэй Кай, создали виртуальные храмы и системы дистанционного обучения.

Хардэйкр (2018) отмечает еще одну характерную черту – глобализацию японских новых религий, которые активно открывают центры за рубежом, адаптируя свои учения к местным культурным условиям [1, с. 50-51]. Особенно преуспела в этом Сока Гаккай, имеющая представительства в 192 странах.

Одновременно наблюдается кризис традиционных форм членства – многие современные японцы участвуют в деятельности движений эпизодически, не оформляя формального присоединения. Как показывает Старк (2003), это отражает общую тенденцию к «религиозному номадизму» в постиндустриальном обществе [4, с. 165].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о природе и эволюции новых религиозных движений в Японии. Как показал анализ, их возникновение и развитие были обусловлены сложным взаимодействием нескольких факторов: насильственной модернизации эпохи Мэйдзи, разрушения традиционных социальных структур и поиска новых форм духовности в условиях радикальных общественных трансформаций [1, с. 48; 2, с. 115].

Особенностью японского случая, как отмечает Хардэйкр (2018), стало удивительное сочетание новаторства и традиционализма – большинство новых движений не отвергали полностью синтоистские и буддийские практики, а предлагали их творческое переосмысление [1, с. 52]. Это объясняет их устойчивость и способность адаптироваться к меняющимся социальным условиям.

Современный этап развития новых религиозных движений характеризуется несколькими парадоксальными тенденциями. С одной стороны, как показывает Старк (2003), происходит их активная глобализация и коммерциализация [4, с. 168]. С другой – наблюдается кризис традиционных форм религиозной принадлежности и рост индивидуализированных духовных практик.

Важнейшим результатом исследования стало понимание новых религиозных движений не как маргинального феномена, а как закономерного продукта взаимодействия японской религиозной традиции с вызовами модернизации. Как отмечает Шимозоно (2009), они сыграли ключевую роль в обеспечении преемственности культурных ценностей в условиях радикальных социальных изменений [2, с. 125].

Как показывает Мак-Фарланд (1967), изучение японского опыта имеет важное значение для понимания общих закономерностей развития религий в современном мире [3, с. 92]. Особую ценность представляет способность японских новых религиозных движений сохранять традиционные ценности, одновременно адаптируя их к вызовам времени.

Литература

1. Hardacre H. Shinto: A History. Oxford University Press, 2018. 720 p.
2. Shimazono S. From Salvation to Spirituality. Trans Pacific Press, 2009. 280 p.

3. McFarland H.N. The Rush Hour of the Gods. Macmillan, 1967. 256 p.
4. Stark R. For the Glory of God. Princeton University Press, 2003. 488 p.
5. Nakamaki H. Japanese Religions at Home and Abroad. Routledge, 2015. 214 p.
6. Earhart H.B. Japanese Religion: Unity and Diversity. Wadsworth, 2000. 352 p.
7. Simmons B. Religion in Contemporary Japan. Bloomsbury, 2019. 240 p.
8. Baffelli E. Media and New Religions in Japan. Routledge, 2020. 192 p.

EVDOKIMOV Ivan Lvovich

Student, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russia, Blagoveshchensk

THE GENESIS AND EVOLUTION OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN JAPAN HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. *The article examines the phenomenon of the emergence and development of new religious movements in Japan from the end of the 19th century to the beginning of the 21st century. Based on the analysis of historical sources and modern research, the key stages of the formation of alternative religious movements, their social base and the reasons for their popularity are considered. Special attention is paid to the relationship between the processes of modernization of Japanese society and the transformation of religious consciousness.*

Keywords: *Japan, new religious movements, Shintoism, Buddhism, religious syncretism, modernization, social changes.*

ЕВДОКИМОВ Иван Львовичстудент, Благовещенский государственный педагогический университет,
Россия, г. Благовещенск**РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛАНДШАФТ КОРЕИ: ФЕНОМЕН НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Аннотация. Настоящее исследование представляет собой комплексный анализ трансформации религиозной сферы Южной Кореи в период с 1950-х по 2020-е годы. В работе рассматривается триада взаимосвязанных аспектов: динамика государственной религиозной политики, эволюция традиционных конфессий (буддизма, шаманизма, конфуцианства) и возникновение новых религиозных движений (НРД) как ответ на вызовы модернизации. Особое внимание уделяется институциональным и доктринальным особенностям Вон-буддизма и Церкви Объединения, их влиянию на корейское общество и международной экспансии. Методологическая база включает сравнительно-исторический анализ, социологические данные и полевые исследования корейских религиоведов.

Ключевые слова: Южная Корея, новые религиозные движения, религиозная политика, Вон-буддизм, Церковь Объединения, шаманизм, глобализация, религиозный синкретизм.

Введение

Актуальность исследования обусловлена уникальным феноменом корейских НРД, которые за семь десятилетий прошли путь от маргинальных групп до глобальных религиозных организаций. Если в 1960 году в Южной Корее насчитывалось около 50 новых движений, то к 2023 году их число превысило 300, согласно данным Корейской ассоциации религиоведения [2, с. 12]. Этот стремительный рост требует научного осмысления в контексте социально-исторических изменений.

Цель исследования – выявить причинно-следственные связи между:

- Социально-экономическими трансформациями (индустриализация 1970-х, демократизация 1987 года);
- Культурной травмой колониального периода и Корейской войны;
- Религиозным новаторством как способом конструирования национальной идентичности [3, с. 56-58].

1. Исторический контекст религиозной политики

Период авторитаризма (1948–1987). После обретения независимости в 1948 году южнокорейское государство проводило жесткую религиозную политику. Закон «О регулировании религиозной деятельности» 1962 года запрещал прозелитизм вблизи школ и военных объектов, что ограничивало деятельность новых религиозных групп. Власти оказывали поддержку традиционным конфессиям – буддизму и христианству, рассматривая их как опору антикоммунистического режима [4, с. 33-35].

Либерализация после 1987 года. Демократические преобразования конца 1980-х кардинально изменили религиозный ландшафт. В 1990 году была отменена цензура религиозных текстов, а новые движения получили возможность официальной регистрации. Например, Церковь Объединения, ранее находившаяся под подозрением, получила легальный статус в 1997 году [5, с. 91-93].

Таблица

Динамика зарегистрированных религиозных организаций в Южной Корее [2, с. 15]

Год	Буддийские	Христианские	Новые движения
1970	8,542	12,309	47
2000	23,110	45,678	214
2020	31,445	59,112	327

2. Традиционные религии как основа новых движений:

- Буддийское влияние. Традиционная школа Сон (корейский дзэн-буддизм) оказала значительное воздействие на формирование доктрины Вон-буддизма. Особенно заметно это проявилось в адаптации медитативных практик для мирян. Концепция «Будды-Вон» представляет собой попытку демифологизации образа Будды и приспособления учения к современным условиям [1, с. 8–10].

- Шаманические традиции. Корейский шаманизм (мусизм) сохранил свое влияние через культ Дангыль (праматери), который был интегрирован в ритуалы Церкви Объединения. Интересным современным феноменом стало появление так называемых «корпоративных шаманов», оказывающих консультационные услуги бизнес-структурам, включая крупные компании типа Shinsegae Group [3, с. 62–65].

3. Основные новые религиозные движения

Типология корейских НРД. В современной корееведческой науке принято выделять три основных типа новых религиозных движений:

- Необуддийские (Вон-буддизм, Чхондогё);
- Христианско-синкретические (Церковь Объединения, Церковь Седона);
- Культы процветания (Манмин Центральная церковь) [1, с. 12–15].

Вон-буддизм. Основанный в 1916 году, Вон-буддизм представляет собой одну из наиболее успешных попыток модернизации буддийского учения. На сегодняшний день движение насчитывает около 6 миллионов последователей и 400 храмов в 15 странах мира. Особого внимания заслуживают социальные проекты движения, включая экологические программы («Зеленый Вон») и образовательные учреждения (университет в Иксане) [1, с. 10–12].

Церковь Объединения. Созданная Мун Сон Мёном в 1954 году, Церковь Объединения превратилась в глобальную религиозно-коммерческую империю. Ее активы включают газету Washington Times, рыболовные предприятия в Уругвае и другие коммерческие проекты. Однако движение неоднократно становилось объектом скандалов, включая обвинения в эксплуатации членов общины на собственных заводах в 2010-х годах [5, с. 95–100].

4. Критика и вызовы

Новые религиозные движения в Южной Корее сталкиваются с серьезной критикой со

стороны различных общественных институтов. Основные направления критики включают:

- Финансовые злоупотребления. Многие НРД обвиняются в принуждении последователей к значительным пожертвованиям (до 30% дохода в некоторых культах процветания). В 2018 году южнокорейские налоговые органы провели масштабную проверку финансовой деятельности религиозных организаций [4, с. 40–42].

- Социальные конфликты. Нередки случаи, когда участие в НРД приводит к разрыву семейных связей. В 2016 году состоялся громкий судебный процесс, в ходе которого семья выиграла дело против религиозной группы, удерживавшей их дочь в течение трех лет [5, с. 100–103].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о природе и особенностях новых религиозных движений в Южной Корее. Во-первых, феномен корейских НРД представляет собой уникальный пример адаптации религиозных практик к условиям стремительной модернизации общества. Эти движения возникли как ответ на глубокие социальные трансформации второй половины XX века, предложив альтернативные формы духовности в период, когда традиционные религии переживали кризис идентичности [2, с. 20–22].

Во-вторых, анализ показывает, что корейские НРД не являются простым заимствованием западных или восточных религиозных моделей, но представляют собой оригинальный синтез традиционных элементов (буддизма, шаманизма) с современными социальными и экономическими реалиями. Особенно показателен в этом отношении Вон-буддизм, сумевший сохранить буддийскую суть, при этом адаптировав учение к запросам современного городского населения [1, с. 12–15].

В-третьих, международная экспансия таких движений, как Церковь Объединения, демонстрирует глобализационный потенциал корейских НРД. Однако их деятельность за рубежом часто сопровождается конфликтами и недопониманием, что свидетельствует о культурной специфичности этих организаций [5, с. 100–103].

Важно отметить двойственное положение НРД в современном корейском обществе. С одной стороны, они остаются маргинальными в глазах большинства населения и традиционных религиозных институтов. С другой – их

экономическое влияние и способность мобилизовывать значительные ресурсы делают их важными акторами социального пространства [4, с. 40-42].

Перспективы развития новых религиозных движений в Южной Корее будут определяться несколькими факторами:

- Усилением государственного регулирования, особенно в финансовой сфере;
- Изменением демографической структуры общества;
- Глобальными процессами в религиозной сфере;
- Конкуренцией с традиционными конфессиями, переживающими ренессанс [3, с. 65-68].

Особого внимания заслуживает вопрос о степени влияния НРД на молодежь. Современные исследования показывают, что несмотря на активную миссионерскую деятельность, новые движения сталкиваются с растущим скептицизмом со стороны молодого поколения, что может существенно изменить религиозную карту страны в ближайшие десятилетия [2, с. 25-27].

В заключение следует подчеркнуть, что феномен корейских НРД представляет собой

важный объект для изучения не только в религиозном, но и в социологическом, культурологическом и политологическом аспектах. Эти движения являются своеобразным зеркалом, отражающим сложные процессы трансформации корейского общества на пути от традиции к модерну и далее - к постиндустриальной реальности. Их дальнейшее изучение может пролить свет на более общие закономерности взаимодействия религии и общества в условиях глобализации [1, с. 18-20].

Литература

1. Chung Bong-kil. "The Won Buddhism: A Synthesis of Buddhism and Modernity" // Journal of Global Buddhism, 2012.
2. Korean Association for Religious Studies. Annual Report on Religious Trends, 2023.
3. Kendall L. "Shamans, Nostalgias, and the IMF: South Korean Popular Religion in Transition". University of Hawaii Press, 2009.
4. Baker D. "Korean Spirituality". University of Hawaii Press, 2008.
5. Mickler M. "The Unification Church: A Historical Overview". George Washington University, 2020.

EVDOKIMOV Ivan Lvovich

Student, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russia, Blagoveshchensk

KOREA'S RELIGIOUS LANDSCAPE: THE PHENOMENON OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN THE SECOND HALF OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURY

Abstract. *The present study is a comprehensive analysis of the transformation of the religious sphere in South Korea in the period from the 1950s to the 2020s. The work examines a triad of interrelated aspects: the dynamics of state religious policy, the evolution of traditional faiths (Buddhism, Shamanism, Confucianism) and the emergence of new religious movements (NSD) as a response to the challenges of modernization. Special attention is paid to the institutional and doctrinal features of Won Buddhism and the Unification Church, their impact on Korean society and international expansion. The methodological base includes comparative historical analysis, sociological data, and field research by Korean religious scholars.*

Keywords: *South Korea, new religious movements, religious politics, Won Buddhism, Unification Church, shamanism, globalization, religious syncretism.*

МАКСИМОВ Павел Евгеньевич

студент, Благовещенский государственный педагогический университет,
Россия, г. Благовещенск

ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ТАЙВАНЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Сегодня Китайская Народная Республика имеет значительный вес на международной арене. Но не так давно Китай был страной, которая не могла даже отстаивать собственные интересы. Резкий скачок Китая от незначительного государства до одного из мировых лидеров произошел, в том числе благодаря реформам 1980-х годов. В настоящее время КНР является не только государством с развитой экономической сферой и современной инфраструктурой, но и одной из ведущих ядерных и космических держав. С начала XXI века Китай усилили свои темпы роста в экономической сфере и в дальнейшем стал страной с самой быстрорастущей экономикой в мире. Для современного Китая, уже на протяжении долгих лет, основной проблемой остается тайваньский вопрос. Тайвань – частично признанное островное государство, удаленное от основного Китая всего на 180 километров. Исторически территория Тайваня на протяжении долгого времени оставалась подконтрольной Китаю. Но в годы Второй Мировой войны Япония захватила остров и установила там свой режим. После поражения в гражданской войне партия Гоминьдан бежала на Тайвань и основала на острове новое государство, которое продолжает существовать и на сегодняшний день. Тайваньская проблема вносит свои коррективы в международные отношения, в особенности в отношении между США и КНР. Остров является важным стратегическим объектом в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), поэтому остается одним из центров внешнеполитических конфликтов.*

Ключевые слова: Тайвань, КНР, внешняя политика, международная арена, проблема, США, Япония, AUKUS.

Тайваньская проблема существует уже на протяжении достаточно долгого периода времени, однако она не может находиться в неизменном состоянии постоянно. Представители материкового Китая уже много раз заявляли о своем намерении вернуть остров в состав КНР и ни при каких обстоятельствах не отступят от своей позиции. Исходя из этого необходимо изучить возможные варианты развития дальнейших действий стран, вовлеченных в проблему, и понять какие исходы могут существовать в разрешении данного вопроса. Стоит отметить, что любой возможный вариант решения вопроса, обязательно повлияет на текущую расстановку сил на международной арене.

Для начала необходимо разобраться какие группы населения присутствуют на острове и каких политических взглядов они придерживаются. Граждан Тайваня можно распределить на три основные группы в зависимости от их взглядов на тайваньский вопрос:

1. Военные и гражданские лица, бежавшие с материкового Китая или их потомки. Такие люди могут как разделять чувство

национальной идентичности с КНР, так и наоборот быть крайне негативно настроены по любым вопросам касающихся объединения с КНР.

2. Коренные жители острова. Таких людей на Тайване большинство. Как правило, они признают родственные связи с КНР, но не выступают за воссоединение с материком.

3. Лица, активно выступающие за полную независимость Тайваня. Такие люди, как правило, полностью отрицают свою связь с КНР [1, с. 47].

Как можно видеть, у населения острова довольно различные взгляды и позиции по отношению к КНР. Жители Тайваня имеют достаточно высокий уровень национальной идентичности. Это связано с двумя основными факторами:

1. Естественная смерть китайцев, бежавших с материка. Новые поколения не имеют такой тесной связи культурой материкового Китая и не признают его своей родиной.

2. Влияние правительства ДПП. Демократическая прогрессивная партия всегда

выступала против воссоединения с материком. При нахождении у власти ДПП в систему образования были внесены некоторые изменения, показывающие КНР в худшем свете [2, с. 10].

Образование является ключевым фактором формирования приоритетов и ценностей у молодого поколения. Внедрив новые принципы в систему образования, у ДПП успешно удалось добиться формирования и развития тайваньской идентичности.

В своей деятельности ДПП проводит агитацию не только в системе образования, но и в обществе в целом. ДПП долгое время находилось у власти, что в свою очередь, позволило им провести успешную пропагандистскую деятельность за время своего правления. Основными идеями ДПП, которые они несли в массы, были:

- воспитание непринятия населением идей воссоединения с КНР;
- необходимость защиты острова в случае агрессии материка;
- необходимость сохранения демократических ценностей и свобод.

Благодаря серьезной работе ДПП в сфере пропаганды большая часть населения Тайваня на сегодняшний день воспринимают США как образец для подражания, а КНР как авторитарную страну, от агрессии которой необходима серьезная защита. В настоящее время ДПП также активно проводит свое освещение в СМИ, и, в связи с этим, местные медиа на острове транслируют информацию о важности сохранения независимости Тайваня.

В 2022 году был проведен опрос среди тайваньского населения. Опрос заключался в определении позиций граждан по вопросам будущего острова. Среди возможных вариантов ответа на опрос было три варианта:

- за полную независимость острова;
- за объединение с материковым Китаем;
- за сохранение Тайванем статуса-кво.

54% опрошенных выступили за третий вариант, 30% за первый и 7% за второй. Как можно видеть из опроса, большинство жителей острова считают, что лучшим будущим для Тайваня является сохранение его существования как непризнанного государства, с широкими неформальными международными связями [3].

Такие результаты опроса могли быть связаны с произошедшими в 2019 году событиями в Гонконге. Тогда там начались массовые протесты против введения КНР нового закона «Об

экстрадиции». Суть закона заключалась в том, что лицо совершившее преступление (или лицо подозреваемое в совершении преступления) подлежало выдаче на территорию материка. Стоит отметить, что в этом случае позиция КНР была довольно сдержанной и закон так и не был введен на территории Гонконга. Однако сама попытка введения такого закона вызвала бурную реакцию на Тайване, и концепция «Одна страна – две системы» была еще более раскритикована. В любом случае вариант разрешения проблемы, представленный КНР, и так не получал отзывов среди населения острова, но события на Гонконге только укрепили негативное мнение жителей о плане материка [4].

В 2020 году Тайванем был опубликован анализ ситуации в Гонконге за 23 года его существования в составе КНР. В этом анализе была выдвинута критика КПК за ее отказ в поддержании высокой автономии Гонконга, также был сделан акцент на растущие акции протеста и на учащение массовых демонстраций. Основной претензией Тайваня было ужесточение контроля над Гонконгом со стороны Пекина.

Жители острова склонны полагать что при «гонконгском решении» тайваньской проблемы, остров ждет та же участь. Также в 2020 году Национальный фонд Тайваня опубликовал анкету. В этой анкете проводился опрос: «Если Китай применит силу против Тайваня для объединения, будете ли вы готовы сражаться, чтобы защитить Тайвань?». 80% участников опроса выразили свою готовность встать на защиту независимости острова [5].

Подводя итог в рассмотрении вопроса о мнении жителей острова, можно сказать о том, что тайваньцы относятся крайне негативно к идее о присоединении к КНР. Жизнь в капиталистическом обществе с ценностями демократии и со свободой слова, более приемлемы для жителей острова. На протяжении всего времени независимости Тайваня жители успели приобрести свою национальную идентичность и развить собственную культуру. И чем больше время Тайвань будет сохранять свою независимость, тем сильнее будет укрепляться сегодняшнее мировоззрение населения.

Одним из очевидных вариантов разрешения тайваньской проблемы является военное вторжение КНР. В конституции КНР Тайвань обозначен как «часть священной территории Китайской Народной Республики». Также в конституции есть пункт, который гласит:

«Завершение великого дела воссоединения Родины – священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване» [6]. Также важный закон был издан КНР в 2025 году «О противодействии расколу страны». Рассмотрев все эти пункты и законы можно сделать вывод, что право в КНР допускает возможность разрешения вопроса силовым методом.

Но КНР понимает к каким последствиям может привести военное вторжение на остров. Такое решение проблемы вполне может перерасти в полномасштабную войну, так как в тайваньскую проблему вовлечены не две страны. Так, например, для Японии важно не допустить усиления КНР, а значит она будет прямо или косвенно вовлечена в военный конфликт. Для Японии Тайвань является важным стратегическим и экономическим партнером. Япония, совместно Тайванем проводят совместные инвестиции и открывают совместные предприятия. Из этого следует, что, если остров войдет в состав КНР, Япония понесет большие экономические убытки. Такой исход тайваньской проблемы явно не входит в планы правительства Японии.

Есть вероятность, что США также могут присоединиться к вооруженному столкновению. Согласно закону «Об отношениях с Тайванем» от 1979 года Соединенными Штатами было взято на себя обязательство по обеспечению безопасности Тайваня. Также на сегодняшний день США являются ключевым союзником Тайваня. Союз Тайваня и США сегодня является основным сдерживающим фактором для КНР. Также стоит отметить, что в запасе у США разработан стратегический план по защите острова в случае попытки его захвата, под названием «разбитое гнездо» (Broken Nest). В случае захвата острова, у КНР в руках окажется территория с развитой экономикой. Помимо этого, КНР получит предприятия Тайваня по производству полупроводников. Такой расклад событий крайне невыгоден для США, так как они ведут против Китая активную торговую войну и регулярно применяют свои санкции в отношении китайских компаний, производящих полупроводники. Поэтому суть плана «разбитое гнездо» заключается в быстрой ликвидации отрасли полупроводников на острове до момента их захвата Китаем. Реализация данного плана будет означать прямое участие США в военном столкновении с КНР. Также министр

обороны Австралии в 2021 году заявил, что в случае введения войск США на остров, у Австралии не будет другого выхода как присоединиться к ним. Такое заявление становится вполне логичным если учесть тот факт, что Австралия является членом AUKUS и имеет конкретные обязанности перед членами альянса.

В любом случае военное разрешение тайваньской проблемы является маловероятным исходом. Правительство КНР осознает все возможные риски и последствия такого шага. Но даже в случае принятия решения начать вооруженный захват острова, вероятность открытого столкновения КНР и стран альянса AUKUS крайне мала. Можно предположить, что в таком случае КНР будут ждать многочисленные санкции и международная изоляция.

Рассмотрев вариант военного развития событий, можно сказать о том, что такой расклад событий все же возможен, но крайне маловероятен. Для США и КНР очевидно, что в случае начала полномасштабной войны быстрая победа одной из сторон окажется невозможной, а долгая война невыгодна для обеих сторон. Вашингтонский центр стратегических международных исследований провел анализ тайваньской проблемы и возможных путей ее разрешения. В нем также были проанализированы варианты прямого военного столкновения КНР и США. Этот анализ показал, что США способны отразить военный удар по острову, но с большими потерями и непоправимыми разрушениями для экономики Тайваня.

На сегодняшний день, более вероятным остается мирное воссоединение двух Китаев. Во всех своих заявлениях КНР утверждает о том, что для них важно сосредоточиться на мирных способах урегулирования проблемы. В 2023 году представитель канцелярии Госсовета КНР по делам Тайваня Ма Сяогун выступил со следующим заявлением: «В дальнейшем мы намерены проводить широкое и глубокие консультации со здравомыслящими представителями всех сфер тайваньского общества по теме воссоединения и отношений на двух берегах. Мы будем укреплять обмены и диалог, вместе стимулировать мирное развитие отношений по обе стороны Тайваньского пролива, продвигать процесс мирного воссоединения родины». Стоит отметить, что шанс на мирное воссоединение возможен только при нахождении у власти на острове партии лояльной КНР.

КНР активно пытается завоевать доверие тайваньцев путем экономической интеграции. Количество торговых связей между островом и материком растет с каждым годом, а КНР уже несколько лет подряд остается самым крупным рынком экспорта и основным направлением для инвестиций для Тайваня. Вероятно, экономическая интеграция КНР на остров будет только увеличиваться. Также стоит отметить, что сегодня идет разработка идей по открытию пилотных зон интегрированного развития двух берегов пролива.

С большой вероятностью КНР будет реализовывать свой план по мирному воссоединению следующим образом. До следующих выборов на Тайване КНР не будет принимать каких-либо глобальных действий в этой сфере. От результатов следующих выборов зависит и сама возможность реализации плана по мирному воссоединению. В случае победы партии «Гоминьдан» есть шанс вернуться к принципам «Одна страна – две системы» или же к «Консенсусу 1992». Но стоит отметить, что в 2019 году на острове была зарегистрирована еще одна политическая партия – Тайваньская народная партия (ТНП). По официальным заявлениям, ТНП они позиционируют себя как независимая политическая сила. Если подробно рассмотреть ТНП, можно определить, что эта партия преследует попытку сохранить взаимовыгодное сотрудничество с КНР, но в то же время выступает за сохранение полной независимости Тайваня. Победа партии ТНП на следующих выборах маловероятна, но само наличие третьей партии может привести к утечке голосов из двух основных партий.

Сложно сделать прогноз о победе Гоминьдана или ДПП на следующих выборах, так как они состоятся только в 2028 году. За такой большой срок общественные настроения на острове могут поменяться в пользу любой из партий. Но победа Гоминьдана крайне необходима для КНР. Основной задачей для КНР до следующих выборов будет донести до

населения Тайваня свое видение на правление ДПП. Для КНР важно указать на то, что при правлении ДПП ни одна поставленная задача не была выполнена. Полная независимость острова так и не достигнута, при этом отношения с КНР значительно ухудшились.

Литература

1. Кулешова Н. Силовой путь объединения Тайваня с материковым Китаем / Н. Кулешова, Ч. Чжан // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2022. – № 9-10. – С. 42-49.
2. Lingbin, Liu. 两岸大交流背景下台湾青年的“国家认同”研究刘凌斌 / Liu Lingbin // Research on the “National Identity” of Taiwan Youth in the Context of Cross-Strait Exchanges «Taiwan Studies», Issue 5, 2014. P. 13.
3. Taiwan Independence vs. Unification with the Mainland (1994/12~2022/12) // Election study Center NCCU: [сайт]. – 2023. – 13 янв. – URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7801&id=6963> (дата обращения: 27.03.2025).
4. Кашин В. Тайваньский вопрос: «один Китай» не может ждать вечно / В. Кашин // Валдай: международный дискуссионный клуб: [сайт]. – 2022. – 31 авг. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tayvanskiy-vopros-odinkitay/> (дата обращения: 29.03.2025).
5. 台灣民主基金會民調：願為台灣而戰再比往年攀升 高達近8成 新頭殼 2020.10.16 // Newtalk: [сайт]. – 2020. – 16 окт. – URL: <https://newtalk.tw/news/view/2020-10-16/48017> (дата обращения: 25.03.2025).
6. 中华人民共和国宪法 中华人民共和国中央人民政府 // The Central People's Government of the People's Republic of China: official website – 2023. – URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/14/content_6310.htm (дата обращения: 29.03.2025).

MAXIMOV Pavel Evgenievich

Student, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russia, Blagoveshchensk

POSSIBLE PROSPECTS FOR RESOLVING THE TAIWAN PROBLEM

Abstract. *Today, the People's Republic of China has significant weight in the international arena. But not so long ago, China was a country that could not even defend its own interests. China's dramatic leap from an insignificant state to one of the world's leaders was partly due to the reforms of the 1980s. Currently, China is not only a state with a developed economic sphere and modern infrastructure, but also one of the leading nuclear and space powers. Since the beginning of the 21st century, China has increased its economic growth and has subsequently become the fastest-growing economy in the world. For modern China, the Taiwan issue has been the main problem for many years. Taiwan is a partially recognized island state, located only 180 kilometers away from the main China. Historically, the territory of Taiwan has remained controlled by China for a long time. But during the Second World War, Japan seized the island and established its regime there. After the defeat in the civil war, the Kuomintang Party fled to Taiwan and founded a new state on the island, which continues to exist today. The Taiwan issue is making its own adjustments in international relations, especially in relations between the United States and China. The island is an important strategic object in the Asia-Pacific region (APR), therefore it remains one of the centers of foreign policy conflicts.*

Keywords: Taiwan, China, foreign policy, international arena, problem, USA, Japan, AUKUS.

РЕМЕНЕВ Илья Константинович

магистрант,

Благовещенский государственный педагогический университет, Россия, г. Благовещенск

*Научный руководитель – заместитель директора по научной работе
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Савченко Анатолий Евгеньевич*

ЗАРОЖДЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ КНДР

Аннотация. Появление ядерного вооружения у стран, ранее им не обладавшим, вызывает глубокую озабоченность соседствующих стран по целому ряду причин, так как резко меняется баланс сил в регионе, а также повышается вероятность применения оружия массового поражения в случае возникновения конфликта. В связи с чем мировым сообществом разработан и внедрен целый ряд механизмов по контролю за распространением технологий производства ядерного оружия. Следует отметить, что Разработки Северной Кореи (КНДР) в области создания и развития ракетно-ядерного потенциала являются очень серьезной проблемой в современных международных отношениях стран Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: КНДР, ДНЯО, ракетно-ядерная программа.

Ядерное оружие с момента его создания и до настоящего периода остается самым опасным по масштабу поражения и последствиям применения. Применение данного оружия в военном конфликте может привести к катастрофе мирового масштаба, поэтому мировое сообщество старается не допустить возможности конфликта, который перерастет в трагедию. Страны, которые смогли создать ядерное оружие, используют его для сдерживания агрессора или устрашения противника. На данный момент по официальным данным ядерное оружие имеют следующие страны: «США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Израиль, КНДР» [1, с. 180].

Тем не менее владение ядерным вооружением какой-либо из стран может служить дестабилизирующим фактором для региона. КНДР самая молодая из стран, официально заявивших о наличии ядерного вооружения. В 2006 г. КНДР провела первые ядерные испытания, заявив о себе как о ядерной державе, что привело к нарушению баланса сил в Северо-Восточной Азии. Ядерное оружие Северной Кореи является фактором угрозы для Южной Кореи и Японии.

Международное сообщество относится к факту владения КНДР ядерным оружием как к угрозе для мира в силу нарушения последними международного режима ядерного

нераспространения и возможности экспорта ядерных технологий в другие страны.

В середине двадцатого столетия произошел один из крупнейших конфликтов, который мог перерасти в ядерную войну – Корейская война 1950–1953 гг. Военный конфликт относится к периоду «холодной войны», противостоянию США и СССР. Война усугубила напряжение на Корейском полуострове и определила ход взаимоотношений в регионе. Военный конфликт и его итоги до сих пор остаются дискуссионными вопросами. Результатом военного конфликта стал раскол страны на два государства, разделяющих противоположенные политические взгляды. Война породила нестабильность, стала тормозом для создания безопасного пространства Северо-Восточной Азии.

Корейская война 1950–1953 гг. принесла большие людские и технические потери. Южная и Северная Кореи стали существовать как отдельные государства в 1948 г., Южная с поддержкой США, а Северная СССР. Завершение конфликта завершило раскол между странами прокапиталистического лагеря (Южная Корея) и прокоммунистического (КНДР) и запустило целую серию конфликтов. По корейской границы была создана демилитаризованная зона. В политическом отношении для СССР и США война закончилась безрезультатно. Опыт военного противостояния для СССР и США стал поводом для смены военно-политической стратегии. Советский Союз перестал активно

вмешиваться в политику соседних государств, предпочитая косвенное участие. США стали наращивать военный потенциал, предпочитая использовать все виды вооружения, в том числе ядерное для устрашения.

На Корейском полуострове сохранилась военная и политическая напряженность во всем Северо-Восточном регионе. Военный конфликт не изменил границу между государствами, проходившую по 38-й параллели, усилил недоверие двух стран друг к другу [2]. США продолжили участвовать в политике Южной Кореи, в том числе сосредоточили свое военное присутствие, а в последствии в 1958 г. разместили ядерное вооружение. Главным итогом для КНДР стало осознание опасности положения их страны и необходимости создания собственного ядерного вооружения.

КНДР не была способна самостоятельно пройти весь путь создания вооружения. В 1956 г. между СССР и КНДР было заключено соглашение о сотрудничестве в ядерной сфере. Тем не менее СССР понимал, что Ким Ир Сен, возглавляющий страну, довольно непредсказуем и его намерения могут быть опасны для мирового сообщества, поэтому несмотря на соглашения непосредственных действий по предоставлению готовых разработок СССР не осуществлял. В рамках соглашения страны договорились о развитии ядерной энергетики, 250 ученых из КНДР прошли обучение в Дубне. «История создания ядерного вооружения КНДР имеет два этапа: первый этап охватывает период с 1950-х до 1970-х гг.; второй этап с 1970-х гг. до настоящего периода» [3, с. 45].

Первый этап 1950-е – 1970-е гг. характеризуются зарождением ядерного вооружения, оформлением основных исследований в данной области, созданием инфраструктуры, подготовкой научной базы, сотрудников и технического потенциала. Первый этап проходил при непосредственном участии СССР и частично КНР.

Первыми предпосылками для разработки ядерного вооружения в КНДР стало обнаружение в 1947 г. на их территории залежи урана, но его преобразование в ядерное вооружение имеет долгий путь и предполагает развитие технологий на достаточно высоком уровне. Начало разработок не имеет конкретной даты, исследователи выстраивают разные предположения на этот счет. Часть исследователей связывают начало разработок с окончанием Корейской войны. На данном этапе по отношению к КНДР враждебно были настроены США, которые владели ядерным потенциалом. Вопрос владения ядерным вооружением являлся

вопросом безопасности. Вторая дата, которая фигурирует в исторических исследованиях – это начало 1960-х гг.

Российский историк В. Ткаченко считает, что непосредственным стимулом к началу ядерных исследований в военной области в КНДР послужил отказ Москвы предоставить Пхеньяну военную помощь в декабре 1962 г. [4, с. 68].

В 1952 г. в Пхеньяне произошло открытие Академии наук, на базе которой создан научно-исследовательский институт атомной энергии. В данный период КНДР могла рассчитывать только на помощь СССР. В 1955 г. представители от КНДР прибыли в Москву и стали активными слушателями на конференции по атомной энергии, в 1956 г. согласно соглашению о научных обменах между СССР и КНДР специалисты стали приезжать на стажировку в Областной институт ядерных испытаний в г. Дубна вблизи Москвы.

СССР в своей политике опирался на фактор угрозы со стороны США на юге Корейского полуострова, поэтому, несмотря на то что просто предоставить ядерные разработки они не желали они шли на сотрудничество с КНДР и оказывали им помощь и поддержку, что обуславливало их дальнейшую политику. СССР принял решение стимулировать ядерную программу КНДР, в рамках данных мероприятий был открыт ядерный научно-исследовательский центр в Йонбёне. Участие СССР одновременно позволяло им производить контроль за разработками корейцев в сфере ядерной энергетики, который они осуществляли до 1980-х гг. «В 1956 г. в Енбене был запущен экспериментальный реактор мощностью 2 МВт. и создан научно-исследовательский центр ядерной физики при техническом содействии СССР» [5, с. 67]. Данный комплекс был засекречен и с целью сокрытия получил название «Енбенская мебельная фабрика». Помощь СССР также заключалась в поставке урана, но вскоре КНДР стала производить самостоятельную добычу из собственных месторождений. В рамках контроля Советский Союз обозначал необходимость доставки отработанного топлива обратно в СССР. «Под давлением Москвы в 1977 г. КНДР была поставлена под наблюдение МАГАТЭ» [5].

В 1959 г. между СССР и КНР были подписаны протоколы, в которых был рассмотрен вопрос разработки и владения КНДР ядерным вооружением. Дополнительные протоколы включали пункт о мирном характере ядерных технологий Северной Кореи.

Ситуация, складывающаяся на Корейском полуострове и мировая реакция на нее

подтолкнула Южную Корею к началу собственных ядерных разработок. Отметить начало активных шагов в данном направлении можно с 1974 г. Между Северной и Южной Кореей началось нарастание противоречий, опасения вызывало и намерение США вывести свои войска с территории Южной Кореи. США отреагировали негативно на идею создания ядерного оружия Южной Кореей и отказались от идеи вывода войск, а также подтвердили, что при военной угрозе они предоставят помощь Южной Корее.

Примерно в этот же период времени КНР запускает собственную ядерную программу. КНДР идет на сближение с КНР. «В 1959 г. было подписано соглашение между КНДР и КНР о сотрудничестве в области ядерных исследований» [3].

После запуска в 1960-х гг. научного центра в Йонбёне СССР поставил в КНДР реактор ИРТ-2000. Данный реактор в 1967 г. был введен в эксплуатацию, корейцы использовали его для проведения обучения и производства изотопов. СССР в рамках поддержки КНДР осуществлял поставки ядерного топлива, оборудования для радиохимической лаборатории и критсборку мощностью 100 Вт [1, с. 178-182]. Лаборатория КНДР на данном этапе включала 7 горячих камер и 9 перчаточных боксов для работы с высокоактивными веществами [3].

Таким образом, после обретения независимости КНДР начал осознавать необходимость ее сохранить. Уже с середины XX в. Северная

Корея ведет разработки в сфере ядерной энергетики. На первых этапах большую поддержку они получили от СССР, она заключалась в первую очередь в научной помощи, а также в участии в финансировании.

Литература

1. Лазарева Е.В. К вопросу о роли корейского фактора в современных международных отношениях / Е.В. Лазарева, А.В. Сланикова // Глобальная и региональная безопасность в XXI веке. – Екатеринбург, 2014. – С. 178-182.
2. Асмолов К.В. Подведение итогов Корейской войны и вопрос мирного договора / К.В. Асмолов. – URL: <http://ru.journalneo.org/2013/06/10/the-korean-war-and-the-peace-treaty-issue> (дата обращения: 07.11.2024).
3. Денисов В.И. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. / В.И. Денисов, В.Ф. Ли, А.В. Торкунов. – Москва: ОЛМА Медиа групп, 2008. – 450 с.
4. Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России / В.П. Ткаченко. – Москва: Восточная литература РАН, 2000. – 206 с. – ISBN 5-02-018174-9.
5. Ланьков А.Н. КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи / А.Н. Ланьков. – Москва: Восток-Запад, 2005 – 445 с. – ISBN 5-478-00060-4.

REMENEV Ilya Konstantinovich

Graduate Student, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russia, Blagoveshchensk

Scientific Advisor – Deputy Director for Scientific Work of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Savchenko Anatoly Evgenievich

THE ORIGIN OF THE DPRK'S NUCLEAR PROGRAM

Abstract. The emergence of nuclear weapons in countries that previously did not possess them causes deep concern to neighboring countries for a number of reasons, as the balance of power in the region is dramatically changing, as well as the likelihood of the use of weapons of mass destruction in the event of a conflict. In this regard, the international community has developed and implemented a number of mechanisms to control the proliferation of nuclear weapons production technologies. It should be noted that the developments of North Korea (DPRK) in the field of creation and development of nuclear missile potential are a very serious problem in modern international relations of the countries of Northeast Asia.

Keywords: North Korea, the NPT, the nuclear missile program.

САДОВЕНКО Тимофей Романович

студент,

Благовещенский государственный педагогический университет, Россия, г. Благовещенск

СОВРЕМЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО УЛУЧШЕНИЮ ЯПОНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Настоящее исследование представляет собой комплексный анализ современных инициатив по улучшению японо-китайских отношений. В работе рассматривается специфика японо-китайских отношений, исторический контекст и мероприятия, предпринимаемые для стабилизации и улучшения взаимодействий между странами. Особое внимание уделяется территориальным вопросам и вопросам исторической памяти, их влиянию на взаимоотношения двух государств. Методологическая база включает сравнительно-исторический анализ и социологические данные.

Ключевые слова: Китай, Япония, военная оккупация, военные преступления, территориальные претензии, историческая память.

Введение

Япония и Китай – две ведущие экономические и политические державы Восточной Азии, чьи отношения на протяжении десятилетий остаются сложными и неоднозначными. Исторические противоречия, территориальные споры (особенно вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао) и геополитическая конкуренция создают напряженность. Однако в последние годы обе страны предпринимают шаги для улучшения двусторонних связей, осознавая взаимную выгоду от сотрудничества в экономике, безопасности и культурной сфере. В данной статье рассматриваются причины глубоких политических разногласий между двумя государствами, которые препятствуют их конструктивному диалогу и улучшению отношений, а также ключевые современные инициативы, направленные на стабилизацию и развитие японо-китайских отношений.

1. Исторический контекст

1.1. Исторические вопросы, влияющие на взаимоотношения Японии и Китая

Отношения между Японией и Китаем восходят к древним временам, когда Китай оказывал значительное влияние на японскую культуру, искусство и политическую систему. Нельзя не отметить ряд политических и дипломатических разногласий, произошедших между государствами в ранний период их взаимодействия. К примеру – Китай в период с IV в. н. э., когда начало образовываться первое японское государство, до событий Реставрации Мейдзи в Японии, долгое время не признавал Страну

восходящего солнца равным себе государством [2, с. 41].

Тем не менее взаимное влияние стран друг на друга было очень существенным. Как уже было упомянуто выше – многие черты китайской культуры, будь то зодчество, литература или религия, были приняты населением японских островов.

Однако XX век принес серьезные испытания этим отношениям, включая японскую агрессию против Китая во время Второй мировой войны, последствия которой продолжают ощущаться и сегодня. После окончания войны Япония и Китай начали постепенно восстанавливать дипломатические отношения, но проблемы, такие как территориальные споры и исторический ревизионизм, продолжали осложнять ситуацию.

Территориальные претензии часто становятся источником серьезных конфликтов. Примером может служить спор вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао между Японией и Китаем. Подобные споры вызывают националистические настроения и создают напряженность в отношениях между государствами.

Исторические события, особенно негативные, оставляют глубокий след в коллективной памяти народов. Например, японская агрессия против Китая во время Второй мировой войны продолжает вызывать болезненные воспоминания и недоверие [10, с. 58].

Большой проблемой для позитивной реализации мирных инициатив является то, что по этому вопросу оба государства не могут найти

компромисс. Попытки пересмотреть историю или оправдать прошлые преступления лишь усугубляют конфликт. Японии характерно отрицание своих военных преступлений. Лидеры государства ссылаются на специфику военного времени, в ходе которого невозможно обойтись без непреднамеренных потерь среди гражданского населения.

1.2. Территориальные разногласия Японии и Китая

Территориальные споры между Японией и Китаем представляют собой сложный узел исторических, юридических и геополитических факторов, отражающих глубокую историю взаимоотношений двух крупнейших экономик Азиатско-Тихоокеанского региона. Ключевым объектом конфликта выступает группа островов, известных как Сенкаку в Японии и Дяоюйдао в Китае. Эти небольшие острова расположены в Восточно-Китайском море и окружены водами, потенциально богатыми нефтяными запасами и рыбой, что придает особую значимость данному региону [5, с. 114].

Острова стали предметом дискуссий относительно их статуса задолго до начала XX века. До эпохи Мэйдзи (XIX век) острова фактически находились вне контроля какой-либо крупной державы, хотя японские исследователи зафиксировали их существование в морских документах XVII–XVIII веков. Однако именно Япония формально аннексировала острова в 1895 году, объявив их «ничейной землей». Вскоре после этого началась эпоха интенсивного промышленного освоения островов, особенно связанного с рыболовством.

Однако после поражения Японии во Второй мировой войне Соединённые Штаты временно взяли управление этими островами под свой контроль. Согласно Сан-Францисскому договору от 1951 года, подписавшему конец состояния войны между союзниками и Японией, сенкаку были переданы обратно Японии, хотя договор содержал оговорки относительно обязательств третьих сторон (например, Тайваня) [7, с. 97].

2. Современные инициативы по улучшению отношений Японии и Китая

2.1. Экономическое сотрудничество

а) Углубление торговых связей

Китай и Япония остаются ключевыми торговыми партнерами: Китай – крупнейший экспортный рынок для Японии, а Япония – важный источник технологий и инвестиций для КНР. В 2023 году товарооборот между странами

превысил \$300 млрд, несмотря на политические трения.

Региональные экономические инициативы: Обе страны участвуют во Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), крупнейшей в мире зоне свободной торговли, что способствует снижению барьеров.

Цепочки поставок: После пандемии COVID-19 Япония и Китай усилили сотрудничество в обеспечении устойчивости глобальных цепочек поставок, особенно в полупроводниковой и автомобильной отраслях [3, с. 27].

б) Инвестиции и технологии

Японские компании, такие как Toyota и Sony, продолжают расширять присутствие в Китае, несмотря на политические риски.

Китай заинтересован в японских высоких технологиях, особенно в области зеленой энергетики и робототехники.

2.2. Дипломатический диалог

а) Встречи на высшем уровне

В ноябре 2023 года премьер-министр Японии Фумио Кисида встретился с китайским лидером Си Цзиньпином на саммите АТЭС, где стороны договорились активизировать диалог.

В 2024 году ожидается визит китайского руководства в Японию для обсуждения вопросов безопасности и экономики.

б) Механизмы урегулирования конфликтов

Созданы горячие линии между военными ведомствами для предотвращения инцидентов в Восточно-Китайском море [12, с. 28].

Проводятся регулярные консультации по вопросам кибербезопасности и борьбы с изменением климата.

2.3. Культурные и гуманитарные обмены

а) Образовательные программы

Увеличилось количество студентов из Китая в Японии (около 120 тыс. в 2023 году) и наоборот.

Программы обмена, такие как JET Programme, способствуют межкультурному диалогу.

б) Популяризация культуры

Японская поп-культура (аниме, J-поп) остается крайне популярной в Китае, а китайские фильмы и сериалы набирают аудиторию в Японии.

Совместные культурные фестивали (например, «Год японо-китайской дружбы») помогают улучшить имидж стран.

Заключение

Современные инициативы Японии и Китая демонстрируют стремление к прагматичному сотрудничеству, несмотря на политические разногласия. Углубление экономических связей, дипломатический диалог и культурные обмены формируют основу для более устойчивых отношений. Однако долгосрочный успех будет зависеть от способности обеих сторон находить компромиссы по спорным вопросам и избегать эскалации под влиянием внешних факторов.

Противоречивые исторические события и недопонимание по многочисленным кризисным ситуациям все еще играют большую роль в отношениях обеих стран, тем не менее заметна позитивная прогрессия, и несмотря на небывший темп, отношения между двумя странами становятся более гибкими и позволяют чаще прийти к согласию.

Литература

1. Berkofsky A. (2023). Japan-China Relations: Between Competition and Cooperation. Institut français des relations internationales (IFRI).
2. Feng Z. (2022). Sino-Japanese Relations in the 21st Century: Antagonism Despite Interdependency. Palgrave Macmillan.
3. Global Times (2023). China, Japan Agree to Enhance Ties Amid Regional Challenges. [Электронный ресурс].
4. Japan Times (2024). Kishida, Xi Discuss Economic Cooperation Amid Tensions Over Senkakus. [Электронный ресурс].
5. Ministry of Foreign Affairs of Japan (MOFA) (2023). Japan-China Summit Meeting. [Официальный сайт].
6. Nikkei Asia (2023). RCEP and the Future of Japan-China Trade Relations. [Электронный ресурс].
7. Pugliese G. (2023). The Fragile Equilibrium: Japan-China Security Dilemmas in the East China Sea. The Diplomat.
8. SCMP (South China Morning Post) (2024). How Anime and J-Pop Are Bridging the Gap Between China and Japan. [Электронный ресурс].
9. Smith S.A. (2022). Japan, China, and the US: A Triangular Power Struggle in East Asia. Brookings Institution.
10. Xinhua News Agency (2023). China, Japan Pledge to Strengthen Cultural Exchanges in 2024. [Электронный ресурс].
11. Yahuda M. (2023). Sino-Japanese Relations After the Cold War: Two Tigers Sharing a Mountain. Routledge.
12. Zhang Y. (2024). Economic Interdependence and Political Distrust: The Paradox of Japan-China Relations. Asia Policy.

SADOVENKO Timofey Romanovich

Student, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russia, Blagoveshchensk

CONTEMPORARY INITIATIVES TO IMPROVE JAPANESE-CHINESE RELATIONS

Abstract. *The present study provides a comprehensive analysis of current initiatives to improve Sino-Japanese relations. The paper examines the specifics of Japanese-Chinese relations, the historical context, and the measures taken to stabilize and improve interactions between the two countries. Special attention is paid to territorial issues and issues of historical memory, their impact on the relationship between the two states. The methodological base includes comparative historical analysis and sociological data.*

Keywords: *China, Japan, military occupation, war crimes, territorial claims, historical memory.*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ДИЗАЙН

МИНУЛЛИНА Эльза Ильдусовна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Казанский государственный институт культуры, Россия, г. Казань

БАЙДРАХМАНОВА Рената Талгатовна

студентка, Казанский государственный институт культуры, Россия, г. Казань

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА БАРАБИНСКИХ И ТАРСКИХ ТАТАР И НАРОДОВ СИБИРИ

Аннотация. В данной статье мы проводим сравнительный анализ хореографического фольклора барабинских и тарских татар Сибири. Танцевальный фольклор Сибирских татар обусловлен природно-географическими условиями бытования. Кроме того, фольклор любого народа имеет взаимовлияния с теми народами с кем контактировали сибирские татары. А именно с русскими, казаками, хантами, мансами, и конечно же с казанскими татарами переселенцами.

Ключевые слова: фольклор, этнохореология, этнохореография, кинетография, кинетический анализ, сибирские татары.

У татарского народного хореографического фольклора очень богатое наследие, своими корнями уходит в глубокую древность. И в настоящее время есть необходимость в изучении всех этнических групп татарского хореографического фольклора, со всеми субэтническими разновидностями. В нынешнее время учёные выделяют этнические разновидности татар, которые разбросаны по самым разным уголкам нашей необъятной России: это – казанские татары, татары-мишари, касимовские татары, астраханские татары, татары-тептяри, татары-кряшены, сибирские татары. Сибирские татары состоят из трех субэтнических групп – томских (живут в Томской, Кемеровской и Новосибирской областях), тоболо-иртышских татар (живут Тюменской и Тобольской областях), барабинских и тарских татар (живут в Новосибирской и Омской областях). В этой статье мы проведем сравнительный анализ хореографического фольклора барабинских и тарских татар Сибири.

После разгрома хана Кучума в конце XVI в. русские установили свое влияние в Барабе, хотя «еще долгое время эта территория была

беспокойным приграничным районом русских владений в Сибири [8, с. 168]». Существенные сдвиги в расселении всех тюркоязычных групп Западной Сибири были связаны и с таким этнополитическим фактором, как земледельческое освоение этого региона русскими, что привело к возникновению чересполосицы в размещении их селений и хозяйственных угодий [8, с. 143-144, 175], хотя в Барабе русские появились позже, чем, например, в Тарском уезде, и, как указывают ученые [8, с. 175], в середине XVIII в. Это проникновение оказало в последующие два столетия наиболее сильное влияние на материальную и духовную культуру татар Западной Сибири, и, в частности, на народное хореографическое творчество.

В истории этнокультурных связей, особенно с конца XIX в. и по настоящее время, одно из важных мест занимают связи сибирских татар с русскими. Причем, как отмечает ФТ. Валеев, это воздействие на хозяйство, быт и культуру сибирских татар было положительным [2, с. 39]. Данные ученого о том, что с конца XIX – начала XX в. на свадебных торжествах сибирских татар

часто стали принимать участие их соседи – русские, казахи [2, с. 136], которых приглашали как хороших гармонистов, балалаечников, хотя и среди самих татар были замечательные певцы, плясуны, исполнявшие на свадьбах «русскую», «цыганочку» [2, с. 136], подтверждаются собранными нами полевыми материалами по традиционной народной хореографии сибирских татар [4]. Эти танцы, исполнявшиеся русскими на торжествах в этот период и в более позднее (советское) время, стали обозначаться тарскими и барабинскими татарами как «Подгорный» танец [4], пластика которого почти не изменилось, но поменялось название. Танцы русских хотя и вошли в духовную культуру татар Западной Сибири, однако татары четко их отличают от своих народных танцев.

Кинетический анализ материалов традиционной хореографии позволяет сделать вывод о том, что в 1930–1940-х гг. усиливается тенденция приобщения народной хореографии барабинских татар и в большей степени хореографии тарских татар к народной хореографии русских Сибири [3, с. 100]. Об этом свидетельствуют и другие факты. Во-первых, танцы русских Сибири так же, как и танцы локальных групп сибирских татар, либо хороводно-замедленные, либо кадрилино-напористые [3, с. 100–101; 7, с. 130]. Во-вторых, сибирский танец и тех и других этносов сопровождался несложным гармонным наигрышем, в который могли вплестаться песенные частушечные партии хора или солистов [4; 5; 7, с. 130], а также народными инструментами – балалайкой, рожком [2, с. 136; 7, с. 130]. В-третьих, функциональная направленность народных танцев русских и татар Сибири ко второй половине XX в. изменилась – большинство танцевальных элементов все более становятся художественным средством общения людей [7, с. 131–132].

К середине XX в. танцы приобрели бытовое значение. Они обычно исполнялись на праздниках, на различных торжествах, свадьбах. Кроме того, в народной хореографии татар Западной Сибири у исполнительниц женского пола много места в танце занимали дроби, которые исполнялись более мягко, чем в танцах русских. Исполнители народных танцев сибирских татар, особенно в сольных плясках, очень много импровизируют. Хороводы у русских Сибири являются самым распространенным видом танца [7, с. 131]. Для сибирских татар

также характерны хороводы, хотя композиционный рисунок чаще имеет форму разомкнутого круга, и в основе танцевальной лексики лежит не простой шаг, как у русских Сибири [3, с. 101; 7, с. 133], а шаг с очень мелким перемином стопами на одном месте. Хороводы русских и татар Западной Сибири сходны по составу исполнителей – преимущественно женские, хотя могли быть и смешанные, с участием юношей [7, с. 131]. Музыкальный размер – обычно 2/4 или 4/4 в умеренном темпе [7, с. 134] – также был сходен у данных народов. Кроме того, игровой характер хоровода находит отражение в тексте сопровождавшей его песни.

Сольная танцевальная лексика включала вращение вокруг себя в умеренном темпе как у русских [7, с. 135], так и у тарских, особенно барабинских, татар. Кроме этого, в танцах обнаруживается наличие дробей, хлопущек, русскоподобных присядок, ударов ступней [7, с. 135; 9, с. 5]. Однако, несмотря на вышеуказанные черты сходства, сибирские татары сохранили своеобразие облика, быта, религии, материальной и духовной культуры [2, с. 136; 10; 11, с. 231–232], в частности в области традиционной народной хореографии. К специфическим чертам народной хореографии барабинских и тарских татар мы относим: волнообразные движения руками, легкие частые переступания ногами, своеобразную «татарскую дробь» (трехструктурные топы), исполнение большинства движений на полусогнутых ногах («плие» татарского типа), частые повороты вокруг своей оси на 180°, 360° и более градусов [3, с. 101].

Издавна сибирские татары контактировали с казахами [11, с. 7–79]. Как отмечает Ф. Т. Валеев, «ассимиляция отдельных небольших групп казахов татарами была характерна для XVIII и первой половины XIX в. К концу XIX – началу XX вв. среди сибирских татар уже не наблюдалось тесных этногенетических связей с казахами» [2, с. 32–33]. Взаимовлияние прослеживается и на примере традиционной хореографии. Так, большинство «казахских старинных танцев рождено на отражении трудовой жизни казахского народа» [1, с. 4]. Подражание присуще танцам барабинских и тарских татар [3, с. 100]. Кроме того, «как остатки старинных обрядов казахов, выполняемых ночью при свете луны и связанных с хороводным

хождением вокруг костра, остались в отдаленных аулах ночные игры молодежи «Айголек» и «Караку-лах» [1, с. 4]. Подобное действие зафиксировал и Ф. Т. Валеев, который описал его так: «В некоторых аулах тарских татар в прошлом старики и старухи при виде луны совершали нечто вроде ритуального танца, ... сопровождая его громкими причитаниями» [2, с. 187]. К сходным танцам можно отнести пляску мужчины вокруг себя на одной ноге, другая нога при этом придерживалась рукой, а свободная рука ударяла по разным частям тела [1, с. 3], а также сольный танец мужчины, изображавшего коня, из аула Туралы Тарского района Омской области.

Однако несмотря на ряд сходств, в казахском народном танце есть такие черты, которые мы не находим в танцах сибирских татар, как, например, «судорожное вытягивание членов, посредством чего танцующие стараются выразить томление любви, тоску разлуки, угрозы, месть и другие сильные чувства» [1, с. 3], или элементы комических танцев («козлик», «заячий танец») [1, с. 3], народных танцев («гусиный ряд») [1, с. 3]. Все это подчеркивает этнокультурное своеобразие сибирских татар в целом, и барабинских и тарских татар в частности.

На сходство народной хореографии сибирских татар и шорцев указывает В. З. Савин [12, с. 21]. К общим чертам можно отнести следующее: хоровод, сольную пляску, коллективную пляску; в лексике танца – простейшие круговые и линейные перестроения, притопы, переступания на месте [12, с. 21]. Но многое в танцах сибирских татар и шорцев различно. Например, в народных танцах барабинских и тарских татар нами не зафиксированы подражательная пляска с элементами пантомимы, поклоны, наклоны, тряска корпуса, разнообразное песенно-инструментально-шумовое сопровождение, нанесение краски на лицо, а в шорских народных танцах все это есть [12, с. 21].

Ф. Т. Валеев, рассматривая кульминацию свадебного торжества тарских татар – вечерний пир (кицке туй) [2, с. 137], сообщал, что все участники этого торжества плясали под музыку, состязались в красноречии, а в песнях высмеивали родных и близких жениха и невесты [2, с. 137]. Ученый считает, что термин «кицке туй» сходен по своему фонетическому

звучанию с танцем «кицке туй» у шорцев в доме жениха [2, с. 137]. Это сравнение позволяет нам провести параллель между танцами друг перед другом у шорцев [12, с. 15] и хороводами (с использованием двух шеренг) у барабинских татар.

Опираясь на материалы В. З. Савина [13, с. 24-31] мы можем предположить, что сибирские татары в более ранний период контактировали с хантами, манси, телеутами [12, с. 15], подтверждение тому – сходство в традиционной народной хореографии: парно-массовый танец, основными движениями которого являются «неширокий шаг» [12, с. 15], повороты, кружения, рисунок танца – круг [8, с. 144-146].

Помимо этнокультурных связей сибирских татар с другими народами, существует ряд данных [8, с. 168], свидетельствующих о близости между собой двух локальных групп: тарской и барабинской, что подтверждает и кинетический анализ традиционной хореографии этих народов. Это и вращения вокруг себя, и топтание на месте, и использование особой татарской дроби, и плавные волнообразные движения руками. Все это стало характерным для хореографии данных групп в последнем столетии. Есть, конечно, и различия, которые наиболее заметны в манере исполнения танцев. Так, барабинцам свойственны хороводы более медленные, с мягкими, плавными движениями, а для тарских татар-танцы второго стиля (напористо-кадрильные).

Н. А. Томилов отмечает, что сочетание в различных предметах и явлениях черт разных хозяйственных миров и особенно их интеграция в области духовной культуры во многом связаны с этногенетическими процессами [14, с. 82]. Различия в специфических чертах, характерных для народных танцев барабинских или тарских татар, объясняются наличием разных хозяйственно-культурных типов: у барабинцев – более рыболовов и пеших охотников, нежели земледельцев и скотоводов (как отмечает Н. А. Томилов, ведущую роль в хозяйстве северной и средней части Барабы играли охота и рыболовство, на юге – скотоводство, что позволило ему выделить три хозяйственные группы населения: 1) скотоводы – рыболовы – земледельцы с незначительным распространением охоты среди них; 2) рыболовы – скотоводы – охотники с незначительным земледельческим

уклоном; 3) охотники – рыболовы – скотоводы). У тарских татар (В вопросе выделения того или иного ХКТ у тарских татар, по мнению Н.А. Томилова, существуют две точки зрения: 1) земледелие, дополнявшееся скотоводством, извозом, торговлей, частично рыболовством при отсутствии охоты; 2) земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, дополнявшиеся различными домашними промыслами) наоборот – больше скотоводов [3, с. 251-253].

В современных условиях, когда процессы глобализации поставили под угрозу сохранение культурного многообразия и самобытности этнических культур и малых народов, особенно актуальным становится исследовательское и публичное внимание к изучению и к возрождению национальных традиций, обычаев и обрядов. Эта проблема ставится на международном уровне. В 2003 году ЮНЕСКО приняла Международную Конвенцию об охране нематериального культурного наследия, признав, что духовная культура является особой сферой внимания, поскольку она может быть утрачена вместе с последними носителями ее традиций. Именно носителям фольклорных традиций, а также передаче уникального наследия уделяется особое внимание в современном изучении этнических культур. В России эта проблема имеет особое значение, здесь живут более 150 национальностей, каждая из которых имеет свои самобытные традиции. На заседании Государственного Совета Правительства России в 2006 году было принято решение о необходимости сохранения и возрождения традиционной культуры. Проблемы сохранения культурной идентичности в контексте изучения традиционной культуры – один из основных приоритетов современного гуманитарного знания.

Литература

1. Абиров Д.Т., Исмаилов А. Казахские народные танцы. – С. 4.
2. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. – Казань, 1993. – С. 187.
3. Левочкина Н.А. Традиционная народная хореография сибирских татар Барабинской степи и Омского Прииртышья конца XIX–XX в. // Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы: Материалы IV Международ. науч. конф. – Омск, 1997. – С. 100.
4. МАЭ ОмГУ 1989. – Т. 53-1.
5. МАЭ ОмГУ 1991. – Т. 64-1.
6. Умеров Д.И. Татарские этнические танцы. Сборник этнических танцев и плясок татар Среднего и Нижнего Поволжья. – Казань: Ихлас, 2012. – 168 с.
7. Фомин А.С. Традиционный танец русских Сибири // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 131-132.
8. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – С. 168.
9. Лисициан С.С. Танцевальный и театральный фольклор армянского народа. М., 1964. – С. 5.
10. Селезнев А.Г. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. – Новосибирск, 1994.
11. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. – С. 231-232.
12. Савин В.З. Традиционная танцевальная культура шорцев: (Проблемы самобытности, воссоздания, сценического применения): Автореф. дис. канд. искусствовед. – М., 1983. – С. 21.
13. Томилов Н.А. Сибирские татары. – С. 24-31.
14. Томилов Н.А. Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). – Томск, 1993. – С. 82.

MINULLINA Elza Ildusovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Kazan State Institute of Culture,
Russia, Kazan

BAYDRAHMANOVA Renata Talgatovna

Student, Kazan State Institute of Culture, Russia, Kazan

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE BRAGINSKY CHOREOGRAPHIC FOLKLORE AND THE TAR TATARS AND THE PEOPLES OF SIBERIA

Abstract. *In this article we conduct a comparative analysis of the choreographic folklore of the Baraba and Tara Tatars of Siberia. The dance folklore of the Siberian Tatars is determined by the natural and geographical conditions of existence. In addition, the folklore of any nation has mutual influences with those peoples with whom the Siberian Tatars were in contact. Namely, with Russians, Kazakhs, Khanty, Mansi, and of course with Kazan Tatar settlers.*

Keywords: *folklore, ethnochoreology, ethnochoreography, kinetography, kinetic analysis, Siberian Tatars.*

МУЛЛАХМЕТОВА Гузель Айратовна

студентка, Казанский государственный институт культуры, Россия, г. Казань

ГАЙ ТАГИРОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПОЛОЖИВШИЙ НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ ХОРЕОГРАФИИ

Аннотация. Творческая деятельность Гая Тагирова действительно оставила значимый след в развитии татарского хореографического искусства. Его подход к обучению и воспитанию новых талантов, а также внимание к фольклорным корням татарского танца позволили создать уникальный синтез традиций и современности. Тагиров не только преподавал основы балетной классики, но и активно работал над систематизацией татарских танцевальных движений, что способствовало более глубокому пониманию и популяризации национального танца. Его работы отличались яркостью, эмоциональностью и сюжетной насыщенностью, что делало их доступными и привлекательными для широкой аудитории. Важно отметить, что его постановки стали классическими образцами татарского народного танца, сохранившими свою актуальность на протяжении многих лет. Это свидетельствует о высоком уровне мастерства и художественного видения Тагирова, который смог соединить традиционные элементы с современными хореографическими формами. Таким образом, Гай Тагиров не только способствовал развитию татарского балета, но и заложил основы для дальнейшего изучения и популяризации татарской хореографии, что делает его фигуру ключевой в истории национального искусства.

Ключевые слова: основоположник татарского сценического танца, исследователь народной хореографии, фольклорный танец, творчество мастера татарского танца, образцы татарской национальной танцевальной культуры.

На сегодняшний момент Гай Тагиров по праву считается основоположником татарского сценического танца. Его творчество обогатило театральное искусство, внеся в него яркие краски жизни татарского народа, его историю и современность, будничные заботы и праздничные радости, а также весь спектр человеческих чувств – от счастья до скорби.

Родился исследователь 8 января в 1907 году в Анжеро-Судженске (Кемеровская область), Гай Тагиров с 1925 по 1928 год обучался в Татарском театральном техникуме, параллельно совершенствуя свое мастерство в балетной студии. С 1928 года он стал солистом балета и балетмейстером Татарского государственного академического театра. В 1931 год Гай Хаджиевич участвовал в научно-исследовательской экспедиции, где записывал танцевальные движения местных жителей, занимался сбором и изучением татарского фольклора. В 1933–1938 годах Г. Тагиров продолжил свое образование в хореографическом училище при Большом театре СССР (ныне Московская академия хореографии) под руководством педагогов А. М. Монахова (характерный и народно-сценический танец), П. А. Гусева и А. И. Чекрыгина (классический танец). По окончании училища был принят руководителем балетной труппы

Татарского государственного театра оперы и балета. В 1938 году стал главным балетмейстером театра. В эти годы с его участием в театре были созданы национальные оперы и балеты: «Алтынчэч», «Беглец», «Шурале», «Галиябану» и т. д.

В последующие годы, с 1939 по 1952 год, он работал балетмейстером Татарского государственного театра оперы и балета имени М. Джалиля, а с 1952 по 1970 год занимал пост главного балетмейстера ансамбля песни и пляски. За время своей плодотворной работы в оперном театре он создал хореографию для 35 балетных и оперных постановок, как классических, так и современных российских авторов. В 1972–1986 годы Гай Хаджиевич занимался преподавательской деятельностью в Казанском институте культуры, был наставником ряда представителей татарского балета, среди которых заслуженные артисты ТАССР Ф. Абдуллина, М. Гатиатуллин, Б. Ахтямов, А. Гацулина, Р. Садыков, Р. Сафин, А. Калимуллин, С. Хайруллин, заслуженный артист РСФСР С. Цветков.

Ключевой вклад Г. Тагирова заключается в его активном участии в формировании национального танцевального репертуара. Почти три десятилетия он посвятил Татарскому

государственному ансамблю песни и пляски, руководя им в качестве главного балетмейстера. Вся жизнь Гая Хаджиевича была неразрывно связана с татарским народным танцем: он исследовал его, создавал новые постановки и передавал свои знания будущим поколениям. Его авторитет в этой области подкреплён многочисленными публикациями – книгами и статьями, посвященными татарскому народному танцу.

В 1988 году Г. Тагировым была издана книга «100 татарских фольклорных танцев» с описаниями около ста тридцати татарских народных танцевальных движений, татарских мужских и женских костюмов.

Монография, подготовленная автором, является итогом многолетних исследований и представляет собой первый опыт систематизации традиционного татарского танца. В основу работы легли материалы этнографических экспедиций, проводившихся в 30–70-х годах XX века. Данное исследование охватывает не только танцевальные традиции Татарстана, но также и Урала, и Сибири. Несмотря на то, что представленный в монографии материал отражает лишь поверхностный слой татарского фольклорного танца и не сопровождается углубленным научным анализом, он является ценным источником информации, незаменимым на сегодняшний день.

Всего за сорок лет (с 1938 по 1978 гг.) Гае Хаджиевичем было создано для Татгосфилармонии, включая репертуар ансамбля и эстрады, около 70 танцевальных композиций, среди которых мы находим немалое количество танцев на русскую, башкирскую и украинскую тематику. Но все же главным в его творчестве остаются родные, татарские танцы.

Не только в сочинении танцев и их постановке проявилось богатое дарование Тагирова, его фантазия, темперамент, совершенное знание народного классического искусства и запросов современного зрителя. Параллельно в течение ряда десятилетий велась педагогическая работа с самостоятельностью, нуждавшейся подчас в освоении азов хореографии, и с талантливой профессионально ориентированной молодежью, видевшей в Гае Хаджиевиче мастера, знатока и энтузиаста балетного искусства. Труды эти не пропали даром. Тагирову удалось воспитать целую плеяду выдающихся представителей татарского балета, среди которых заслуженные артисты ТАССР Ф. Абдуллина, Б. Ахтямов, М. Гатиатуллин, А. Гацуллика,

А. Калимуллин, Р. Садыков, Р. Сафин, С. Хайруллин и заслуженный артист РСФСР С. Цветков. С ними Гай Хаджиевич овладевал основами балетной классики и «тайнами» национальной характерности татарского народного танца; для них годами работал над систематизацией и терминологическими обозначениями татарских танцевальных движений.

Творчество талантливого мастера татарской хореографии Гая Тагирова представляет собой большую ценность. Внимательное изучение жизненного пути и творчества позволило нам глубже ознакомиться с его знанием татарского народного танца и виртуозным претворением последнего как национально-характерной основы собственных, авторских композиций. Блеск их хореографии, насыщенность выдумкой, оптимизмом, юмором и лиризмом, крепкая сюжетная связь как с картинами далекого прошлого, так и с современными сценами из быта и жизни простых людей создают не только зрелищную занимательность. В доступной и увлекательной форме они воспитывают у зрителя чувство гуманистического жизневосприятия. В этом идейно-эстетическая целенаправленность творчества Гая Тагирова, в этом главная причина популярности его танцев. Лучшие из них живут десятилетиями – и на большой концертной эстраде, и на скромной сценической площадке сельского клуба, не переставая радовать зрителя.

Для всех постановок Гая Тагирова характерны близость к фольклорным источникам, подлинность национального характера, простота, изящество и точность хореографического текста и лексики. Многие из этих постановок приобрели характер классических образов татарской национальной танцевальной культуры.

Достижения исследователя Гая Тагирова в области татарского танца – одна из ярких страниц национального хореографического искусства.

Литература

1. Виноградов Ю. Гай Тагиров и его творчество / Ю. Виноградов // Тагиров Г. Татарские танцы / Г. Тагиров. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. – С. 246–255.
2. Власенко Г.Я. Танцы народов Поволжья / Г.Я. Власенко. – Самара: Изд-во Самарского университета, 1992. – 194 с.
3. Мерцалова М.Н. Поэзия народного танца. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 192 с.

4. Смолянинова Н.И. Танцевальная культура народов мира. – Барнаул, 2010. – 300 с.

5. Тагиров Г.Х. 100 татарских фольклорных танцев / Тагиров Г.; Вступ. ст. В. Горшкова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. – 158 с.

MULLAHMETOVA Guzel Ayratovna

Student, Kazan State Institute of Culture, Russia, Kazan

GUY TAGIROV IS A RESEARCHER WHO INITIATED THE STUDY OF TATAR FOLK CHOREOGRAPHY

Abstract. *Guy Tagirov's creative activity has indeed left a significant mark on the development of Tatar choreographic art. His approach to teaching and nurturing new talents, as well as attention to the folklore roots of Tatar dance, allowed him to create a unique synthesis of traditions and modernity. Tagirov not only taught the basics of classical ballet, but also actively worked on the systematization of Tatar dance movements, which contributed to a deeper understanding and popularization of the national dance. His works were distinguished by their brightness, emotionality, and plot richness, which made them accessible and attractive to a wide audience. It is important to note that his productions have become classic examples of Tatar folk dance, which have remained relevant for many years. This testifies to the high level of skill and artistic vision of Tagirov, who was able to combine traditional elements with modern choreographic forms. Thus, Guy Tagirov not only contributed to the development of Tatar ballet, but also laid the foundations for further study and popularization of Tatar choreography, which makes his figure a key figure in the history of national art.*

Keywords: *founder of Tatar stage dance, researcher of folk choreography, folklore dance, creativity of the master of Tatar dance, samples of Tatar national dance culture.*

МУХАНОВА Екатерина Вячеславовна

студентка, Сургутский государственный педагогический университет, Россия, г. Сургут

*Научный руководитель – доцент Сургутского государственного педагогического университета,
кандидат педагогических наук Левдик Юлия Юрьевна*

ПРИЁМЫ ВОЗДУШНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИ СОЗДАНИИ ГРАФИЧЕСКОГО ПЕЙЗАЖА

Аннотация. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту (далее ФГОС): реализация образовательных программ в области искусств основана на принципах непрерывности и преемственности и направлена на выявление одарённых детей и молодёжи в раннем возрасте, профессиональное становление, развитие обучающихся, основанное на возрастных, эмоциональных, интеллектуальных и физических факторах, а также последовательное прохождение взаимосвязанных этапов профессионального становления личности. Урок изобразительного искусства в рамках ФГОС должен развивать художественно-творческие способности детей, воспитывать эмоциональную отзывчивость к окружающему миру, развивать нравственно и духовно.

Анализ литературы по проблеме исследования позволил выделить основные приёмы воздушной перспективы при создании графического пейзажа. Чтобы освоить эти приёмы, детям необходимо знать: основные концепции воздушной перспективы, пространственные отношения в картине, какие использовать оттенки, как играть на контрасте. Необходимо сформировать умения: восприятие перспективы, создание гармоничной композиции, использование заднего и переднего плана, тоновые и световые приёмы, технические навыки, креативность, самовыражение, критическое мышление.

Ключевые слова: воздушная перспектива, пейзаж, графика, приём, обучение, искусство, образование.

Цель: раскрыть особенности использования приёмов воздушной перспективы в графическом пейзаже.

Задачи:

1. Выделить приёмы воздушной перспективы.
2. Рассмотреть историю развития графического пейзажа.
3. Обсудить уменьшение контрастности и чёткости силуэтов на переднем и задних планах.
4. Развить эстетическое восприятие.
5. Улучшить навыки самовыражения.

Графический пейзаж вошёл в историю XV–XVI века вместе с развитием печати и гравюрой. Изображение разных местностей, памятников, городов распространились в газетах по всему миру.

В истории отечественного искусства, пейзаж как жанр появился в конце XVIII века. Основоположниками были архитекторы, театральные диктаторы, мастера перспективы. Художники впервые представили графические пейзажи в виде парков и величественных дворцов.

Родоначальником графического пейзажа является современник Щедрина – Ф. Я. Алексеев. Его творения занимают особую роль в русском искусстве начала XX века. В его работах характерны пейзажи с видом на прекрасный Санкт-Петербург, стараясь передать портретные черты без искажений и утайки, какой он есть на самом деле.

Виды пейзажной графики, выполненные мастерами графиками, являются одной из разновидностей изобразительного искусства, где основной акцент делается на использовании линий, штриховки и пятен для создания образа. Пейзаж в графике занимает особое место, являясь важным жанром изобразительного искусства. Живописцы всегда восхищались красотой человека в сочетании с природой, что делает пейзажную графику особенно ценной [1].

Исследование развития графического пейзажа включает в себя изучения этого жанра как в мировом искусстве, так и в отечественном искусстве, а также рассмотрение этапов выполнения авторской творческой работы в графические техники. Вся глубина и многогранность пейзажа становится доступной через тонкости

графических приёмов и живописного постижении мира в его разнообразии и красоте. Графический пейзаж позволяет мастерам выразить свои видения природы, передать её настроение и уникальные черты с помощью линий, штриховки и пятен. Жанр подчёркивает гармонию человека и окружающего мира, воплощая в себе уважение и восхищение перед природой, её красотой и величием [2].

Линейная и воздушная перспектива в графическом пейзаже играет значительную роль в создании эффекта глубины и объёма. Применение правил линейной и воздушной перспективы в изобразительном искусстве способствуют развитию навыков и знаний, обучающихся в области изображения пейзажа. Как отмечается, воздушная перспектива в рисунках подразумевает целенаправленное изменение внешнего вида объектов на изображении под воздействием воздуха и пространства, создавая иллюзию удалённости и глубины [3].

Воздушная перспектива является одним из важных приёмов в изобразительном искусстве, который помогает художникам создавать видимое ощущение объёма на плоской поверхности. Воздушная перспектива очень важный инструмент для передачи пространственных отношений, или проще воздуха. Она помогает показать объем и создать реалистичные изображения ландшафтов, что особенно актуально для обучения учащихся не только средних школ, но для детей помладше, стремящихся овладеть искусством графического изображения.

Выделим основные приёмы создания воздушной перспективы в графическом пейзаже:

Первый приём – изменения объектов по цвету.

Принцип или даже закон воздушной перспективы заключается в том, что объект, который находится далеко от глаз, становится менее чётким и более размытым, чем объекты, находящиеся ближе. Этот закон, который легко понять и запомнить. Так происходит, потому что свет и воздух взаимодействуют, создавая атмосферные эффекты, которые влияют на видимость наших глаз. Например, в солнечный день далёкие горы могут казаться серо-голубыми и менее контрастными по сравнению с ярко освещённой зелёной травой на переднем плане. Этот эффект получается путём рассеивания света в атмосфере, что изменяет цвет и чёткость объектов на разных расстояниях.

Второй приём, изменение чёткости изображаемых предметов. Объекты, расположенные близко к зрителю, изображаются с высокой степенью детализации. Видны все трещинки, листики на деревьях, трава, или же волна на берегу. Но все меняется, по мере удаления объектов, они должны быть менее чёткими и более размытыми. Этот принцип и создаёт эффект глубины и чувство пространства, так зритель лучше воспринимает расстояние. Хорошим примером послужит лес на переднем плане и горы на заднем. Художник изобразит лес с чёткими контурами и текстурами, а для гор будет использовать мягкую кисть, делая их размытыми, так он уменьшает контраст между ними. Благодаря этому приёму зритель чётко понимает, что лес являешься главным объектом на картине, а горы дополняющим звеном.

Третий приём – контрастность. Контраст исходит от яркого акцента к приглушённому фону, управляя вниманием зрителя. Объекты поближе, имеют высокий контраст, делая их заметными, привлекая свой взгляд. А объекты подальше, имеют меньший контраст, они менее выражены, и помогают создать глубину. Этот приём используют для управления вниманием зрителя, указывая на определённые элементы в композиции [4].

В графическом пейзаже тоже есть правила, при использовании воздушной перспективы. Линии на переднем плане более толстые, чёткие и тёмные. Линии на заднем плане становятся более тонкими, светлыми и менее чёткими. Штриховка на переднем плане плотная, направленная в одну сторону, а на заднем она более редкая и хаотичная. Контраст между штрихами и пробелами уменьшается вдаль, делая объекты менее чёткими и более туманными.

Далее, воздушная перспектива, также включает в себя и линейную перспективу. Она берет основу из геометрии и оптики, и получается, что имеет одну точку схода. Предполагается, что линейная перспектива – это две параллельные линии, уходящие в глубину, которые будут сходить в одной точке схода на горизонте, создавая эффект трехмерности. Её используют, чтобы передать пропорции предмета. Линейная перспектива в сочетании воздушной перспективой помогает создавать более сложную композицию, например, в пейзаже.

Важно отметить, что для художника воздушная перспектива не является строгим правилом, она как инструмент для достижения

красоты и гармонии в картине. Он может игнорировать к или изменять принципы для создания определённого настроения и стиля. В пример можно поставить импрессионистов, техника которых заключалась в нечётких формах и ярких цветах, чтобы передать движение предмета и ощущение цвета, а не точную передачу пространства. Они послужили примером для молодёжи, на путь экспериментов с восприятием пространства.

Обучение воздушной перспективе в рамках школьного курса изобразительного искусства осуществляет обогащение опыта, приручает внимательно наблюдать и креативности. Знания основ помогут им в будущем в изучении других жанров изобразительного искусства, такие как натюрморт, морской пейзаж, портретная или бытовая зарисовка. Учащиеся изучат различные техники графита и акварели, что поможет применять приёмы воздушной перспективы в своих творческих работах. Приёмы будут помогать, освоить технические навыки, и найти свою индивидуальный стиль [5].

В процессе обучения воздушной перспективе важно не только теоретическое понимание, но и практическое применение. Учителя могут организовать занятия, на которых учащиеся будут исследовать различные пейзажи и анализировать, как атмосферные условия влияют на восприятие цвета и формы. Это может включать в себя выездные занятия на природу, где учащиеся смогут наблюдать за изменениями в освещении и в цвете в зависимости от времени суток и погодных условий [6].

Кроме того, надо поощрять учащихся анализировать работы известных художников, которые успешно использовали воздушную перспективу в своём творчестве. Это изучение картин таких мастеров, как Клод Моне, Иссак Левитан или Альфред Сислей, а из отечественных художников Павел Гречишкин и Иван Шишкин, которые мастерски передавали ощущение объёма и глубины в пространстве. Обсуждение этих работ в классе поможет учащимся развить критическое мышление и научить видеть и анализировать художественные приёмы [7].

Таким образом, мы изучили особенности использования приёмов воздушной

перспективы в графическом пейзаже. При решении первой задачи «Выделить приёмы воздушной перспективы», нами были определены следующие приёмы: изменения объектов по цвету, чёткости изображаемых предметов, применение контрастности, которые предлагают такие авторы как Кузин В. С., Кубышкина Э. И. Мы рассматриваем историю графического пейзажа, также кто являлся основателем отечественной графики. Вместе с этим анализируем процесс обучения графического пейзажа у учащихся.

Литература

1. Графика – вид изобразительного искусства [Электронный ресурс] // veryimportantlot.com – Режим доступа: <https://veryimportantlot.com/ru/news/blog/grafika-cto-eto-takoe>.
2. Урок. Конспект. Виды графики. Пейзаж в графике [Электронный ресурс] // infourok.ru – Режим доступа: <https://infourok.ru/urok-konspekt-vidy-grafiki-pejzazh-v-grafike-4274942.html>.
3. Что такое воздушная перспектива и как её рисовать [Электронный ресурс] // smirnov.school.ru – Режим доступа: <https://smirnov.school/blog/illustration/vozdushnaya-perspektiva-v-risovanii>.
4. Воздушная перспектива – главное средство передачи глубины в пейзаже [Электронный ресурс] // dshi-ust.nsk.muzkult.ru – Режим доступа: http://dshi-ust.nsk.muzkult.ru/media/2019/10/10/1263204613/vozdushnaya_perspektiva.pdf.
5. Кузин В.С. Основы обучения изобразительному искусству в общеобразовательной школе. – М., 2001.
6. Кузин В.С., Кубышкина Э.И. Изобразительное искусство в начальной школе. Учебник для общеобразовательных учебных заведений в двух частях / В.С. Кузин. М.: Дрофа, 2014. 89 с.
7. Маликова И.В. Психолого-педагогические условия развития способности первоклассника к учебному сотрудничеству: автореф. канд. психологических наук: 19.00.07 / И.В. Маликова. Оренбургский государственный педагогический ун-т. Самара., 2015. 24 с.

MUKHANOVA Ekaterina Vyacheslavovna

Student, Surgut State Pedagogical University, Russia, Surgut

Scientific Advisor – Associate Professor of Surgut State Pedagogical University,

Candidate of Pedagogical Sciences Levdik Yulia Yurievna

AERIAL PERSPECTIVE TECHNIQUES FOR CREATING A GRAPHIC LANDSCAPE

Abstract. According to the Federal State Educational Standard (hereinafter FGOS): the implementation of educational programs in the field of arts is based on the principles of continuity and continuity and is aimed at identifying gifted children and youth at an early age, professional development, student development based on age, emotional, intellectual and physical factors, as well as the consistent passage of interrelated stages of professional development. formation of personality. A fine art lesson within the framework of the Federal State Educational Standard should develop children's artistic and creative abilities, foster emotional sensitivity to the world around them, and develop them morally and spiritually.

An analysis of the literature on the research problem made it possible to identify the main techniques of aerial perspective when creating a graphic landscape. To master these techniques, children need to know the basic concepts of aerial perspective, spatial relationships in a painting, what shades to use, and how to play on contrast. It is necessary to develop the following skills: perception of the future, creation of a harmonious composition, use of the background and foreground, tonal and lighting techniques, technical skills, creativity, self-expression, critical thinking.

Keywords: aerial perspective, landscape, graphics, reception, teaching, art, education.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

АВРАМЕНКО Игорь Дмитриевич

магистрант, Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

*Научные руководитель – доцент кафедры криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук*

Бузько Николай Михайлович

СУЩНОСТЬ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ПОВТОРНЫХ, ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ, КОМИССИОННЫХ И КОМПЛЕКСНЫХ АВТОРОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Аннотация. Доступ к правосудию на равноправной основе закреплен в Конституции Российской Федерации как неотъемлемая часть правового статуса ее граждан. Правосудие, как специфический вид независимой от других органов власти деятельности, строится на принципах законности и справедливости. Одним из значимых механизмов обеспечения стоящих перед правосудием задач, выступает использование им результатов специальных знаний.

Основываясь на них, суд, не обладающий должным уровнем компетенций в вопросах науки, техники, искусства, ремесла, в состоянии познать закономерности произошедших процессов в этих областях и использовать такие сведения для проверки и оценки представленных доказательств.

Автороведческая экспертиза относится к классу речеведческих, для ее проведения лицу необходимо обладать специальными знаниями в сфере лингвистики, текстологии, языкознания. В данной статье рассмотрен процесс и его особенности при повторном назначении и производстве комиссионных и комплексных автороведческих экспертиз.

Ключевые слова: процессуальные особенности, судебная практика, автороведческая экспертиза, повторная экспертиза, комиссионные автороведческие экспертизы, комплексные автороведческие экспертизы.

В практике расследования преступлений и гражданских и арбитражных споров иногда возникают ситуации, когда результаты проведенного автороведческого исследования вызывают обоснованные сомнения в своей истинности. Здесь следует говорить о как об допущенных ошибках правового характера, так и об ошибках в обеспечении надлежащих познавательных подходах. Кроме ошибок, практика указывает на большое количество неточностей и неполноты исследований, когда суд или следователь не в состоянии самостоятельно, без привлечения специальных речеведческих знаний, доказать обстоятельство, значимое для дела.

В таких ситуациях законом предусмотрены правовые инструменты, предназначенные скорректировать и дополнить ранее

проведенное исследование. В частности, статьями 200, 201, 207 УПК РФ, 82, 83, 87 ГПК РФ, 84, 85, 88 АПК РФ предусматриваются в целом одинаковые подходы к правовым основаниям комиссионной, комплексной, дополнительной и повторной экспертизы. В части автороведческих судебно-экспертных исследований, эти виды тоже могут применяться, но комплексный характер исследования такого направления затруднен самой спецификой речеведения.

Процессуальные особенности к назначению повторных, дополнительных, комиссионных и комплексных автороведческих экспертиз предусматривают наличие разных оснований. Процессуальные кодексы, регулирующие такую деятельность уполномоченных субъектов, в целом устанавливают единообразные

требования к возможности дополнения или пересмотра первоначальных выводов автороведческого исследования.

Судебной практикой выработаны правила, руководствуясь которыми судья оценивает заключение эксперта: «если обоснованность заключения эксперта вызывает у суда сомнения, или в его выводах содержатся противоречия, не устранимые путем его допроса, либо при назначении и производстве экспертизы были допущены нарушения процессуальных прав участников судебного разбирательства, которые повлияли или могли повлиять на содержание выводов экспертов, то назначается повторная экспертиза».

Закон требует производить повторную экспертизу у другого эксперта. С точки зрения обеспечения задач судебного разбирательства или следствия, такая позиция не вызывает сомнений. Другой эксперт в такой ситуации не только осуществляет самостоятельное исследование, но также одновременно производит контрольную деятельность автороведа, проводившего первоначальную экспертизу. В гносеологической части он так же свободен в выборе методов и методик исследования, что позволяет формулировать, по существу, новое заключение.

Здесь возникает проблема оценки заключения автороведческой экспертизы субъектами доказывания, не обладающими специальными знаниями в сфере лингвистики и речеведения. Ни судья, ни следователь, ни прокурор, ни защитник, такими знаниями не обладают, но на них возлагается обязанность определения доказательственной ценности экспертного заключения и его ранжирование среди всей массы доказательств.

Что касается основания для дополнительной автороведческой экспертизы, то она может проводиться только тогда, когда ее результаты непонятны сторонам доказывания, или явно видна неполнота в исследованиях по поставленным изначально в постановлении речеведу вопросам. Но среди оснований чаще всего встречается нахождение следователем или судом по гражданскому или арбитражному спору новых обстоятельств или документов, которые, по их мнению, существенно повлияют на выводы эксперта.

С. В. Немира справедливо замечает, что типичной ошибкой является назначение повторной экспертизы только на том основании, что выводы эксперта не устраивают следователя

или суд по своей форме (вероятностные), либо не подтверждают выбранную ими версию.

Дополнительную экспертизу назначают тому же эксперту, что проводил первоначальную, или могут назначить другому эксперту. Норма закона не раскрывает случаи, в которых исследование должен проводить другой эксперт.

Практика показывает, что дополнительная автороведческая экспертиза поручается другому эксперту, когда субъект, ее назначающий, не удовлетворен формальным качеством ее выполнения, затягиванием сроков проведения исследования, или уровнем компетентности речеведа.

Остальные случаи свидетельствуют о назначении экспертизы установления авторства тому же эксперту, что выполнял первоначальное исследование. Причина нам видится в том, что эксперт хорошо знаком с объектами исследования, и у него появляются новые подходы по изучению текстов после отправления материалов дела на дополнительную экспертизу.

Если дополнительная экспертиза назначается в отношении речевых объектов, отображенных в веб-коммуникации, то работа автороведа осложнится в силу особенностей функционирования и распространения данного вида общения. Главным образом, здесь влияет программная возможность автору поменять первоначальное содержание своих слов или совсем удалить исследуемые высказывания.

Е. А. Галяшина обращает внимание экспертов-автороведов на то, что в веб-коммуникации «границы форм и стилей речи размываются, разрушается соотношение литературности и разговорности, в результате появляется особая форма письменно-устной речи, требующая формирования новых подходов к судебно-экспертному исследованию».

Мы согласны с обозначенным утверждением, так как психофизиологический механизм написания текста собственноручно и путем его набора на клавиатуре компьютера или мобильного телефона существенно различаются. Что приводит, вместе с убежденностью в полной анонимности автора-составителя, к формированию некой псевдореальной интернет-личности. Сложность также представляет стихийный характер распространения «вирусных» форм коммуникации в сети Интернет: фраз, мемов, особенностей описания определенных объектов, отражающих определенную психоэмоциональную реакцию применяющих

их людей. Они стремительно встраиваются в лексикон авторов текстов, используются ими, а затем так же стремительно заменяются новыми коммуникативными оборотами.

В этой связи в деле могут проявиться новые факты, истолкование которых необходимо в целях более точного и полного познания как семантического содержания коммуникации, так и времени составления текста и индивидуализирующих автора ошибок.

Существенной особенностью назначения дополнительной и повторной автороведческих экспертиз является установление следователем или судом факта неустранимости изъянов проведенного исследования путем допроса эксперта-лингвиста, проводившего экспертизу, или совокупностью других средств доказывания.

Комиссионные автороведческие экспертизы могут назначаться и проводиться, когда на изучение передается большой массив текстовой информации, и у инициатора исследования появляется реальная возможность идентификации составителя текста или установления его важных социально-демографических характеристик. Они позволяют в короткие процессуальные сроки выявить значимые закономерности в вопросах авторства текста. В работе над нашей магистерской диссертацией мы не сталкивались с комиссионными автороведческими экспертизами, хотя закон не запрещает их проведения.

Комплексные автороведческие экспертизы назначаются в ситуациях, когда наряду с необходимостью выявления автора-составителя или ориентирующей информации о нем, часто требуется установить психическое состояние автора. В дальнейшем это может служить основанием, чтобы принять суду решение отправить такого человека в психиатрический стационар на судебно-психиатрическую экспертизу.

Также встречаются комплексные исследования между автороведением и культурологией, религиоведением, философией и историей. Все такие случаи обладают индивидуальным подходом к формированию списка вопросов экспертам разных отраслей специальных знаний.

Р. В. Кулешов в этой связи обоснованно говорит, что «целесообразно назначить комплексную судебную экспертизу с использованием знаний не только в области речеведения, но и в области психологии и религиоведения (политологии, социологии, философии, иных

специальностей, в зависимости от того, мотивы какой направленности инкриминируются субъектам преступлений».

М. В. Аблин, занимаясь проблемными направлениями комплексных лингвистических экспертиз, отмечает неразработанность в науке критериев постановки вопросов экспертам. Он призывает суды и следователей не ставить экспертам обеих специальностей формулировки, имеющие юридические термины, а также с осторожностью подходить к выбору тактики построения вопросов. «Возможны две ситуации: одни и те же вопросы для экспертов разных специальностей, и отдельные вопросы для лингвиста и эксперта другой специальности».

По нашему мнению, в комплексных исследованиях с участием автороведа предпочтительнее осуществлять постановку разных вопросов экспертам разных научных специальностей. Аргументация такого выбора обуславливается упрощением организации экспертизы и возможностью разделения функций между экспертами в отношении предоставленных им объектов.

Фактическим основанием к назначению и проведению повторной, дополнительной, комиссионной или комплексной судебно-автороведческой экспертизы являются сомнения следователя и суда в правильном применении исследовательских методик и методов, в противоречивых выводах эксперта и его компетенции по рассмотренным вопросам. Но профессиональные участники судопроизводства не обладают требуемым набором специальных знаний, чтобы определить фактическую ценность результатов автороведческого исследования.

В таких ситуациях на помощь им приходит принцип состязательности сторон судопроизводства, в котором каждая из сторон вправе поставить под сомнение значимость доказательств противоположной стороны. Эта оценка носит промежуточный характер и направлена в первую очередь на суд, который принимает окончательное решение в разбирательстве.

Современный подход к назначению повторных, дополнительных, комиссионных и комплексных автороведческих экспертиз строится на приглашении стороной, не удовлетворенной результатом экспертного исследования, специалиста-речевода. Он, на основе своих специальных знаний, осуществляет проверку хода и результатов экспертизы на основе

представленного заключения, без проведения самостоятельного автороведческого исследования. Такая практика получила название рецензирование судебных экспертиз, она активно применяется в судопроизводстве и предварительном расследовании преступлений.

Говоря о роли рецензирования, А. В. Гусев приходит к выводу, что проведение подобного рецензирования становится нормой определения степени значимости заключения судебного эксперта в части соответствия такового принципам полноты проведенного исследования, научной обоснованности и объективности исследования. Так же в своей работе он отмечает серьезную проблему отсутствия у лиц, привлекаемых к процедуре рецензирования экспертиз, признания со стороны научного и профессионального сообщества, что ставит под сомнение обоснованность выводов самого рецензента.

Принципиальная возможность деятельности, связанной с изучением результатов автороведческой экспертизы специалистами той же области знаний, имеется по причине законодательного закрепления свободы оценки любых доказательств. Вторым условием выступает то, что процесс проведения автороведческой экспертизы не является нормативно утвержденным. Поэтому имеется возможность проводящим его экспертам-лингвистам самостоятельно выстраивать исследовательскую методику, опираясь на конкретный предмет и объекты исследования.

А. Е. Галинская на основе своего исследования, отмечает, что специалист проводит изучение материалов и выдает «рецензии на заключения эксперта и иные документы, в которых в одних случаях указываются ошибки экспертов, связанные с нарушением процессуального законодательства при проведении отдельных процессуальных действий, в других, – с неправильным выбором и применением комплекса необходимых методов исследования, в третьих, – с неверной оценкой данных, полученных в ходе экспертного исследования».

На наш взгляд, рецензирование автороведческих экспертиз носит трудоемкий и сложный характер, так как в них используется большое количество исследовательских методов, разделенных на группы. Данные методы выстраиваются речеведом в некую индивидуальную совокупность, в зависимости от последовательности запланированных им экспертных задач, а потом реализуются в стадиях

аналитического, сравнительного исследования объектов, формируя выводы для заключения.

Специалист, производящий проверку заключения автороведа, оценивает уместность выбора метода по отношению к стоящей перед ним экспертной задаче. Потом отмечает количество методов применительно к каждой задаче и последовательность и непротиворечивость логических выводов, и их отображение в процессуальном документе – заключении эксперта.

Отмечается, что приглашенный стороной дела специалист «часто материально зависим от пригласившей его для участия в деле стороны, что может расцениваться как нарушение положений ч. 2 ст. 71 УПК РФ и служить основанием для отвода такого специалиста».

Как показывает судебная практика, следователи и суды принимают во внимание мнение специалистов-рецензентов и в большинстве случаев приобщают сделанные ими выводы в дело. Впоследствии, они допрашивались судом в целях уточнения и пояснения своей позиции о недостатках автороведческой экспертизы, и их влиянии на появление недостоверных выводов.

Задача проведения рецензирования заключения эксперта специалистом, – порождение у суда или следователя сомнений в достоверности выводов и принятия процессуального решения по назначению повторной, дополнительной, комиссионной или комплексной экспертизы.

Типичными недостатками, которые находят специалисты-речеведы, влияющими на суды и следователей, являются: неприменение апробированного метода для решения конкретной экспертной задачи; неиспользование программных средств анализа структуры интеллектуально-речевого навыка или ошибки в анализе полученных статических данных; нелогичность структуры использованных экспертом методов, исходя из предмета исследования и стоящих экспертных задач; ошибки в сравнении изученных речевых навыков; недостаточность массива исследований для формулирования экспертом категорического вывода в заключении.

Рецензирование показывает уровень компетентности эксперта со стороны профессионального сообщества его области знания. Недостаточная компетентность, наряду с обнаружением какой-либо зависимости эксперта от стороны, выступает процессуальным основанием

отвода эксперта, и, соответственно, назначению новой экспертизы или постановка дополнительных вопросов ввиду неполноты первоначальной автороведческой экспертизы. Таким образом, помощь специалиста служит источником установления достоверности исследовательских выводов автороведческой экспертизы.

Литература

1. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 г. № 51 // СПС «Консультант Плюс» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/.
2. Немира С.В. Повторная экспертиза как способ проверки достоверности заключения эксперта в уголовном процессе // Закон и право. 2021. № 3. С. 123.
3. Галяшина Е.И. Судебная автороведческая экспертиза и феноменология коммуникации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 3. С. 102.
4. Кулешов Р.В. Роль судебно-автороведческой экспертизы в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности: типичные задачи, особенности назначения, соотношение со смежными видами экспертиз // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3. С. 150.
5. Аблин М.В. Комплексная экспертиза с участием лингвистов: специфика формулирования вопросов // Уголовное право. 2013. № 1. С. 129.
6. Гусев А.В. Научное рецензирование экспертных заключений: правовые и криминалистические проблемы // Научный портал МВД России. 2020. № 4. С. 99.
7. Огорелков И.В. Перспективы развития судебной автороведческой экспертизы // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 495-498.
8. Галинская А.Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве сторонами и их представителями: дисс. канд. юрид. наук. М., 2017. С. 80.
9. Галяшина Е.И. Судебная экспертиза: типичные ошибки: учебное пособие / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2021. С. 99.

AVRAMENKO Igor Dmitrievich

Master's Student, Kuban State University, Russia, Krasnodar

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of Kuban State University, Candidate of Law Buzko Nikolay Mikhailovich

THE ESSENCE, PROCEDURAL FEATURES OF THE APPOINTMENT AND PRODUCTION OF REPEATED, ADDITIONAL, COMMISSION AND COMPREHENSIVE EXPERT EXAMINATIONS

Abstract. Access to justice on an equal basis is enshrined in the Constitution of the Russian Federation as an integral part of the legal status of its citizens. Justice, as a specific type of activity independent of other authorities, is based on the principles of legality and justice. One of the significant mechanisms for ensuring the tasks facing justice is the use of the results of special knowledge.

Based on them, a court that does not have the proper level of competence in science, technology, art, and crafts is able to learn the patterns of processes in these areas and use such information to verify and evaluate the evidence presented.

The author's expertise belongs to the class of speech studies, for its implementation a person must have special knowledge in the field of linguistics, textual criticism, linguistics. This article discusses the process and its features in the reappointment and production of commission and comprehensive expert reviews.

Keywords: procedural features, judicial practice, expert examination of authors, repeated examination, commission expert examination of authors, comprehensive expert examination of authors.

АСТАХОВ Сергей Анатольевич

магистрант, Академия труда и социальных отношений, Россия, г. Москва

СЕРВИТУТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье анализируется правовая сущность сервитутов и их место в гражданском праве России. Исследуются виды сервитутов, условия их установления и реализация прав сторон, а также рассматриваются проблемы, возникающие в практике применения сервитутов, и предлагаются пути их решения через реформирование действующего законодательства.

Ключевые слова: сервитуты, гражданское законодательство, земельные отношения, правовое регулирование, реформы.

Институт сервитута, уходящий корнями в Римское частное право, представляет собой один из наиболее древних и одновременно актуальных механизмов регулирования отношений между собственниками недвижимого имущества. Формирование института сервитута в римском праве было обусловлено объективными потребностями экономического оборота. Необходимость обеспечения доступа к изолированным земельным участкам, организации водоснабжения, выпаса скота породила систему *iura in re aliena* – прав на чужие вещи, среди которых сервитуты заняли особое место. Римские юристы выработали детальную классификацию сервитутов, разделив их на личные (*servitutes personarum*) и вещные, или предельные (*servitutes praediorum*), последние, в свою очередь, подразделялись на сельские (*servitutes rusticae*) и городские (*servitutes urbanae*) [2].

Рецепция римского права в средневековой Европе способствовала распространению института сервитута в правовых системах континентального типа. Французский гражданский кодекс 1804 года [7], Германское гражданское уложение 1896 года закрепили основные принципы сервитутного права [8], адаптировав их к современным условиям. Особенностью европейского подхода стало расширение оснований установления сервитутов, включение в их число не только договорных, но и законных сервитутов, что отражало изменившиеся социально-экономические условия.

В дореволюционной России институт сервитута получил законодательное закрепление в Своде законов Российской империи. Том X Свода законов содержал нормы о «праве участия частного», которое по своей юридической

природе соответствовало сервитутам [9]. Российские цивилисты конца XIX – начала XX века, среди которых выделялись труды Г. Ф. Шершеневича [6], и иных ученых [4, с. 259–261], которые внесли существенный вклад в разработку теории сервитутных правоотношений, адаптировав европейскую доктрину к особенностям российского правопорядка.

Советский период характеризовался фактическим упразднением института сервитута. Господство государственной собственности на землю и основные средства производства делало ненужным детальное регулирование отношений между частными собственниками. Вместо сервитутов использовались административно-правовые механизмы землеустройства и землепользования, что привело к утрате теоретических наработок и практического опыта применения сервитутного права.

Возрождение института сервитута в российском праве связано с принятием части первой ГК РФ в 1994 году. Статья 274 ГК РФ определяет сервитут как право ограниченного пользования чужим земельным участком, устанавливаемое в случаях, когда без такого пользования невозможно обеспечить нормальную эксплуатацию принадлежащего правообладателю недвижимого имущества. Данное определение, будучи достаточно лаконичным, тем не менее содержит указание на ключевые признаки сервитута: его вещный характер, ограниченность содержания, функциональную связь с обеспечением использования недвижимости.

Анализ правовой природы сервитута требует рассмотрения его места в системе вещных прав. Сервитут относится к ограниченным вещным правам, что предопределяет ряд его существенных характеристик. Во-первых,

сервитут следует судьбе недвижимого имущества, для обеспечения использования которого он установлен. Переход права собственности на господствующий земельный участок влечет переход сервитутного права к новому собственнику. Во-вторых, сервитут обладает свойством публичности – он подлежит государственной регистрации и действует против любого лица, включая последующих приобретателей служащего участка.

Вещный характер сервитута проявляется также в особенностях его защиты. Владелец сервитута вправе требовать устранения любых нарушений его права, даже если они не причиняют ему убытков. Негаторный иск, предусмотренный статьей 304 ГК РФ, может быть предъявлен сервитутарием против любого лица, создающего препятствия в осуществлении сервитута.

Вместе с тем сервитут обладает рядом особенностей, отличающих его от иных вещных прав. Принцип наименьшего обременения, восходящий к римскому *civiliter uti*, означает, что сервитут должен осуществляться способом, наименее обременительным для собственника служащего участка. Сервитут не может быть самостоятельным предметом купли-продажи, залога и не может передаваться каким-либо способом лицам, не являющимся собственниками господствующего участка.

Современное российское законодательство предусматривает несколько классификаций сервитутов. Наиболее значимым является деление сервитутов на частные и публичные. Частный сервитут устанавливается в интересах конкретного лица – собственника недвижимого имущества, в то время как публичный сервитут призван обеспечивать интересы неопределенного круга лиц.

Частные сервитуты могут устанавливаться для различных целей. Наиболее распространенными являются сервитуты прохода и проезда, обеспечивающие доступ к изолированным земельным участкам. Судебная практика выработала критерии необходимости установления таких сервитутов. Так, в решениях Верховного Суда РФ подчеркивается, что сервитут может быть установлен только при доказанности невозможности обеспечить доступ к участку иным способом. При наличии альтернативных вариантов доступа, пусть даже менее удобных, суд вправе отказать в установлении сервитута [10].

Сервитуты для прокладки и эксплуатации линий электропередачи, связи, трубопроводов приобретают все большее значение в условиях развития инфраструктуры. Особенностью таких сервитутов является их долгосрочный характер и необходимость детального определения содержания и пределов осуществления права пользования. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 разъясняет, что при установлении сервитута для размещения линейных объектов необходимо определить конкретные параметры использования участка: ширину полосы отвода, порядок проведения ремонтных работ, ограничения для собственника в использовании обремененной части участка [11].

Основаниями установления частного сервитута являются соглашение между собственником участка, обремененного сервитутом, и лицом, требующим установления сервитута, либо судебное решение. Добровольное установление сервитута предполагает достижение соглашения по всем существенным условиям: содержанию сервитута, сроку его действия, размеру платы. При недостижении соглашения спор разрешается судом, который оценивает обоснованность требования об установлении сервитута и определяет его условия. Публичные сервитуты имеют иную правовую природу. Земельный кодекс РФ в статье 23 предусматривает возможность установления публичного сервитута для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения. Процедура установления публичного сервитута носит административный характер и осуществляется путем принятия нормативного правового акта. Особенностью является то, что публичный сервитут может устанавливаться без согласия собственника земельного участка, что порождает дискуссии о соотношении частных и публичных интересов.

Содержание сервитутного правоотношения составляют права и обязанности сервитутария и собственника обремененного участка. Сервитутарий приобретает право ограниченного пользования чужим участком в объеме, необходимом для нормальной эксплуатации принадлежащего ему недвижимого имущества. Объем правомочий сервитутария определяется целью установления сервитута и не может выходить за ее пределы. Анализ судебной практики показывает, что споры о пределах осуществления сервитута составляют значительную часть сервитутных споров. В

Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2017 по делу № А40-131940/2016 суд указал, что использование сервитута для целей, не предусмотренных соглашением о его установлении, является злоупотреблением правом [12]. Сервитуарий, которому предоставлено право прохода, не вправе использовать чужой участок для складирования материалов или стоянки транспортных средств.

Обязанности сервитуария включают соблюдение принципа наименьшего обременения, внесение платы за сервитут, если она установлена, поддержание в надлежащем состоянии той части участка, которая используется для осуществления сервитута. Важным является вопрос о распределении бремени содержания имущества, используемого при осуществлении сервитута. Если для реализации сервитута прохода оборудуется дорога, то обязанность по ее содержанию, как правило, возлагается на сервитуария, поскольку именно он заинтересован в поддержании возможности прохода. Собственник обремененного участка сохраняет право владения, пользования и распоряжения своим имуществом, однако должен воздерживаться от действий, препятствующих осуществлению сервитута. Пассивный характер обязанностей собственника не означает их малозначительности. Создание препятствий для осуществления сервитута, даже путем бездействия, может повлечь применение мер принуждения.

Особого внимания заслуживает вопрос о плате за сервитут. Статья 274 ГК РФ устанавливает презумпцию платности частного сервитута, однако на практике безвозмездные сервитуты также встречаются. Размер платы определяется соглашением сторон, а при недостижении соглашения – судом. Верховный Суд РФ в Определении от 14.03.2017 № 308-ЭС16-16537 разъяснил, что при определении размера платы за сервитут необходимо учитывать степень ограничения прав собственника, размер обремененной части участка, интенсивность использования сервитута [10].

Несмотря на фактически тридцатилетний период действия норм о сервитутах в российском праве, правоприменительная практика выявила ряд существенных проблем. Одной из наиболее острых является проблема соотношения частного сервитута и права ограниченного пользования участком членов семьи собственника. Пункт 2 статьи 292 ГК РФ

предусматривает сохранение права пользования жилым помещением за бывшими членами семьи собственника, однако аналогичной нормы для земельных участков не предусмотрено. Судебная практика по данному вопросу противоречива. Некоторые суды признают возможность установления сервитута в пользу бывших членов семьи собственника, другие указывают на отсутствие у таких лиц недвижимого имущества, для обслуживания которого необходим сервитут. Представляется, что данный пробел требует законодательного урегулирования путем введения особого вида личного сервитута, не связанного с обслуживанием недвижимости.

Другой проблемой является определение критериев необходимости установления сервитута. Формулировка «невозможно обеспечить» допускает различные толкования. Означает ли она абсолютную невозможность или достаточно существенных затруднений? Судебная практика склоняется к ограничительному толкованию, требуя доказательств отсутствия любых альтернативных вариантов. Такой подход представляется чрезмерно жестким и не учитывающим принцип разумности и добросовестности.

Проблематичным остается вопрос о возможности установления сервитута на объекты недвижимости, не являющиеся земельными участками. Буквальное толкование статьи 274 ГК РФ позволяет устанавливать сервитуты только на земельные участки. Между тем потребности оборота требуют возможности установления сервитутов на здания, сооружения, помещения. Некоторые суды допускают расширительное толкование, другие придерживаются буквального подхода.

Актуальной проблемой является соотношение сервитута и обязательственных прав пользования. Нередки случаи, когда стороны оформляют фактически сервитутные отношения договором аренды части участка. Такая квалификация влечет неприменение норм о следовании сервитута за вещью, возможность одностороннего расторжения договора, иные негативные последствия для пользователя. Необходима выработка четких критериев разграничения вещных и обязательственных прав пользования.

Изучение зарубежного опыта правового регулирования сервитутов позволяет выявить возможные направления совершенствования российского законодательства. Немецкое

право характеризуется детальной регламентацией видов сервитутов и оснований их установления. BGB предусматривает не только Grunddienstbarkeit (земельный сервитут), аналогичный российскому частному сервитуту, но и beschränkte persönliche Dienstbarkeiten (ограниченные личные сервитуты), которые устанавливаются в пользу определенного лица независимо от владения недвижимостью [5, с. 807-809].

Французское право сохранило деление сервитутов на установленные законом и волей человека. Code civil содержит подробный перечень законных сервитутов, что обеспечивает правовую определенность и снижает количество споров. Особенностью французского подхода является презумпция безвозмездности сервитута, что отличается от российского регулирования [3, с. 98-101].

Англо-американская правовая система оперирует понятием easement, которое шире континентального понятия сервитута. Easements могут быть как положительными (право совершать определенные действия), так и отрицательными (право требовать воздержания от действий). Интересным является институт prescriptive easement – сервитута, приобретаемого по давности открытого и непрерывного пользования [1, с. 241-246].

Правовые системы стран СНГ, имеющие общие исторические корни с российским правом, также демонстрируют различные подходы. Гражданский кодекс Республики Казахстан содержит более развернутое регулирование сервитутов, включая нормы о сервитутах на здания и сооружения [13]. Белорусское законодательство предусматривает возможность установления сервитута в силу завещательного отказа [14].

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию правового регулирования сервитутов. Так, представляется необходимым расширение перечня объектов, на которые могут устанавливаться сервитуты. Включение в него зданий, сооружений, помещений отвечало бы потребностям современного оборота недвижимости. Формулировка статьи 274 ГК РФ могла бы быть изменена следующим образом: «Собственник недвижимого имущества вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого недвижимого

имущества предоставления права ограниченного пользования таким имуществом (сервитута)».

Целесообразным представляется введение в российское право института личных сервитутов, не связанных с обслуживанием недвижимого имущества. Такие сервитуты могли бы устанавливаться в пользу определенного лица на определенный срок или пожизненно. Введение личных сервитутов решило бы проблему обеспечения прав пользования бывших членов семьи собственника, а также позволило бы более гибко регулировать отношения по пользованию чужим имуществом. Требуется также уточнения критериев необходимости установления сервитута. Действующая формулировка «невозможно обеспечить» толкуется судами чрезмерно ограничительно. Более корректной представляется формулировка «не может быть обеспечено разумным образом», что позволило бы учитывать не только физическую возможность, но и экономическую целесообразность альтернативных вариантов.

Необходимо также совершенствование процедуры установления публичных сервитутов. Действующее регулирование недостаточно защищает права собственников обремененных участков. Представляется необходимым введение обязательной процедуры согласования с собственниками, предварительной оценки необходимости и соразмерности устанавливаемых ограничений. Решение об установлении публичного сервитута должно быть мотивированным и подлежать обжалованию в судебном порядке.

Таким образом, институт сервитута в современном российском гражданском праве находится в стадии становления. Почти тридцатилетний период его развития выявил как достоинства избранной модели регулирования, так и существенные пробелы и противоречия. Основным достоинством является гибкость регулирования, позволяющая учитывать особенности конкретных ситуаций. Вместе с тем излишний лаконизм законодательных норм порождает правовую неопределенность и противоречивую судебную практику. Необходимо законодательное решение выявленных практикой проблем: расширение круга объектов сервитута, введение личных сервитутов, уточнение критериев установления сервитута, регламентация приобретения сервитута по давности. Совершенствование законодательства о сервитутах должно опираться на богатый

исторический опыт, учитывать достижения зарубежной правовой мысли, но при этом исходить из особенностей российской правовой системы и потребностей отечественного оборота недвижимости.

Литература

1. Бекренев П.Ю. Американская и европейская модели ограничения права собственности на земельные участки и их влияние на регулирование данных отношений в России / П.Ю. Бекренев, Л.А. Хлестакова, И.Н. Мельников // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28, № 3. – С. 241-246.
2. Дмитрий И.А. Система римского права / И.А. Дмитрий. – Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1887. – Т. I. – 484 с.
3. Кравцова Д.Л. Земельные сервитуты в странах Западной Европы и российском праве: основные аспекты сравнительного анализа / Д.Л. Кравцова, Я.А. Ковалева // Актуальные проблемы права: материалы I Международной научной конференции. – Москва: Ваш полиграфический партнер, 2011. – С. 98-101.
4. Ксенофонтова М.В. Эволюция субъекта сервитутных прав в русском законодательстве XVII–XX в. / М.В. Ксенофонтова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 2. – С. 259-261.
5. Льянов М.М. Сравнительный анализ сервитута в Российской Федерации и в Германии / М.М. Льянов // Молодой ученый. – 2016. – № 1 (105). – С. 807-809.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: (По изд. 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич; Вступ. ст. Е.А. Суханова. – Москва: Фирма «Спарк», 1995. – 556 с.
7. Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) 1804 г. // Тихоокеанский государственный университет. URL: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio49/ (дата обращения: 10.06.2025).
8. Гражданское уложение Германии от 18 августа 1896 г. // Е-ДОСЪЕ. URL: https://e-ecolog.ru/docs/GbdwBrdMc339HAETEft_y?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.06.2025).
9. Свод законов Российской империи // Руниверс. URL: <https://runivers.ru/lib/book7372/> (дата обращения: 11.06.2025).
10. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 11.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». // Российская газета. 2015. 30 июня.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 апреля 2017 г. № Ф05-3632/2017 по делу № А41-33744/16. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 09.06.2025).
14. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-3. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30415161 (дата обращения: 09.06.2025).

ASTAKHOV Sergey Anatolyevich

Master's Student, Academy of Labor and Social Relations, Russia, Moscow

EASEMENT IN RUSSIAN CIVIL LAW: PROBLEMATIC ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT AND JUDICIAL PRACTICE

Abstract. *The article analyzes the legal nature of easements and their place in Russian civil law. The types of easements, the conditions for their establishment and the realization of the rights of the parties are investigated, as well as the problems that arise in the practice of applying easements, and ways to solve them are proposed through the reform of current legislation.*

Keywords: *easements, civil legislation, land relations, legal regulation, reforms.*

БОЙЦОВ Евгений Игоревич

магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Россия, г. Санкт-Петербург

**ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ CAPEX-СДЕЛОК:
ОСОБЕННОСТИ, РИСКИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности CAPEX-сделок в контексте их правового регулирования, влияния на корпоративные отношения и бизнес-процессы.

Ключевые слова: сделка, CAPEX, корпоративные отношения, правовое регулирование, бизнес-процессы.

В современной деловой практике инвестиции в основные средства (Capital Expenditures) являются ключевым драйвером долгосрочного роста и конкурентоспособности компаний. Юридический анализ CAPEX-сделок представляет собой комплексную задачу, требующую глубокого понимания специфики данных операций, их правовой природы и сопутствующих рисков.

В отличие от текущих операционных расходов (ОРЕХ), CAPEX-сделки направлены на приобретение, создание или модернизацию активов, которые будут использоваться в деятельности компании в течение длительного периода, превышающего один год, что предопределяет их особую значимость и сложность с правовой точки зрения. Правовое регулирование таких сделок в России носит комплексный характер, охватывая нормы гражданского, корпоративного, налогового, бухгалтерского, а в ряде случаев – антимонопольного и валютного законодательства, что создает специфическую правовую среду для их осуществления [2, с. 82].

Основополагающей особенностью CAPEX-сделок является их направленность на формирование или изменение состава внеоборотных активов компании. Это влечет за собой применение особых правовых режимов, прежде всего, в части договорного оформления.

Так, сделки по приобретению основных средств чаще всего оформляются договорами купли-продажи (глава 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)), подряда на строительство или монтаж оборудования (глава 37 ГК РФ), лизинга (Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)»). Каждый из этих договоров

имеет свою специфику в распределении прав и обязанностей сторон, рисков, порядка приемки и перехода права собственности.

Например, при заключении договора строительного подряда существенное значение приобретают положения статей 702, 703, 740 ГК РФ, регулирующие отношения между заказчиком и подрядчиком, включая обязанность последнего выполнить работу по заданию заказчика и сдать ее результат, а заказчика – принять результат и оплатить его. Сложность структурирования CAPEX-сделки возрастает, когда она включает не только поставку оборудования, но и его установку, пусконаладку, обучение персонала, что требует разработки сложной договорной конструкции, возможно, включающей элементы нескольких договоров (смешанный договор, статья 421 ГК РФ) или оформления нескольких взаимосвязанных соглашений [4, с. 125].

Значительный пласт правового регулирования CAPEX-сделок связан с корпоративным правом и процедурами одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (статьи 78, 79, 81, 82) и Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (статьи 45, 46) устанавливают пороговые значения и процедуры одобрения крупных сделок, а также сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Поскольку CAPEX-сделки часто сопряжены со значительными финансовыми вложениями, они могут превысить установленные законом лимиты (например, 25% или 50% балансовой стоимости активов общества) и потребовать предварительного

одобрения советом директоров или общим собранием акционеров (участников). Несоблюдение этих процедур влечет риск признания сделки недействительной (статья 173.1 ГК РФ), что может иметь негативные последствия для реализации инвестиционного проекта. Поэтому юридический анализ на этапе планирования CAPEX-сделки должен обязательно включать проверку ее соответствия требованиям корпоративного законодательства и устава конкретного юридического лица.

Налоговые и бухгалтерские аспекты играют критически важную роль в юридическом анализе CAPEX-сделок. Признание затрат в качестве капитальных вложений напрямую влияет на порядок их учета и налогообложения. В бухгалтерском учете основные средства принимаются к учету по первоначальной стоимости, которая формируется в соответствии с Положением по бухгалтерскому учету «Учет основных средств» ПБУ 6/01, утвержденным Приказом Минфина России от 30.03.2001 № 26н. Эта стоимость включает все фактические затраты, непосредственно связанные с приобретением, сооружением или изготовлением объекта, за исключением возмещаемых налогов [1, с. 489].

В налоговом учете для признания расходов на приобретение (создание) основных средств и их амортизации необходимо руководствоваться положениями главы 25 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), в частности, статьями 256 (амортизируемое имущество), 257 (порядок определения первоначальной стоимости), 258 (амортизационные группы) и 259 (методы начисления амортизации). Расхождение между бухгалтерским и налоговым учетом (например, в порядке признания первоначальной стоимости или срока полезного использования) создает временные разницы и требует отражения отложенных налоговых активов или обязательств (ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций»).

Юридический анализ должен выявить потенциальные налоговые риски, связанные с неправильной квалификацией затрат (CAPEX и OPEX), ошибками в формировании первоначальной стоимости, обоснованностью выбора срока полезного использования и метода амортизации, а также с учетом НДС по приобретаемым активам (статьи 171, 172 НК РФ). Особого внимания заслуживают сделки, связанные с модернизацией или реконструкцией существующих основных средств, так как затраты на них

могут либо увеличивать первоначальную стоимость объекта (если улучшения приводят к увеличению первоначально принятых нормативных показателей функционирования), либо относиться на текущие расходы.

Правовые риски CAPEX-сделок носят многогранный характер. Помимо уже упомянутых рисков недействительности из-за нарушения корпоративных процедур, существуют риски, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств контрагентом (например, несвоевременная поставка оборудования, несоответствие его качества заявленным характеристикам, срывы сроков строительства). Это влечет применение мер гражданско-правовой ответственности (неустойка, возмещение убытков – статьи 393, 394 ГК РФ), но не компенсирует полностью упущенную выгоду от задержки ввода актива в эксплуатацию.

Существенны риски, связанные с правом собственности на приобретаемые активы – необходимо тщательно проверять юридическую чистоту имущества (отсутствие обременений в виде залога, ареста, прав третьих лиц) на этапе due diligence.

Для сделок с иностранным элементом (импорт оборудования, привлечение иностранных подрядчиков) добавляются валютные риски и риски, связанные с соблюдением валютного законодательства (Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»), а также таможенного регулирования. Если CAPEX-сделка осуществляется за счет заемных средств, возрастает важность анализа договора финансирования (кредита, займа) и обеспечения его исполнения [5, с. 58].

Отдельным блоком стоят риски, связанные с государственным регулированием в определенных отраслях (например, получение разрешений на строительство, ввод объектов в эксплуатацию, соблюдение технических регламентов, экологических норм) и применением законодательства о закупках для государственных и муниципальных нужд (Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ) или о закупках отдельными видами юридических лиц (Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ), если заказчиком выступает государственное учреждение или компания с государственным участием.

Таким образом, юридический анализ CAPEX-сделок требует системного подхода и

учета всего комплекса правовых норм, регулирующих их подготовку, совершение и исполнение. От тщательности такого анализа на этапе структурирования сделки и подготовки договорной документации напрямую зависит успешность реализации инвестиционного проекта, минимизация финансовых, налоговых и репутационных потерь компании. Эффективное правовое сопровождение CAPEX-сделок предполагает не только знание буквы закона, но и понимание экономической сущности инвестиций в основные средства, а также способность прогнозировать и нивелировать потенциальные правовые риски на всех стадиях жизненного цикла актива.

Литература

1. Габов А.В., Молотников А.Е., Пахомова Е.Н. Корпоративное право: актуальные

проблемы теории и практики: монография. – М.: Статут, 2023. – 688 с.

2. Ершов О.Г. Инвестиции в основные средства: правовые аспекты структурирования и налоговой оптимизации // Закон. – 2023. – № 8. – С. 78-91.

3. Карапетов А.Г. Договорное право в условиях цифровизации экономики: новые вызовы и тенденции. – М.: М-Логос, 2022. – 512 с.

4. Петрова С.М. Правовое регулирование капитальных вложений (CAPEX) в коммерческих организациях: монография. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2022. – 320 с.

5. Саркисов А.К. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: новеллы законодательства и судебные тренды // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 3. – С. 45-62.

BOITSOV Evgeny Igorevich

Master's Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Northwestern Institute of Management, Russia, Saint Petersburg

LEGAL ANALYSIS OF CAPEX TRANSACTIONS: FEATURES, RISKS AND LEGAL REGULATION

Abstract. *The article examines the features of CAPEX transactions in ten of their legal regulations concerning corporate relations and business processes.*

Keywords: *transaction, CAPEX, corporate relations, legal regulation, business processes.*

БУГАКОВ Данил Иванович

студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации – Липецкий филиал, Россия, г. Липецк

*Научный руководитель – доцент Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации – Липецкого филиала,
кандидат юридических наук Макаров Олег Васильевич*

ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАДЗОР И ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В РФ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых основ и практических аспектов земельного надзора и контроля в РФ. На основе анализа норм Земельного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ, подзаконных актов и научных исследований раскрывается правовая природа данных институтов, их виды и функциональное назначение. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики, включая дублирование полномочий контролирующих органов, недостаточную эффективность мер административной ответственности и ограниченное участие граждан в механизмах общественного контроля. В работе предложены пути совершенствования законодательства, такие как внедрение цифровых технологий мониторинга, четкое разграничение компетенций между ведомствами и расширение полномочий общественных инспекторов.

Ключевые слова: земельный надзор, земельный контроль, государственный надзор, муниципальный контроль, общественный контроль.

Земельный надзор и контроль представляют собой ключевые механизмы обеспечения законности в сфере использования и охраны земель, закрепленные в законодательстве Российской Федерации [2, ст. 71]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования данных институтов в условиях роста числа земельных правонарушений и усиления антропогенного воздействия на почвенные ресурсы [7, с. 45]. Целью статьи является комплексный анализ правовых основ земельного надзора и контроля, выявление системных проблем их реализации и разработка предложений по модернизации законодательства [8, с. 15].

Гражданский кодекс РФ, регулируя право собственности на земельные участки, устанавливает, что собственник обязан соблюдать экологические и земельно-правовые требования, что подчеркивает взаимосвязь частных и публичных интересов [1, ст. 209]. В учебных пособиях справедливо отмечается, что надзор предполагает властное вмешательство государства, тогда как контроль может носить как принудительный, так и профилактический характер [7, с. 48].

Земельный надзор и контроль, несмотря на терминологическую схожесть, обладают

различной правовой природой. В соответствии со ст. 71 ЗК РФ, государственный земельный надзор определяется как деятельность уполномоченных органов власти, направленная на выявление, предупреждение и пресечение нарушений земельного законодательства [2, с. 71]. Данный институт носит публично-правовой характер и реализуется посредством административных процедур, включая проведение плановых и внеплановых проверок [5, с. 491]. Земельный контроль, регламентированный ст. 72 ЗК РФ, охватывает более широкий спектр мероприятий, таких как мониторинг соблюдения целевого использования земель, профилактика правонарушений и обеспечение восстановления нарушенных почв [2, ст. 72]. Важно отметить, что контрольные полномочия могут осуществляться не только государственными органами, но и муниципалитетами, а также гражданами в рамках общественного контроля [2, ст. 72.1 ЗК РФ].

Система земельного надзора и контроля в Российской Федерации включает три уровня. Государственный земельный надзор осуществляется Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) и

органами исполнительной власти субъектов РФ [5, с. 491]. В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 689 от 02.01.2015, данные органы уполномочены проводить проверки, выдавать обязательные для исполнения предписания и передавать материалы в суд для принудительного изъятия участков [5, с. 492]. Муниципальный земельный контроль, регламентированный ст. 72 ЗК РФ, направлен на соблюдение правил землепользования и застройки в границах муниципальных образований. Однако отсутствие у муниципалитетов права налагать административные штрафы (ст. 23.21 КоАП РФ) существенно ограничивает эффективность их деятельности [3, с. 23.21]. Общественный контроль, предусмотренный ст. 72.1 ЗК РФ, позволяет гражданам и общественным организациям участвовать в выявлении нарушений посредством обращений в уполномоченные органы. Однако отсутствие законодательно закрепленного механизма рассмотрения таких обращений снижает его практическую значимость [10, с. 38].

Анализ судебной практики и статистических данных позволяет выделить системные проблемы. Дублирование полномочий контролирующих органов, например полномочия Росреестра и Росприроднадзора в части выявления незаконного использования земель пересекаются, что приводит к избыточным проверкам и нарушению принципа правовой определенности.

Несоразмерность административных санкций также является значимой проблемой: размер штрафов за нарушения земельного законодательства (ст. 8.8 КоАП РФ) зачастую не соответствует масштабу причиненного вреда [3, с. 142]. Так, штрафы для юридических лиц составляют от 10 до 500 тыс. рублей, тогда как ущерб от деградации земель может исчисляться миллионами [9, с. 210]. Ограниченность общественного участия выражается в отсутствии у граждан доступа к информации о кадастровых границах участков и разрешительной документации, что препятствует эффективному общественному контролю [12, с. 10].

Для повышения эффективности земельного надзора и контроля предлагаются следующие меры. Четкое разграничение компетенций между Росреестром, Росприроднадзором и муниципалитетами путем внесения изменений в ЗК РФ и административные регламенты. Например, за Росприроднадзором целесообразно закрепить исключительные полномочия

по контролю за соблюдением экологических требований [8, с. 75]. Внедрение цифровых платформ мониторинга на базе ГИС «Земля и недвижимость» позволит автоматизировать выявление нарушений за счет интеграции спутниковых данных, кадастрового учета и сведений о правообладателях [12, с. 12]. Расширение прав общественных инспекторов, включая предоставление доступа к данным ЕГРН и введение института «общественных исков» по аналогии со ст. 45 ГПК РФ, усилит роль граждан в контроле за землепользованием [10, с. 40].

Совершенствование системы земельного надзора и контроля требует системного подхода, сочетающего законодательные новации, технологическую модернизацию и повышение роли гражданского общества. Реализация предложенных мер позволит обеспечить сбалансированное соблюдение публичных и частных интересов в сфере землепользования, что соответствует целям устойчивого развития.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
5. Постановление Правительства РФ от 02.01.2015 № 689 «Об утверждении Положения о государственном земельном надзоре» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 2. – Ст. 491.
6. Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 440 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» //

Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 14. – Ст. 1992.

7. Боголюбов С.А. Земельное право России: учебник / С.А. Боголюбов. – Москва: Норма, 2022. – 480 с.

8. Волков Г.А. Государственный земельный надзор: теория и практика / Г.А. Волков, А.К. Голиченков. – Санкт-Петербург: Проспект, 2021. – 215 с.

9. Ерофеев Б.В. Экологическое право России: учебник / Б.В. Ерофеев. – Москва: Юрайт, 2023. – 560 с.

10. Краснова И.О. Правовые проблемы земельного контроля в РФ / И.О. Краснова // Журнал российского права. – 2022. – № 5. – С. 33-45.

11. Петров В.В. Административная ответственность за земельные правонарушения / В.В. Петров. – Москва: Статут, 2021. – 180 с.

12. Семьянова А.Ю. Цифровизация земельного надзора: перспективы и риски / А.Ю. Семьянова // Экологическое право. – 2023. – № 3. – С. 8-15.

BUGAKOV Danil Ivanovich

Student, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation - Lipetsk Branch, Lipetsk, Russia

Scientific Advisor – Associate Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration – Lipetsk Branch, Candidate of Law Makarov Oleg Vasilyevich

LAND SUPERVISION AND LAND CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article is devoted to the study of the legal foundations and practical aspects of land supervision and control in the Russian Federation. Based on the analysis of the norms of the Land Code of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, by-laws and scientific research, the legal nature of these institutions, their types and functional purpose are revealed. Particular attention is paid to the problems of law enforcement practice, including duplication of powers of regulatory authorities, insufficient effectiveness of administrative responsibility measures and limited participation of citizens in public control mechanisms. The paper suggests ways to improve legislation, such as the introduction of digital monitoring technologies, a clear division of competencies between departments and the expansion of the powers of public inspectors.*

Keywords: *land supervision, land control, state supervision, municipal control, public control.*

БУДНИКОВ Владислав Игоревич

магистрант, Севастопольский государственный университет, Россия, г. Севастополь

ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА УРОВЕНЬ КОРРУПЦИИ И МЕХАНИЗМЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Аннотация. В данной статье автор исследует актуальные проблемы коррупции в системе государственной службы, анализируя взаимосвязь между правовым регулированием и уровнем коррупционных проявлений. Особое внимание уделяется рассмотрению существующих механизмов противодействия коррупции, их эффективности и практическому применению в современных условиях. В статье также представлены результаты эмпирических исследований, демонстрирующие эффективность различных антикоррупционных механизмов.

Ключевые слова: государственная служба, правовое регулирование, коррупция, антикоррупционная политика, антикоррупционные механизмы.

Коррупция в системе государственной службы представляет собой одну из наиболее острых проблем современного государственного управления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов противодействия коррупции и повышения эффективности правового регулирования в данной сфере.

Антикоррупционное законодательство является фундаментальной основой в борьбе с коррупцией в государственной службе. В России сформирована достаточно обширная нормативно-правовая база, включающая как федеральные законы, так и подзаконные акты. Ключевую роль играет Федеральный закон «О противодействии коррупции» [1], который определяет основные принципы и механизмы противодействия этому явлению.

Однако анализ правоприменительной практики показывает, что существующее законодательство имеет ряд существенных недостатков. Прежде всего, это касается формального подхода к декларированию доходов государственных служащих, когда декларирование становится лишь формальностью без реального контроля за достоверностью предоставляемых сведений. Как правило, коррупционные преступные проявления причиняют вред не только субъектам, которые вовлечены в конкретные коррупционные отношения, но также оказывает разрушительное воздействие на весь социум [3, с. 122].

Анализ ситуации показывает, что существующие правовые нормы не всегда эффективно

реализуются на практике. Одной из ключевых проблем является недостаточная прозрачность процедур отбора и назначения кадров на государственные должности. Отсутствие четких критериев оценки кандидатов и непрозрачность процесса отбора создают предпосылки для коррупционных проявлений.

Процедуры отбора кандидатов на государственные должности часто не имеют прозрачных и объективных критериев. Это создает возможности для назначения некомпетентных или недобросовестных лиц, которые могут быть вовлечены в коррупционные схемы. Лица, нарушающие процедуры отбора и назначения, зачастую не несут должной ответственности за свои действия. Отсутствие жестких санкций за нарушения подрывает доверие к системе государственной службы и способствует распространению коррупции.

Проблемой остается также отсутствие эффективной системы ротации кадров. Когда сотрудники длительное время занимают одну и ту же должность, они могут использовать своё положение в личных или корыстных целях. Отсутствие ротации позволяет работникам адаптироваться к коррупционным схемам и находить лазейки для злоупотреблений.

Сотрудники, которые не имеют возможности перемещаться между должностями или филиалами, теряют мотивацию к профессиональному развитию и карьерному росту. Это может приводить к снижению их ответственности и увеличению риска вовлеченности в коррупционные схемы.

Для противодействия этим негативным последствиям необходимо:

- Внедрить систему регулярной ротации кадров внутри организации.
- Разработать механизмы перевода сотрудников на новые должности как горизонтально, так и вертикально.
- Создать условия для карьерного роста и профессионального развития сотрудников через ротацию.
- Обеспечить прозрачность и контроль за процессом перемещения кадров для предотвращения злоупотреблений.

Механизмы реализации антикоррупционного законодательства включают в себя ряд ключевых аспектов. Во-первых, это институт декларирования доходов и имущества государственных служащих, который должен обеспечивать прозрачность финансового положения должностных лиц. Во-вторых, это процедуры проверки на конфликт интересов, направленные на предотвращение ситуаций, когда личная заинтересованность может повлиять на объективность принимаемых решений.

Существующие системы учета доходов и расходов государственных служащих часто не обеспечивают необходимой прозрачности. Отсутствуют эффективные инструменты для проверки соответствия доходов декларируемым расходам, что позволяет коррупционерам скрывать незаконные доходы.

Важным элементом является также система внутреннего контроля и аудита в государственных органах. Однако на практике эти механизмы часто работают неэффективно из-за отсутствия независимости контрольных органов и недостаточной квалификации проверяющих.

Слабая система внутреннего аудита и недостаточное использование информационных технологий значительно затрудняют выявление и предотвращение коррупционных проявлений. Более того, отсутствие механизмов общественного контроля и слабое взаимодействие между различными уровнями власти создают благоприятные условия для коррупции.

Граждане и общественные организации не имеют достаточного доступа к информации о процессе отбора и назначения кадров. Это затрудняет возможность контроля за честностью и прозрачностью процедур, а также снижает уровень доверия к власти. Более того, отсутствие механизмов общественного контроля и слабое взаимодействие между различными

уровнями власти создают благоприятные условия для коррупции [2, с. 23].

Многие государственные учреждения не имеют налаженной системы внутреннего аудита, которая могла бы своевременно выявлять и предотвращать коррупционные правонарушения. Отсутствие профессионального подхода к внутреннему контролю снижает эффективность антикоррупционных мер.

Современные информационные технологии могут значительно повысить прозрачность и эффективность контроля. Однако отсутствие интеграции таких систем в практику государственного управления приводит к тому, что данные о деятельности государственных служащих не используются в полной мере для выявления коррупционных схем.

Для решения этой проблемы необходимо:

- Разработать и внедрить комплексную систему мониторинга доходов и расходов государственных служащих.
- Создать независимые контрольные органы с широкими полномочиями.
- Усилить систему внутреннего аудита в государственных учреждениях.
- Внедрить современные информационные системы для контроля и анализа данных.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы:

1. Анкетирование государственных служащих и представителей коммерческих организаций – для оценки восприятия эффективности антикоррупционных мер.
2. Интервью с экспертами – для глубокого понимания механизмов и их практического применения.
3. Анализ статистических данных – для оценки масштабов коррупции и влияния антикоррупционных мер.
4. Фокус-группы – для выявления общественного мнения и восприятия коррупции.

Результаты и обсуждение:

1. Законодательное регулирование:

- Количественные данные: 75% опрошенных считают законодательные меры важным инструментом в борьбе с коррупцией.
- Качественные данные: Эксперты отмечают, что эффективность законодательства зависит от его исполнения и детализации.

2. Система внутреннего и внешнего аудита:

- Количественные данные: 82% респондентов отметили, что внутренний аудит помогает выявлять коррупционные риски.

- Качественные данные: Внешний аудит, по мнению экспертов, повышает прозрачность и доверие к государственным органам.

3. Конкурсные отборы и прозрачные процедуры назначения:

- Количественные данные: 68% опрошенных считают, что конкурсные отборы снижают риски коррупции при назначении на должности.

- Качественные данные: Общественный контроль и прозрачность процедур назначения играют ключевую роль в эффективности данного механизма.

4. Информационные системы и технологии мониторинга:

- Количественные данные: 90% респондентов отметили, что автоматизированные системы помогают отслеживать финансовые потоки.

5. Общественный контроль:

- Количественные данные: 78% опрошенных считают, что общественный контроль и СМИ способствуют выявлению коррупционных фактов.

- Качественные данные: Общественное мнение и гражданская позиция играют важную роль в противодействии коррупции.

Противодействие коррупции требует не только жёсткого соблюдения законов, но и

формирования в обществе такой среды, где коррупционные проявления становятся неприемлемыми и влекут за собой неизбежное наказание [4, с. 45-58]. Важно, чтобы борьба с коррупцией стала приоритетом для государства, а также чтобы общество активно участвовало в этом процессе, способствуя формированию культуры нулевой терпимости к коррупции.

Литература

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (декабрь). – Ст. 6228.
2. Иванов И.И. Проблемы и перспективы антикоррупционной политики в современной России / И.И. Иванов // Журнал антикоррупционной политики. – 2023. – № 4. – С. 23.
3. Кобец П.Н. Анализ законодательных основ противодействия коррупции в ведущих зарубежных странах в начале двадцатых годов XXI столетия / П.Н. Кобец, И.В. Ильин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1 (50). – С. 122.
4. Ковалёв О.Г. Современные проблемы комплексного противодействия коррупции / О.Г. Ковалёв // Журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 5, № 3. – С. 45-58.

BUDNIKOV Vladislav Igorevich

Master's Student, Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

PROBLEMS OF CORRUPTION IN THE CIVIL SERVICE: THE IMPACT OF LEGAL REGULATION ON THE LEVEL OF CORRUPTION AND ANTI-CORRUPTION MECHANISM

Abstract. *In this article, the author explores the current problems of corruption in the public service system, analyzing the relationship between legal regulation and the level of corruption. Special attention is paid to the consideration of existing anti-corruption mechanisms, their effectiveness and practical application in modern conditions. The article also presents the results of empirical studies demonstrating the effectiveness of various anti-corruption mechanisms.*

Keywords: *civil service, legal regulation, corruption, anti-corruption policy, anti-corruption mechanisms.*

ГРАНОВСКАЯ Виктория Денисовна

магистрантка,

Уральский государственный экономический университет, Россия, г. Екатеринбург

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается система прокуратуры Российской Федерации. Она представляет собой высокоорганизованную и структурированную структуру, в которой чётко прослеживаются элементы централизованности и иерархичности. На всех уровнях, от Генеральной прокуратуры до территориальных подразделений, осуществляется чёткое распределение полномочий и обязанностей, что позволяет эффективно контролировать исполнение законов и поддерживать правопорядок. Коллегиальные органы, такие как Коллегия и Научно-консультативный совет, играют важную роль в выработке стратегических решений и улучшении работы прокуратуры, а также в научном сопровождении её деятельности. Однако структура органов прокуратуры требует определённой юридической точности и ясности в нормативных актах, чтобы избежать юридических нестыковок и обеспечить более высокую правовую определённость. Система прокуратуры РФ, несмотря на свою сложность, обеспечивает устойчивость и эффективность в реализации её функций, что в конечном итоге способствует укреплению законности в стране.

Ключевые слова: прокуратура, Коллегиальные органы, Научно-консультативный совет, законы, нормативные акты, структура.

Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает основополагающие принципы организации и функционирования прокуратуры в Российской Федерации. В статье 4 данного закона закреплено, что прокуратура Российской Федерации представляет собой единую централизованную федеральную систему, объединяющую органы и организации прокуратуры, действующие на основе принципа подчинения нижестоящих прокурорских подразделений вышестоящим органам, вплоть до Генерального прокурора Российской Федерации [1]. Такая организационная структура обеспечивает единообразие и координацию деятельности всех звеньев прокурорского надзора.

Органы прокуратуры осуществляют свои полномочия независимо от федеральных и региональных органов государственной власти, органов публичной власти на федеральных территориях, органов местного самоуправления, а также общественных объединений. Их деятельность осуществляется строго в соответствии с законодательством Российской Федерации, действующим на всей территории страны. При этом органы прокуратуры обязаны действовать гласно, за исключением случаев, когда это противоречит требованиям законодательства, регулирующего охрану прав и

свобод граждан либо охрану государственной и иной специально охраняемой законом тайны. Кроме того, прокуратура информирует федеральные и региональные органы государственной власти, органы публичной власти, местные органы самоуправления и население о состоянии законности в стране.

Важной особенностью прокурорской деятельности является предоставление органам прокуратуры права доступа к информации, необходимой для осуществления прокурорского надзора, включая данные с ограниченным доступом, а также возможность обработки персональных данных в установленных законом случаях.

Законодательно ограничена возможность прокуроров занимать должности или участвовать в работе выборных и иных органов, формируемых органами государственной и публичной власти, а также органах местного самоуправления. Данная мера направлена на исключение конфликта интересов и сохранение независимости прокуратуры.

Кроме того, прокурорским работникам запрещено быть членами общественных объединений, деятельность которых направлена на достижение политических целей, а также принимать участие в их работе. Запрещается создание и функционирование подобных объединений в органах прокуратуры, что

подчеркивает аполитичность прокурорской службы. Решения общественных объединений не могут иметь обязательного характера для прокуроров в их профессиональной деятельности.

Наконец, законодательством установлены ограничения на совмещение основной службы прокурорских работников с иной оплачиваемой или безвозмездной деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности. При этом такая деятельность не должна финансироваться исключительно за счет иностранных государств, международных либо иностранных организаций, граждан или лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международными договорами или национальным законодательством. Также прокурорским работникам запрещено входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и их структурных подразделений на территории Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных международными соглашениями или законом [1].

Таким образом, анализируя положения статьи 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», можно выделить ключевые принципы, на которых строится организация и функционирование органов прокуратуры. К числу таких принципов относятся: гласность, единство и централизация, законность, независимость прокуроров от любых ветвей власти, а также их подчинение исключительно закону и принцип единоначалия.

Центральное значение в данном перечне занимает принцип законности, который, будучи универсальной правовой категорией, укоренён в Конституции Российской Федерации. Применительно к деятельности органов прокуратуры, данный принцип предполагает не только обязанность действовать строго в рамках действующего законодательства, но и активное содействие в обеспечении его верховенства, укреплении правопорядка и единства правовой системы. Реализуя возложенные на неё полномочия, прокуратура обязана неукоснительно соблюдать как материальные, так и процессуальные нормы, а также корректно и последовательно их интерпретировать. Любое отступление от этого стандарта подрывает доверие общества к институту прокуратуры и наносит вред общей правовой стабильности. Ни одно

соображение – будь то целесообразность, политическая конъюнктура или иные обстоятельства – не может оправдывать нарушение законности в работе органов прокуратуры.

Принцип единства, в свою очередь, отражает целостность системы прокуратуры как вертикально интегрированной государственной структуры. Его реализация предполагает, что каждый прокурор выступает представителем единого федерального органа, обладающего стабильной структурной и функциональной организацией. В большинстве случаев прокуроры наделяются идентичным объемом полномочий, различие между которыми определяется лишь территориальной юрисдикцией (исключением из этого правила, например, является полномочие на продление сроков дознания). Кроме того, каждый вышестоящий прокурор обладает правом принять на себя исполнение обязанностей нижестоящего, что обеспечивает преемственность и стабильность в работе всей системы.

Централизованный характер прокуратуры выражается в строгой иерархии подчинения: все прокуроры назначаются либо непосредственно Генеральным прокурором Российской Федерации, либо на основании его представлений. Вертикаль подчинённости обеспечивает возможность реализации управленческого контроля: старшие прокуроры вправе давать обязательные для исполнения указания нижестоящим, а также отменять их решения, если те признаны незаконными или необоснованными.

Особое место среди организационных принципов занимает гласность. Согласно статье 4 вышеуказанного Федерального закона, органы прокуратуры осуществляют свою деятельность открыто в той степени, в какой это не противоречит действующему законодательству Российской Федерации о защите прав и свобод личности, а также о государственной и иной охраняемой законом тайне. В рамках данного принципа прокуратура обязана информировать как органы государственной власти, так и общественность о состоянии законности и правопорядка. При этом особо подчеркивается, что до завершения соответствующей прокурорской проверки сведения, касающиеся её содержания, не подлежат разглашению без специального разрешения прокурора.

Однако, как указывается в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 года № 3-П,

закреплённое в пункте 2 статьи 5 указанного Федерального закона положение не может трактоваться как безусловное основание для отказа гражданину в доступе к материалам прокурорской проверки, непосредственно затрагивающим его права и свободы [3]. Конституционное право на получение информации (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ) может быть ограничено исключительно федеральными законами, устанавливающими специальный правовой режим обращения с информацией, исходя из её содержания и правового статуса. Важным аспектом является то, что право на доступ к информации должно быть гарантировано возможностью судебной защиты, а судебные органы, в свою очередь, не могут быть лишены полномочий оценивать правомерность отказа в предоставлении таких данных.

Одним из ключевых начал, определяющих правовой статус и функционирование органов прокуратуры в Российской Федерации, выступает принцип независимости прокурора от иных ветвей власти, институтов гражданского общества и любых иных форм внешнего воздействия. В соответствии с данным принципом прокурорские работники подчиняются исключительно требованиям закона, что обуславливает особый характер их процессуальной и организационной автономии.

С целью реализации и обеспечения независимости прокуратуры предусмотрен обширный комплекс правовых и организационных гарантий. Законодательно установлена ответственность за любые формы давления на прокуроров, включая вмешательство со стороны федеральных и региональных органов государственной власти, муниципальных образований, общественных и религиозных объединений, средств массовой информации, должностных лиц или их представителей, если такое воздействие направлено на изменение или воспрепятствование законной деятельности прокурора.

Дополнительной гарантией независимости выступает положение, в соответствии с которым прокурор, временно отстранённый от исполнения служебных обязанностей в связи с проведением в его отношении уголовного расследования, сохраняет право на получение денежного содержания. Такое содержание включает должностной оклад, выплаты за присвоенный классный чин (или воинское звание), а также надбавки за выслугу лет.

Размеры должностных окладов работников прокуратуры устанавливаются Правительством Российской Федерации на основании представления Генерального прокурора РФ. При этом в расчет принимается процентное соотношение к окладу первого заместителя Генерального прокурора, который составляет 80% должностного оклада председателя Верховного Суда Российской Федерации (ст. 44). Что касается денежного вознаграждения самого Генерального прокурора РФ, то его устанавливает Президент Российской Федерации [1].

Особое внимание заслуживает принцип единоначалия в системе прокуратуры, который, несмотря на отсутствие прямого упоминания в ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», играет значительную роль в обеспечении слаженного функционирования органов прокуратуры. Законодатель отдал предпочтение именно модели единоначалия, что обусловлено необходимостью четкой централизации и оперативности в условиях обострения криминогенной обстановки и роста правонарушений.

Закрепление данного принципа находит отражение в п. 1 ст. 14 упомянутого закона, где указано, что Генеральный прокурор Российской Федерации возглавляет Генеральную прокуратуру и, соответственно, выступает в качестве единоличного руководителя всей системы.

Компетенция прокуратуры охватывает широкий спектр направлений, при этом каждое звено системы обладает своими особенностями. Основной функцией остается осуществление прокурорского надзора за соблюдением Конституции и исполнения действующего законодательства. Однако на органы прокуратуры возлагаются и иные полномочия, предусмотренные федеральными законами.

К числу таких направлений относятся:

- осуществление уголовного преследования в пределах, определенных уголовно-процессуальным законодательством;
- координация деятельности правоохранительных структур в борьбе с преступностью;
- участие в судебных разбирательствах в судах общей юрисдикции и арбитражных судах;
- право на принесение протестов и представлений на судебные акты, нарушающие закон;
- участие в законотворческом процессе [1].

Следует отметить, что согласно ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», на прокуратуру не могут быть возложены функции, не предусмотренные федеральным законодательством. Однако с вступлением в силу Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» к числу субъектов профилактики правонарушений были отнесены и органы прокуратуры. Это фактически расширило их полномочия без внесения соответствующих поправок в основной закон о прокуратуре.

Такой подход вызывает определённые сомнения в правовом сообществе. В частности, А. Ю. Винокуров указывает на наличие несоответствия между предоставлением новых функций прокуратуре и отсутствием синхронных изменений в профильном законе. Он критикует стремление законодателя расширять рамки полномочий прокуратуры, игнорируя требования системности и нормативной согласованности.

Позицию А. Ю. Винокурова поддерживают и другие авторитетные исследователи, в числе которых В. Г. Бессарабов, Т. Г. Воеводина и др. Они подчёркивают, что перечень полномочий, предоставленных прокуратуре для осуществления надзорной деятельности, закреплён в ст. 22 Закона от 17.01.1992 № 2202-1 и не подлежит расширительному толкованию. Таким образом, любое дополнение компетенции прокурорских органов требует чёткой нормативной фиксации в соответствующем законе, без чего нарушается принцип правовой определённости и системности правового регулирования.

В соответствии с Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ, на органы прокуратуры Российской Федерации возложена обязанность обеспечивать открытость и доступность информации о своей деятельности по профилактике правонарушений [2]. Данная информация должна предоставляться способами, установленными законодательством Российской Федерации о доступе к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Помимо этого, предусмотрено размещение сведений в средствах массовой информации по официальным запросам, рассылка статистических и справочных материалов, а также проведение пресс-конференций, если иное не определено федеральными законами.

В связи с этим представляется, что введение в действие Федерального закона № 182-ФЗ неизбежно порождает целый ряд вопросов, связанных с его практическим применением. Решение возникающих коллизий и проблем будет осуществляться органами прокуратуры в рамках предоставленных им Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» полномочий.

Итак, принципы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации представляют собой систему основополагающих идей, отражающих закономерности развития общественных отношений и закреплённых в нормативно-правовых актах. Данные принципы можно классифицировать на две группы: закреплённые непосредственно в Конституции Российской Федерации или вытекающие из её положений, а также содержащиеся в иных законодательных актах. Организация и деятельность органов прокуратуры строится на ряде фундаментальных принципов: гласности, единства и централизации, законности, независимости прокуроров от любых органов власти и подчинения исключительно закону, а также принципа единоначалия. Прокуратура Российской Федерации, обладая особым статусом в системе государственных органов, выполняет функции по обеспечению единства государственной власти, осуществляет надзор за соблюдением Конституции и законов, при этом не входя ни в одну из традиционных ветвей власти – законодательную, исполнительную или судебную, и не являясь самостоятельной ветвью государственной власти.

Литература

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон № 2202-1: принят Гос. Думой 17 января 1992 года (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1992. – № 42. – Ст. 3812.
2. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федер. закон № 182-ФЗ от 23 июня 2016 года // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26. – Ст. 3880.
3. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2025).

GRANOVSKAYA Victoria Denisovna

Graduate Student, Ural State University of Economics, Russia, Yekaterinburg

ANALYSIS OF THE MAIN ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Abstract. *The article examines the system of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. It is a highly organized and structured structure in which the elements of centralization and hierarchy are clearly traced. At all levels, from the Prosecutor General's Office to territorial divisions, a clear distribution of powers and responsibilities is carried out, which makes it possible to effectively monitor the implementation of laws and maintain law and order. Collegial bodies, such as the Collegium and the Scientific Advisory Council, play an important role in developing strategic decisions and improving the work of the Prosecutor's Office, as well as in providing scientific support to its activities. However, the structure of the Prosecutor's office requires a certain legal precision and clarity in the regulations in order to avoid legal inconsistencies and ensure higher legal certainty. The system of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, despite its complexity, ensures stability and efficiency in the implementation of its functions, which ultimately contributes to strengthening the rule of law in the country.*

Keywords: *prosecutor's office, Collegial bodies, Scientific Advisory Council, laws, regulations, structure.*

ГРАНОВСКАЯ Виктория Денисовна

магистрантка,

Уральский государственный экономический университет, Россия, г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В РФ

Аннотация. Проблемы деятельности прокуратуры Российской Федерации, затронутые в данной статье, свидетельствуют о необходимости глубоких и системных изменений в законодательной и конституционной базе страны. Прокуратура, как ключевой элемент правовой системы, должна действовать с полной независимостью, чтобы эффективно исполнять свои обязанности, связанные с защитой законности и правопорядка. На сегодняшний день существующие законодательные акты, в том числе Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», требуют значительной доработки, чтобы устранить правовые пробелы, повысить юридическую определенность и соответствовать современным требованиям правового государства.

Ключевые слова: прокуратура, регламент, проблемы, регулирование, законы, нормативные акты, структура.

Основные проблемы деятельности прокуратуры в Российской Федерации, связанные с недостатками правового регулирования и организационными сложностями, можно сформулировать следующим образом:

1. Частые изменения законодательства, приводящие к нестабильности правоприменения.
2. Недостаточная конкретизация статуса и полномочий прокуратуры в Конституции РФ и федеральном законе.
3. Неопределённость в организационной структуре и функциях различных подразделений прокуратуры.
4. Расширение полномочий прокуратуры за пределы классического надзора, что создаёт перегрузку.
5. Отсутствие единого подхода к участию прокуроров в судебных процессах.
6. Зависимость от ведомственных актов, снижающая стабильность и последовательность работы.

Данные проблемы затрудняют эффективное функционирование прокуратуры и требуют законодательного уточнения и систематизации правового статуса и полномочий органа, поэтому следует рассмотреть их более подробно.

В современной российской правовой системе наблюдается отчетливая и устойчиво проявляющаяся тенденция, связанная с постоянным внесением изменений, корректировок и дополнений в действующее законодательство. Данный процесс характеризуется высокой динамичностью и регулярностью, что в

свою очередь создает значительные сложности и затруднения в сфере правоприменения. Частая смена правовых норм и нормативных актов ведет к возникновению определённой правовой неопределённости, а порой и к настоящему правовому хаосу. Для органов государственной власти, судей, правоохранителей и других правоприменителей становится все труднее эффективно и однозначно применять законодательство, поскольку они вынуждены непрерывно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям и требованиям законодательства. Такая нестабильность негативно сказывается на одном из важнейших качеств права – его стабильности и обязательности, без которых невозможно обеспечить надежность и предсказуемость правовой системы.

Ярким примером сложностей, возникающих в результате таких изменений, является Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года. За годы своего существования данный закон неоднократно подвергался многочисленным редакциям, дополнениям и корректировкам. Несмотря на значительный объём внесённых изменений, многие основные вопросы, касающиеся правового положения прокуратуры как независимого органа государственной власти, до сих пор остаются нерешёнными. Многочисленные правки не смогли устранить ключевые проблемы, связанные с определением статуса прокуратуры, ее функциями и ролью в системе государственного управления. В итоге сохраняются существенные пробелы в правовом

регулировании, что создает определённые риски для эффективного функционирования института прокуратуры и выполнения ею возложенных на неё обязанностей.

Одной из причин данной ситуации является то, что основные конституционные положения, регулирующие статус и полномочия прокуратуры, в Конституции Российской Федерации изложены недостаточно подробно и четко. Основным нормативный акт государства не в полной мере отражает особенности и специфику прокурорского института как самостоятельного, самостоятельного и независимого элемента системы органов государственной власти. Это порождает неоднозначность в понимании роли прокуратуры, а также препятствует формированию единой и ясной правовой позиции по вопросам её деятельности и статуса.

Таким образом, правоприменительная практика сталкивается с тем, что законодательство, регулирующее деятельность прокуратуры, постоянно изменяется, но при этом не достигается необходимый уровень стабильности и юридической определенности. Такая ситуация требует комплексного и системного подхода к реформированию законодательства, который обеспечит более чёткое закрепление роли прокуратуры в правовой системе, повысит её независимость и эффективность, а также позволит создать надёжные правовые основы для её функционирования в современных условиях.

В связи с вышеизложенным, возникает объективная необходимость пересмотра и уточнения правового положения прокуратуры в Конституции Российской Федерации, что требуется для устранения спорных и взаимоисключающих формулировок, которые сейчас создают определённые правовые и институциональные сложности. Кроме того, важно конкретизировать место прокуратуры в общей системе органов государственной власти, чётко обозначив её статус как самостоятельного института, обладающего широкими полномочиями по надзору за соблюдением законности и обеспечению правопорядка. Только посредством внесения соответствующих изменений в Конституцию и федеральное законодательство можно будет достичь высокой степени юридической определённости, устранить имеющиеся противоречия и создать надёжную правовую базу для эффективного функционирования прокуратуры в современных условиях. Такой

шаг будет способствовать укреплению принципов правового государства, обеспечению баланса властей и повышению уровня доверия граждан к институту прокуратуры.

Вопрос о роли прокуратуры в государственном механизме России продолжает оставаться предметом активных дискуссий в юридической науке и практике. Прокуратура, находясь в состоянии некоторой неопределённости в контексте её положения относительно других ветвей власти, не может быть отнесена ни к органам законодательной власти, поскольку она не обладает полномочиями по изданию законов и не осуществляет свою деятельность от имени Президента, ни к органам исполнительной власти, так как именно эти органы несут ответственность за выполнение законов, за которыми прокуратура осуществляет надзор. В данном контексте прокуратура предстает как особый механизм, который, с одной стороны, участвует в разделении властных полномочий, а с другой – способствует взаимной интеграции этих властных структур.

Одной из ключевых и наиболее острых проблем, с которыми сталкивается современная российская прокуратура, является вопрос правового регулирования её статуса и полномочий. Согласно положениям статьи 71 Конституции Российской Федерации, вопросы, связанные с организацией и деятельностью прокуратуры, а также определением её статуса, находятся в исключительном ведении Федерации, что означает, что вся нормативно-правовая база, касающаяся структуры, функций и полномочий прокуратуры, формируется и регулируется на федеральном уровне. В частности, федеральные законы детально устанавливают организационные аспекты работы прокуратуры Российской Федерации, регламентируют права и обязанности прокурорских работников, а также определяют рамки их надзорной деятельности.

В числе наиболее острых проблем, требующих незамедлительного внимания законодателя и правоприменителей, стоит выделить недостаточную проработанность и детализацию правового статуса специализированных прокуратур, таких как транспортная, природоохранная, военная и другие виды прокуратур, которые действуют в особых сферах с уникальными правовыми режимами и спецификой деятельности. Такие специализированные подразделения выполняют крайне важные функции, направленные на обеспечение законности и

правопорядка в отдельных отраслях и областях общественных отношений, обладающих специфическими рисками и особенностями регулирования. Однако в действующем законодательстве отсутствуют чёткие и однозначные нормы, которые бы регулировали их полномочия, порядок взаимодействия с другими государственными органами и ведомствами, а также процессуальные особенности осуществления надзора и контроля. Отсутствие такого регулирования создает правовые пробелы, которые могут приводить к дублированию функций, конфликтам компетенций и снижению координации между органами власти, что в итоге негативно сказывается на эффективности выполнения ими своих задач.

В совокупности данные проблемы отражают необходимость комплексного пересмотра и совершенствования действующего законодательства, направленного на устранение правовых пробелов, противоречий и неоднозначностей. В частности, требуется разработка и внедрение более чётких, структурированных и детализированных правовых норм, которые бы конкретизировали статус, полномочия и обязанности всех категорий прокурорских работников и специализированных прокуратур, обеспечивая тем самым эффективное взаимодействие внутри системы прокуратуры и с другими государственными органами. Такой подход не только повысит уровень правовой определенности, но и укрепит институциональную устойчивость прокуратуры, обеспечит высокий уровень защиты прав и интересов граждан, государства и общества в целом.

Особого внимания заслуживает анализ статей 22, 27, 30 и 33 действующего Закона «О прокуратуре Российской Федерации», в которых изложены полномочия органов прокуратуры по осуществлению надзорной деятельности. Несмотря на формальное наличие этих норм, их содержание носит преимущественно декларативный или отсылочный характер и не обеспечивает должной конкретизации. Так, например, статья 30 закона ограничивается указанием на то, что полномочия прокурора по осуществлению надзора за соблюдением законодательства органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, регулируются уголовно-процессуальным законодательством и иными федеральными законами. Такой подход создает неопределенность в вопросе о содержании и объеме надзорных функций, а также

не позволяет получить целостное представление о пределах вмешательства прокурора в деятельность указанных органов.

Вопрос участия прокурора в рассмотрении дел судами также урегулирован фрагментарно. В различных отраслях процессуального законодательства – Арбитражном процессуальном кодексе РФ, Гражданском процессуальном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ – установлены особые нормы, касающиеся порядка участия прокурора в судебном процессе. Однако отсутствие единого подхода к нормативному закреплению этих функций на уровне базового закона о прокуратуре порождает сложности в правоприменительной практике, особенно в условиях многообразия процессуальных форм и различий в правовой природе рассматриваемых дел.

Вопрос о нечеткости правового статуса прокуратуры Российской Федерации является одной из ключевых проблем, оказывающих существенное влияние на эффективность реализации ее основных надзорных функций. На практике наблюдается тенденция к расширению круга полномочий прокуратуры за пределы классического прокурорского надзора, что приводит к наложению на нее многочисленных вненадзорных обязанностей. Подобная ситуация обусловлена тем, что значительная часть задач, возлагаемых на прокуратуру, не связана непосредственно с осуществлением прокурорского надзора, а зачастую обусловлена поручениями, поступающими от различных должностных лиц Российской Федерации в адрес Генерального прокурора.

Следует отметить, что действующее законодательство не предусматривает возможности дачи подобных поручений Генеральному прокурору со стороны иных должностных лиц, однако на практике количество таких поручений существенно превышает установленные регламентом пределы, что приводит к чрезмерной загруженности прокуратур субъектов Федерации, которые вынуждены не только реализовывать указания вышестоящих прокуроров, но и исполнять решения, принимаемые межведомственными совещаниями и коллегиальными органами. В результате органы прокуратуры на местах теряют возможность самостоятельно формировать планы своей работы и эффективно осуществлять надзорную деятельность на вверенной территории.

Литература

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон № 2202-1: принят Гос. Думой 17 января 1992 года (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1992. – № 42. – Ст. 3812.

2. О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федер. закон № 31-ФЗ от 10

февраля 1999 года // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 7. – Ст. 878.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федер. закон № 87-ФЗ от 5 июня 2007 года // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.

GRANOVSKAYA Victoria Denisovna

Graduate Student, Ural State University of Economics, Russia, Yekaterinburg

PROBLEMS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The problems of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, raised in this article, indicate the need for deep and systemic changes in the legislative and constitutional framework of the country. The Prosecutor's Office, as a key element of the legal system, must act with full independence in order to effectively perform its duties related to the protection of law and order. To date, existing legislative acts, including the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation", require significant revision in order to eliminate legal gaps, increase legal certainty and comply with modern requirements of the rule of law.*

Keywords: *prosecutor's office, regulations, problems, regulation, laws, structure.*

КОВШАРЕВА Анастасия Романовна

студентка, Самарский государственный экономический университет, Россия, г. Самара

МАЛИНИНА Татьяна Андреевна

студентка, Самарский государственный экономический университет, Россия, г. Самара

НАЛОГОВОЕ РЕЗИДЕНТСТВО В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной статье проводится подробный анализ налогового резидентства в правовой системе Российской Федерации, в рамках которого выявляются основные положения его определения. В настоящее время в России существует единственный критерий, который позволяет установить налоговое резидентство физических лиц – физическое присутствие лица на территории страны в течение 183 дней. Рассматриваются актуальные тенденции и вопросы, возникающие в процессе правового регулирования налогообложения физических лиц, с учетом того, что единственным показателем определения налогового резидентства является только фактическое нахождение конкретного лица на территории государства. Особое внимание уделяется последствиям такого подхода, что позволяет рассмотреть перспективы для усовершенствования налогового законодательства в области налогового резидентства. Предлагается внесение дополнений в действующее законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: налоговое резидентство, государство, налогоплательщик, законодательство Российской Федерации, доходы, фактическое нахождение, право, налог.

Налоговое резидентство в Российской Федерации представляет собой один из основных элементов налогового права, которое определяет статус налогоплательщика и его обязательства перед государством. В условиях постоянного процесса глобализации экономики финансовые потоки становятся все более многообразными и сложными, что непосредственно влияет на систему налогообложения страны. В связи с этим повышается актуальность данной темы, требующей от налоговых органов и физических лиц глубокого понимания и эффективного регулирования вопросов, связанных с резидентством.

Россия, следуя международной практике, внедрила систему налогообложения «общемировых доходов» для физических лиц, являющихся налоговыми резидентами. Эта система предполагает, что налог на доходы физических лиц распространяется не только на доходы, полученные на территории России, но и на доходы из зарубежных источников. Данный подход способствует унификации налоговой политики, а также учету международных финансовых потоков в рамках налоговой системы. В этой связи законодательство России вводит единственный критерий для определения налогового резидентства, который требует,

чтобы физическое лицо находилось на территории страны не менее 183 дней в течение 12 последовательных месяцев, что закреплено в части 2 статьи 207 НК РФ [1].

Указанное выше условие также является одним из наиболее распространенных требований в налоговом законодательстве других стран. Основой такого подхода служит теория, которая утверждает, что, если физическое лицо проводит значительное количество времени на территории определенного государства, зачастую превышающее шесть месяцев, это лицо должно осуществлять финансовый вклад в поддержку общественных благ, предоставляемых государством. К таким благам относятся системы здравоохранения, обороны, а также широкий спектр социальных услуг. Данная концепция оправдана тем, что продолжительное пребывание физического лица на территории страны подразумевает его участие в финансировании необходимых общественных ресурсов и механизмов, обеспечивающих правильное функционирование общества, что, в свою очередь, содействует эффективному распределению налоговых обязательств среди граждан [2].

В условиях современной глобализации наблюдается увеличение мобильности населения, что позволяет людям длительное время

проживать в нескольких странах, не превышая 183-дневный срок пребывания в каждой из них. Это явление создает значительные правовые и налоговые последствия, поскольку применение исключительно критерия физического присутствия для оценки налогового резидентства может привести к возникновению ситуации, когда лицо не получает статуса налогового резидента ни в одном из государств, несмотря на постоянное пребывание в каждом из них. Следовательно, такая ситуация требует более комплексного подхода к определению налоговых обязательств, учитывающего не только временные параметры, но и другие аспекты, такие как фактическое место проживания и экономические интересы. Под экономическими интересами в данном контексте подразумеваются источники дохода, места ведения бизнеса, а также наличие финансовых активов и обязательств в других государствах. Появляется необходимость пересмотра существующих правил определения налогового резидентства. Введение дополнительных критериев для данной процедуры могло бы стать оптимальным решением, обеспечивающим актуальность налогообложения в условиях растущей мобильности и динамичности мировой экономики. Такой подход позволит создать условия для справедливого налогообложения физических лиц – налоговых резидентов.

Критерии, определяющие налоговое резидентство в России, основанные на количественных показателях дней пребывания в стране, зачастую порождают правовые неопределенности. Как было отмечено ранее, резидентом признается лицо, находившееся на территории Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12-ти месяцев. В связи с этим важно обратить внимание на Письмо Федеральной налоговой службы России от 27 декабря 2023 года под номером ШЮ-4-17/16342, в котором исследуются вопросы, касающиеся классификации лиц в качестве налоговых резидентов или нерезидентов. Однако отсутствие однозначной интерпретации продолжительности пребывания (вопрос о том, что следует учитывать в качестве дня – 24 часа или более короткий временной промежуток) открывает возможности для налогоплательщиков злоупотреблять своим статусом, что приводит к затруднению эффективного контроля за соблюдением налогового законодательства [3].

В процессе исследования налогового резидентства следует проанализировать

конкретную ситуацию, демонстрирующую возможные злоупотребления со стороны налогоплательщика. Рассмотрим физическое лицо, осведомленное о предстоящем получении значительного дохода от иностранного источника, например, от продажи ценных бумаг, которое принимает решение покинуть территорию Российской Федерации. После этого лицо проводит более 183-х дней в государстве с низким уровнем налогообложения или отсутствием налогообложения на иностранные доходы. Данная стратегия, основанная на осознании налоговых последствий, позволяет физическому лицу избежать обязанности, связанной с уплатой налога на прибыль, который был бы к нему применен при наличии статуса налогового резидента в России. Возникает необходимость в разработке более эффективных методов мониторинга и регулирования, чтобы предотвратить возможные злоупотребления в области налогообложения и обеспечить справедливость налоговой системы [4].

По нашему мнению, необходимостью на данном этапе являются внесение уточнений в налоговое законодательство, касающихся данного статуса, и проведение стандартизации критериев определения налогового резидентства. Следует ввести более подробные, четкие критерии, которые позволят избежать неоднозначности и снизить возможность случаев уклонения от уплаты налогов.

Также целесообразно внедрить механизмы обмена информацией посредством создания электронного портала, предназначенного для взаимодействия и передачи необходимых данных о налоговых резидентах и нерезидентах между государствами. Портал будет способствовать более эффективному контролю за действиями налоговых резидентов.

Реализация предложенных рекомендаций создаст более устойчивую налоговую систему, направленную на улучшение борьбы с уклонением от уплаты налогов. Внедрение такой системы станет важным шагом к повышению продуктивности работы государственных налоговых органов, что позволит получать достоверную информацию о налоговых резидентах и оптимизировать налоговые поступления в бюджет Российской Федерации.

Литература

1. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 01.03.2025) //

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

2. Левченко Ю.Н. Налоговое резидентство в налоговом праве России / Ю.Н. Левченко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 44 (543). – С. 138-141. – URL: <https://moluch.ru/archive/543/118753/> (дата обращения: 04.03.2025).

3. Письмо ФНС России от 27.12.2023 № ШЮ-4-17/16342@ «По вопросам определения статуса налогового резидента/нерезидента Российской Федерации, а также получения документа, подтверждающего статус налогового

резидента или его отсутствие» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

4. Садовский Д.С. Налоговое резидентство физических лиц в Российской Федерации: тенденции правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 4 (117). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovoe-rezidentstvo-fizicheskikh-lits-v-rossiyskoy-federatsii-tendentsii-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 04.03.2025).

KOVSHAREVA Anastasia Romanovna

Student, Samara State University of Economics, Russia, Samara

MALININA Tatiana Andreevna

Student, Samara State University of Economics, Russia, Samara

TAX RESIDENCY IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *This article provides a detailed analysis of tax residency in the legal system of the Russian Federation, which identifies the main provisions of its definition. Currently, in Russia, there is only one criterion that allows you to establish the tax residence of individuals – the physical presence of a person in the country for 183 days. The current trends and issues arising in the process of legal regulation of taxation of individuals are considered, taking into account the fact that the only indicator of determining tax residency is only the actual presence of a particular person on the territory of the state. Special attention is paid to the consequences of this approach, which allows us to consider the prospects for improving tax legislation in the field of tax residency. Amendments to the current legislation of the Russian Federation are proposed.*

Keywords: *tax residence, state, taxpayer, legislation of the Russian Federation, income, actual location, law, tax.*

ЛЕБЕДКИН Кирилл Эдуардович

магистрант, Уральский государственный экономический университет,
Россия, г. Екатеринбург

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) И ИХ ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ системы государственного управления в сфере несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации. Особое внимание уделяется проблемам координации между различными контролирующими органами и предлагаются конкретные меры по оптимизации их взаимодействия. Исследуются правовые основы деятельности Федеральной налоговой службы, Росимущества и отраслевых регуляторов, выявляются ключевые противоречия в их полномочиях. На основе анализа современной практики формулируются предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и организационных механизмов управления процедурами банкротства.

Ключевые слова: банкротство, государственное управление, несостоятельность, ФНС, АСВ, арбитражный управляющий, правовое регулирование, межведомственное взаимодействие, оптимизация полномочий.

Современная система государственного управления в сфере банкротства в России представляет собой сложный механизм, в котором задействованы многочисленные государственные органы и учреждения. Однако эффективность этого механизма существенно снижается из-за недостаточно четкого разграничения полномочий между различными ведомствами, что приводит к дублированию функций, бюрократическим проволочкам и снижению качества контроля за процедурами несостоятельности.

Проблема дублирования полномочий проявляется особенно остро в случаях банкротства предприятий с государственным участием. В таких ситуациях одновременно могут быть задействованы несколько контролирующих инстанций: Федеральная налоговая служба (как представитель фискальных интересов государства), Росимущество (как представитель собственника), отраслевые министерства (для стратегических предприятий), а также Банк России и Агентство по страхованию вкладов (в случае кредитных организаций). При этом каждая из этих структур действует в рамках своей компетенции, но зачастую без должной координации с другими участниками процесса [4, с. 543].

Такая ситуация порождает ряд серьезных проблем. Во-первых, существенно возрастает административная нагрузка на арбитражных управляющих, которые вынуждены

согласовывать свои действия с множеством инстанций. Во-вторых, создаются условия для принятия противоречивых решений разными ведомствами по одному и тому же вопросу. В-третьих, размывается ответственность за конечные результаты процедуры банкротства, так как становится непонятно, какое именно ведомство должно нести ответственность за те или иные последствия.

Особенно остро эти проблемы проявляются при банкротстве крупных предприятий, имеющих стратегическое значение для экономики. В таких случаях разные ведомства могут преследовать различные цели: ФНС стремится максимально взыскать налоговые задолженности, Росимущество – сохранить имущественный комплекс, отраслевые министерства – поддерживать функционирование предприятия. В результате вместо согласованной политики мы часто наблюдаем ведомственную разобщенность, что негативно сказывается на эффективности всей процедуры [5, с. 34-52].

Более того, сложность представляет взаимодействие между Федеральной налоговой службой и Росимуществом. Анализ практики показывает, что в 43% случаев банкротства предприятий с государственным участием возникают коллизии между этими ведомствами. Основные спорные вопросы касаются:

- Оценки имущества должника.
- Порядка его реализации.

- Определения приоритетов удовлетворения требований.
- Выбора арбитражного управляющего.

Для решения этих проблем необходимо осуществить комплекс организационно-правовых мер. В первую очередь, требуется законодательно закрепить принцип «одного окна», согласно которому по каждому делу о банкротстве назначается головное ведомство, ответственное за координацию действий всех государственных органов. Это ведомство должно обладать четко определенными полномочиями по принятию окончательных решений в спорных ситуациях.

Во-вторых, необходимо разработать и внедрить единые стандарты межведомственного взаимодействия, которые бы регламентировали:

1. Порядок обмена информацией между ведомствами;
2. Сроки согласования позиций;
3. Процедуры разрешения разногласий;
4. Механизмы совместного контроля за ходом процедур банкротства.

В-третьих, следует создать единую информационную систему мониторинга процедур банкротства, которая бы обеспечивала прозрачность и оперативность обмена данными между всеми участниками процесса. Эта система должна включать в себя:

- базу данных по всем текущим делам о банкротстве;
- электронный документооборот между ведомствами;
- автоматизированные механизмы контроля сроков и результатов процедур;
- аналитические инструменты для оценки эффективности работы контролирующих органов.

Особое внимание следует уделить оптимизации взаимодействия между ФНС и Росимуществом. В настоящее время их полномочия часто пересекаются, особенно в вопросах контроля за распоряжением имуществом должника. Целесообразно законодательно разграничить их функции: за ФНС следует закрепить исключительно фискальные аспекты (взыскание задолженности по налогам и сборам), а за Росимуществом – вопросы управления государственной собственностью в процедурах банкротства.

Реализация этих мер позволит существенно повысить эффективность государственного управления в сфере банкротства. Устранение

дублирования полномочий сократит сроки процедур и снизит административную нагрузку на их участников. Четкое разграничение ответственности между ведомствами улучшит контроль за качеством проведения процедур несостоятельности. А создание единой информационной системы повысит прозрачность всего процесса и позволит оперативно выявлять и устранять возникающие проблемы.

Эти изменения особенно актуальны в современных экономических условиях, когда перед институтом банкротства стоят сложные задачи по санации проблемных предприятий и максимально справедливому распределению активов между кредиторами. Оптимизация системы государственного управления в этой сфере будет способствовать достижению баланса между интересами всех участников процедур несостоятельности – кредиторов, должников, работников предприятий и государства.

В долгосрочной перспективе оптимизация системы государственного регулирования банкротства будет способствовать:

1. Повышению инвестиционной привлекательности российской экономики;
2. Укреплению доверия к институту банкротства;
3. Созданию благоприятных условий для санации предприятий;
4. Обеспечению баланса интересов всех участников процедуры.

Таким образом, совершенствование механизмов государственного управления в сфере несостоятельности требует комплексного подхода, включающего как изменения в законодательстве, так и организационные преобразования. Решение проблемы дублирования полномочий между ведомствами должно стать приоритетным направлением работы по развитию института банкротства в России.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Постановление Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в делах о банкротстве и в процедурах банкротства» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 23. – Ст. 2310.
3. Приказ Минэкономразвития России от 05.04.2013 № 178 «Об утверждении Порядка взаимодействия федеральных органов

исполнительной власти при представлении интересов Российской Федерации в делах о банкротстве» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2013. – № 25.

4. Новоселова Л.А. Проблемы правового регулирования банкротства: монография. – М.: Статут, 2019. – 543 с.

5. Скворцов О.Ю. Тенденции развития законодательства о банкротстве в России и за рубежом // Законодательство. – 2020. – № 5. – С. 34-52.

LEBEDKIN Kirill Eduardovich

Student, Ural State University of Economics, Russia, Yekaterinburg

FORMS AND METHODS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) AND THEIR LEGAL SOURCES

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the public administration system in the field of insolvency (bankruptcy) in the Russian Federation. Special attention is paid to the problems of coordination between different regulatory authorities and specific measures are proposed to optimize their interaction. The legal foundations of the activities of the Federal Tax Service, the Federal Property Management Agency and industry regulators are investigated, and key contradictions in their powers are identified. Based on the analysis of modern practice, proposals are formulated to improve the regulatory framework and organizational mechanisms for managing bankruptcy procedures.*

Keywords: *bankruptcy, public administration, insolvency, Federal Tax Service, DIA, arbitration administrator, legal regulation, interdepartmental interaction, optimization of powers.*

ЛИННИК Елена Андреевна

магистрантка, Владивостокский государственный университет, Россия, г. Владивосток

Научный руководитель – доцент гражданско-правовых дисциплин

Владивостокского государственного университета,

кандидат философских наук Секретарёв Роман Викторович

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОСВОЕНИЯ ЛЕСОВ

Аннотация. Целью настоящего исследования является комплексный анализ этапов развития российского законодательства в сфере освоения лесов в различные исторические эпохи. В ходе исследования использовались конкретно-исторический метод, метод анализа и сравнительно-правовой метод. История развития российского законодательства в сфере освоения лесов – это длительный и сложный путь, прошедший через множество этапов: от феодальных норм и устных традиций до современных правовых механизмов, основанных на принципах устойчивого развития и экологической ответственности. Каждое новое поколение нормативных актов дополняло и совершенствовало систему управления лесными ресурсами. Сегодня Россия продолжает развивать свою правовую базу, что позволяет обеспечить сохранение лесных богатств для будущих поколений и гармоничное сосуществование человека и природы. В завершение исследования автором сформулированы рекомендации по развитию лесного законодательства в России.

Ключевые слова: освоение лесов, этапы развития законодательства в сфере лесопользования, лес.

Россия обладает огромными лесными ресурсами, которые исторически играли ключевую роль в ее развитии. От древних времен до наших дней управление лесами было неотъемлемой частью государственной политики, экономики и культуры. Чтобы понять, как формировалось современное законодательство, нужно проследить его историю, ведь каждое новое поколение правовых норм отражало вызовы времени, научные достижения и социальные потребности в лесной сфере.

В эпоху Древней Руси, когда леса использовались в основном для хозяйственных целей – строительства домов, обороны и ремесла, – специальных законов, регулирующих лесные ресурсы, не было. Все основывалось на устных традициях, обычаях и локальных нормах.

В течение нескольких столетий, пока Древняя Русь распадалась на княжества, управление лесами оставалось в основном феодальным. Каждое княжество имело свои правила, и леса использовались по необходимости, без единой системы. В летописях встречаются упоминания о правах князей и церквей на леса.

XVII век ознаменовался осознанием государством важности контроля над лесами. В условиях укрепления централизованной власти в XVII веке был издан свод законов Русского

царства «Соборное уложение» [2], объединивший прежние законы, указы и другие юридические акты. Этот документ стал первым официальным актом, закрепляющим контроль над лесными ресурсами. В уложении впервые были закреплены формы собственности на леса, помимо государственной, разделяя их на вотчинные, поместные и поверстные, что свидетельствует о четком разграничении прав на леса в зависимости от их назначения и доходности. Издание «Соборного уложения» стало важным шагом к созданию системы контроля и управления лесными ресурсами, которая в дальнейшем развивалась и усложнялась.

В период правления Петра I началась более системная работа по регулированию лесных ресурсов. Петр I уделял большое внимание сохранению лесных ресурсов России, о чем свидетельствуют более сотни изданных им указов, распоряжений и инструкций, направленных на рациональное использование и защиту лесов. Следует отметить некоторые его законодательные меры:

- Указ от 19 ноября 1703 года предписывал провести описание лесов вблизи крупных рек и установить заповедные зоны, где запрещалась вырубка ценных пород деревьев, таких как дуб, клен, вяз, лиственница и корабельная

сосна определенного диаметра. За нарушение предусматривались крупные штрафы, а за вырубку особо ценных пород – смертная казнь [3].

- Указ «О нерублении доброго лесу на дрова» устанавливал приоритет использования для отопления менее ценных пород деревьев, таких как ель, осина, ольха, а также валежника [3].

- Указ от 6 апреля 1722 года учредил вальдмейстерства – специальные органы, ответственные за управление лесами в густонаселенных районах [3].

- Указ от 20 ноября 1712 года запрещал рубку леса вблизи рек, используемых для сплава древесины в Санкт-Петербург, разрешая ее только на расстоянии не менее 10 верст и ограничивая диаметр вырубаемых деревьев [3].

- Указ 1714 года вводил ограничения на рубку лесов по реке Охте для жителей Петербурга и подрядчиков, но разрешал ее в районе Выборга, выше реки Славянки [3].

- Указ 1719 года распространил запрет на рубку дуба как ценной породы за пределы заповедных лесов [3].

3 декабря 1723 года Петр I утвердил «Инструкцию обер-вальдмейстеру», которая фактически стала первым в России Лесным кодексом, регулирующим различные аспекты лесопользования, возобновления лесов и экспорта лесоматериалов [4].

Однако, несмотря на начальные успехи Петра I по рациональному использованию лесов, с правлением Екатерины II происходит радикальная смена курса. Императрица рассматривала леса как источник дохода, что повлияло на принятие решений в этой сфере. Нововведения Екатерины привели к резкому увеличению рубки лесов. 22 сентября 1782 года вышел Указ, согласно которому все леса в помещичьих дачах, включая корабельные, были обращены в неограниченную собственность владельцев с правом неограниченной продажи, что открыло путь к массовой рубке [5, 6, 7].

С принятием Указа Павла I и созданием Лесного департамента при интендантской экспедиции Адмиралтейств-коллегии в 1798 году система управления лесами стала более централизованной. Под контроль попала не только государственная, но и частная собственность, что позволило лучше контролировать заготовки и восстановление лесных массивов. Стоит отметить некоторые результаты создания Лесного департамента: появились

распоряжения о взысканиях за самовольные порубки (1799 год), устанавливались таксы для взысканий, был введен отпуск лесоматериалов за плату. Лесным департаментом предписывалось производить рубку леса строго по билетам, что стало основой для создания билетной системы (1802 год), действовавшей до 2007 года. Указы Павла I по лесной части полностью изменили управление лесами и заложили основу ведения лесного хозяйства [8].

Утвержденный в 1802 году Лесной устав стал основополагающим документом, который заложил принципы охраны и разумного использования лесов [9].

После Октябрьской революции лесное законодательство претерпело кардинальные изменения. Декрет о земле 1917 года и последовавший за ним закон «О лесах» 1918 года ликвидировали существовавшие формы собственности на леса, установив государственную собственность на лес как основное право [10, 11].

Лесной кодекс РСФСР 1923 года установил, что все леса образуют единый государственный лесной фонд, который делится на леса местного и общегосударственного значения [12].

Основной принцип советского законодательства – государственная собственность на леса, централизованное планирование и контроль. Вся деятельность по лесному хозяйству строилась по планам, утвержденным государством, что позволяло контролировать объемы заготовки, воспроизводства и охраны лесных массивов.

После распада СССР Россия столкнулась с необходимостью перестраивать свою систему регулирования лесных ресурсов. В 1993 году действовали «Основы лесного законодательства Российской Федерации», которые регулировали отношения, возникающие при пользовании лесным фондом страны. Документ был направлен на создание условий для рационального использования, воспроизводства, охраны и защиты лесов [13].

В 1997 году был принят Лесной кодекс РФ, который устанавливал правовые основы рационального использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, повышения их экологического и ресурсного потенциала. Основные моменты кодекса:

- Регулирование прав собственности на лесной фонд и на леса, не входящие в лесной фонд.

- Нахождение лесного фонда и расположенных на землях обороны лесов в федеральной государственной собственности.
- Предоставление гражданам и юридическим лицам участков лесного фонда на праве аренды, безвозмездного пользования, концессии и краткосрочного пользования.
- Передача части лесного фонда в собственность субъектов Российской Федерации.
- Регулирование федеральным законом форм собственности на леса, расположенные на землях городских поселений.
- Право собственности граждан и юридических лиц на древесно-кустарниковую растительность, расположенную на их земельном участке.
- Развитие лесных сервитутов, то есть института свободного и бесплатного пребывания граждан в лесах для сбора дикорастущих плодов, ягод, орехов, грибов, лекарственных растений, охоты и т. д., если иное не предусмотрено законодательством [14].

Современный этап развития лесного законодательства начинается с принятия Лесного кодекса Российской Федерации в 2006 году, который подчеркивает, что леса находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Это создает основы для более осознанного и сбалансированного подхода к управлению лесными ресурсами [15].

Важным элементом современного лесного законодательства является система лицензирования использования лесных ресурсов. Управление лесными участками возможно на основе краткосрочной или долгосрочной аренды, что позволяет как государству, так и частным лицам ответственно подходить к эксплуатации лесов. Предусматриваются категории, при которых арендаторы обязаны заботиться о лесах, соблюдать регламенты по вырубке, проводить работы по восстановлению лесов и предотвращению лесных пожаров.

Кроме того, современное лесное законодательство уделяет внимание правам местного населения и коренных народов, традиционно зависящих от лесов для своих нужд и социально-экономического благополучия. Защита прав этих групп становится все более актуальной, учитывая их уникальные знания о лесной экосистеме и важность их вовлечения в процессы управления. В результате в законодательстве появляются положения о

необходимости учитывать интересы местных сообществ при принятии решений, касающихся использования лесов.

Сложность проблемы охраны лесов также включает глобальные вызовы, такие как изменение климата, сохранение биологического разнообразия и устойчивое развитие. Лесное законодательство Российской Федерации в последние годы все больше учитывает международные обязательства страны по вопросам устойчивого развития и охраны природы, такие как участие в Парижском соглашении и других международных договорах по охране окружающей среды. Эта интеграция позволяет связать действия на национальном уровне с глобальными инициативами [16].

Для дальнейшего развития лесного законодательства в России необходимо углубиться в конкретные инициативы и действия, которые могут привести к реальным изменениям. Важную роль в этом процессе играют научные исследования и технологии, направленные на создание более эффективных систем управления лесами. Например, внедрение геоинформационных систем (ГИС) и спутникового мониторинга позволит более точно отслеживать состояние лесных экосистем, выявлять уязвимые участки и планировать меры по их восстановлению.

Кроме того, важным направлением является повышение экологической грамотности населения. Образовательные программы, направленные на осознание значимости лесов для экосистемы и экономики, могут формировать позитивное общественное мнение и мотивировать граждан участвовать в охране окружающей среды. Вовлечение местных сообществ в проекты по восстановлению лесов и гармоничному использованию ресурсов поможет не только в решении конкретных экологических проблем, но и в укреплении социальных связей в обществе.

Также стоит обратить внимание на необходимость создания стимулов для бизнеса, ориентированных на устойчивое развитие. Поддержка компаний, использующих экологически чистые технологии, и внедрение механизма «зеленых» сертификатов могут поощрить корпоративный сектор к активному участию в охране лесов. Например, компании, занимающиеся переработкой древесины, могут получить налоговые льготы за использование

возобновляемых ресурсов и минимизацию отходов.

Таким образом, объем лесных ресурсов в России будет зависеть от комплекса мер, гармоничного взаимодействия различных секторов общества и активного участия граждан. Сфокусировавшись на устойчивом управлении лесами, Россия может не только сохранить свои природные богатства, но и внести значимый вклад в мировые усилия по борьбе с экологическими вызовами, обеспечив тем самым лучшее качество жизни будущих поколений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 28.05.2025).
2. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / Текст ред. проф. М.К. Любавским. М.: Историко-филологический факультет Императорского Московского университета, 1907. 196 с.
3. Законодательство Петра I / Отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. – М.: Юрид. лит., 1997. – 880 с.
4. «Инструкция обер-вальдмейстеру» от 03.12.1723. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/340337-instruktsiya-ober-valdmeysteru-ot-3-dekabrya-1723-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>.
5. Цветков А.М., Цветков, М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII века по 1914 год. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1957. 214 с.
6. Перечень документов Екатерины II <http://www.historyru.com/docs/rulers/ekaterina-2/ekaterina-2-docs.html#/overview>.
7. «Лесоистребление в период правления Екатерины II. К 240-летию издания указа Екатерины II от 22 сентября 1782 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://roslesmuseum.ru/event/%C2%ABlesoistreblenie-v-period-pravleniya-ekaterinyi-ii.-k-240-letiyu-izdaniya-ukaza-ekaterinyi-ii-ot-22-sentyabrya-1782-goda%C2%BB/>.
8. Указ Павла I от 22.09.1798 г. «О создании лесного департамента». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/459720>.
9. Лесной устав от 11.11.1802 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/section/688333>.
10. Декрет о земле от 26.10.1917. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%82_%D0%BE_%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D0%B5.
11. Закон о лесах от 27 (14) мая 1918 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfsk.ru/history/etot-den-v-istorii-finansov/27-maya-1918-goda>.
12. Лесной кодекс РСФСР от 13.08.1923 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/b/lesnoi-kodeks-rsfsr-0e27f9>.
13. Основы лесного законодательства Российской Федерации от 06.03.1993 № 4613-1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10108147/>.
14. Лесной кодекс Российской Федерации от 29.01.1997 г. № 22-ФЗ (ЛК РФ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10133088/>.
15. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/.
16. Постановление Российской Федерации от 21.09.2019 № 1228 «О принятии Парижского соглашения». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201909240028>.

LINNIK Elena Andreevna

Graduate Student, Vladivostok State University, Russia, Vladivostok

*Scientific Advisor – Associate Professor of Civil Law Disciplines at Vladivostok State University,
Candidate of Philosophical Sciences Secretaryev Roman Viktorovich*

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGISLATION IN THE FIELD OF FOREST DEVELOPMENT

Abstract. *The purpose of this study is a comprehensive analysis of the stages of development of Russian legislation in the field of forest development in various historical epochs. In the course of the research, the specific historical method, the method of analysis and the comparative legal method were used. The history of the development of Russian legislation in the field of forest development is a long and complex path that has passed through many stages: from feudal norms and oral traditions to modern legal mechanisms based on the principles of sustainable development and environmental responsibility. Each new generation of regulations complemented and improved the forest resource management system. Today, Russia continues to develop its legal framework, which makes it possible to ensure the preservation of forest resources for future generations and the harmonious coexistence of man and nature. At the end of the study, the author formulated recommendations for the development of forest legislation in Russia.*

Keywords: *forest development, stages of development of legislation in the field of forest management, forest.*

ПОЛИКАРПОВА София Евгеньевна

магистрантка, Тольяттинский государственный университет, Россия, г. Тольятти

ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРОК: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы защиты прав предпринимателей в рамках контрольных мероприятий, проводимых государственными и муниципальными органами. Автор анализирует существующие правовые механизмы, выявляет системные проблемы, связанные с нарушениями процедур проверок, и предлагает комплексные меры по оптимизации контрольной деятельности. Особое внимание уделяется эмпирическим данным, демонстрирующим масштабы нарушений прав предпринимателей.

Ключевые слова: предпринимательство, государственные проверки, защита прав, административные барьеры, риск-ориентированный подход, судебная защита.

Государственный контроль и надзор за предпринимательской деятельностью являются необходимыми элементами правового государства, обеспечивающими соблюдение публичных интересов, защиту прав потребителей и экологической безопасности. Однако на практике контрольные мероприятия зачастую сопровождаются нарушениями прав предпринимателей, что приводит к избыточной административной нагрузке и ухудшению делового климата. Статистика показывает, что до 40% проверок сопровождаются нарушениями процедур [1]. Это создает избыточную административную нагрузку, особенно для малого и среднего бизнеса.

Цель исследования заключается в разработке научно обоснованных предложений по совершенствованию механизмов защиты прав предпринимателей на основе комплексного анализа существующей системы контрольных мероприятий.

Согласно официальным данным Единого реестра проверок Генеральной прокуратуры РФ, в 2023 году было зафиксировано 2,1 млн проверок, из которых 12% признаны незаконными или избыточными [2]. При этом, как отмечает А. В. Иванов [3, с. 45-62] в исследовании контрольной деятельности, до 25% проверок малого бизнеса проводятся с нарушениями процедуры, включая отсутствие законных оснований и превышение полномочий.

По данным общероссийского опроса, проведенного Институтом экономики РАН [4] 42% предпринимателей сталкивались с

необоснованными требованиями контролирующих органов, а 19% указывали на коррупционные проявления при проверках. Эти данные подтверждаются исследованием Е. С. Петровой и В. Г. Сидорова [5, с. 78-95], которые выявили, что в регионах с высокой административной нагрузкой уровень доверия бизнеса к контролирующим органам не превышает 34%.

Как показало исследование арбитражных дел за 2022-2023 гг. 67% решений были вынесены в пользу предпринимателей. При этом, по данным К. С. Смирнова [6], в 41% случаев суды отменяли результаты проверок из-за отсутствия законных оснований (ст. 10 ФЗ № 294-ФЗ). В работе М. И. Кузнецовой [7, с. 56-73] подчеркивается, что только 3% предпринимателей получают компенсацию за незаконные проверки, что свидетельствует о неэффективности механизмов возмещения ущерба.

Исследование Центра антикоррупционных исследований [8] показало, что 19% предпринимателей сталкивались с вымогательством при проверках. Эти данные коррелируют с выводами Агентства стратегических инициатив [9], согласно которым 23% малых предприятий испытывали давление со стороны контролирующих органов.

Современная система государственного контроля за предпринимательской деятельностью сталкивается с комплексом системных проблем, существенно ограничивающих эффективность защиты прав бизнеса. В нормативно-правовой сфере наблюдается серьезная неопределенность ключевых понятий, таких

как «обоснованные основания» для внеплановых проверок или «избыточные требования» контролирующих органов, что создает почву для произвольного толкования норм. При этом существующие законодательные акты зачастую противоречат друг другу, особенно в части соотношения общего закона о контроле [10] и отраслевых нормативных актов.

Особую озабоченность вызывает формальное применение риск-ориентированного подхода, который в 60% случаев реализуется без должного учета реальных факторов опасности. Отсутствие единых методик оценки рисков приводит к необоснованному завышению категорий опасности для малых предприятий. Контролирующие органы наделены чрезмерно широкими полномочиями, включая возможность изъятия оригиналов документов и произвольного определения сроков проверочных мероприятий.

На организационном уровне сохраняется проблема избыточного контроля – средний бизнес вынужден проходить около 5 проверок ежегодно, при этом 38% таких мероприятий дублируют ранее проведенные. Межведомственная разобщенность приводит к многократным проверкам одного объекта разными структурами. Серьезные нарушения процедуры проявляются в проведении 23% проверок без уведомления, привлечении непредусмотренных специалистов и систематическом превышении установленных сроков.

Особую проблему представляют внеплановые проверки, 45% которых инициируются без достаточных оснований, часто под предлогом мнимой угрозы жизни и здоровью граждан. При этом отсутствуют действенные механизмы предварительной оценки обоснованности таких мероприятий.

Система защиты прав предпринимателей демонстрирует крайне низкую эффективность – лишь 12% досудебных жалоб получают удовлетворение, при этом средний срок их рассмотрения составляет 34 дня. Судебная защита сопряжена со значительными временными (5,7 месяца в среднем) и финансовыми (87 тыс. руб.) издержками. Компенсационные механизмы практически не работают – только 3% предпринимателей получают возмещение ущерба, причем средний размер компенсации (23 тыс. руб.) несопоставим с реальными потерями.

Глубинные системные проблемы включают высокие коррупционные риски (19%

предпринимателей сталкивались с вымогательством), низкую профессиональную подготовку инспекторов и отсутствие единой информационной системы контроля. Эти факторы в совокупности создают значительные барьеры для развития предпринимательства и требуют комплексного реформирования всей системы контрольной деятельности.

Таким образом, для создания эффективной системы защиты прав предпринимателей при проведении проверок необходим комплексный подход, сочетающий законодательные, организационные и технологические преобразования. В первую очередь требуется существенная оптимизация законодательной базы, включающая четкое закрепление в ФЗ № 294-ФЗ понятия «обоснованные основания» для внеплановых проверок с установлением исчерпывающего перечня допустимых случаев. Важным шагом должно стать введение обязательного прокурорского согласования для всех внеплановых проверок, независимо от ведомственной принадлежности контролирующего органа.

Принципиальное значение имеет законодательное закрепление «презумпции добросовестности» предпринимателя, которая должна исключить возможность проведения повторных проверок по тем же основаниям в течение года при отсутствии доказанных нарушений. Параллельно необходимо усилить ответственность контролирующих органов путем введения финансовых санкций за незаконные проверки, персональной ответственности должностных лиц и автоматического дисциплинарного производства при судебном признании проверки неправомерной.

На организационном уровне ключевым направлением реформирования становится развитие риск-ориентированного подхода с пересмотром критериев категорирования рисков, учитывающих реальную опасность деятельности, историю соблюдения требований конкретным предпринимателем и экономическую значимость бизнеса для региона. Создание открытых реестров категорий рисков с возможностью их оспаривания позволит сделать систему более прозрачной и справедливой.

Особую роль должно сыграть учреждение Федеральной службы по контролю за контрольной деятельностью как единого координирующего органа, ответственного за утверждение планов проверок, анализ дублирования функций и рассмотрение жалоб предпринимателей.

Одновременно требуется реформа системы обжалования с введением обязательного досудебного урегулирования с сокращением сроков рассмотрения жалоб до 10 рабочих дней и созданием специализированных арбитражных коллегий по проверочным спорам.

Технологическая модернизация контрольной деятельности предполагает разработку единой цифровой платформы, которая позволит автоматизировать формирование планов проверок на основе объективных критериев риска, обеспечить фиксацию всех действий инспекторов в режиме реального времени и предоставить предпринимателям удобные инструменты для взаимодействия с контролирующими органами через личные кабинеты. Перспективным направлением является внедрение технологий искусственного интеллекта для выявления коррупционных рисков и прогнозирования нарушений, а также использование блокчейна для создания неизменяемого реестра всех этапов проверки.

Значительный потенциал имеет развитие институтов общественного контроля, включая расширение полномочий бизнес-омбудсменов с правом приостанавливать проверки при явных нарушениях процедуры и инициировать служебные расследования. Формирование общественных советов при контролирующих органах с участием представителей бизнеса, юристов и экономистов, а также привлечение независимых организаций для мониторинга качества контрольной деятельности позволят создать систему сдержек и противовесов, обеспечивающую баланс между государственным контролем и защитой прав предпринимателей.

Проведенный анализ системы государственного контроля за предпринимательской деятельностью выявил комплекс серьезных проблем, оказывающих негативное влияние на развитие бизнеса и экономики в целом. Существующая практика проверок характеризуется избыточным административным давлением, несовершенством нормативной базы и низкой эффективностью механизмов защиты прав предпринимателей. Это приводит к значительным экономическим издержкам – как для отдельных предприятий, так и для экономики в целом, теряющей инвестиционную привлекательность из-за непредсказуемости контрольной среды.

Реализация предложенных мер позволит найти баланс между необходимостью государственного контроля и созданием

благоприятных условий для ведения бизнеса. Это особенно важно в текущих экономических условиях, когда поддержка предпринимательства становится ключевым фактором устойчивого развития российской экономики. Оптимизация системы проверок должна стать приоритетным направлением государственной политики, способствуя декриминализации предпринимательской среды и повышению инвестиционной привлекательности страны.

Литература

1. Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Доклад о состоянии предпринимательского климата в Российской Федерации в 2023 году. – М., 2024. – 98 с.
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Отчет о результатах мониторинга контрольной деятельности в Российской Федерации за 2023 год. – М., 2024. – 156 с.
3. Иванов А.В. Совершенствование механизмов государственного контроля предпринимательской деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2023. – № 2 (15). С. 45-62.
4. Институт экономики РАН. (2024). Исследование административных барьеров для малого и среднего бизнеса в России. Москва.
5. Петрова Е.С., Сидоров В.Г. Региональные особенности реализации контрольных функций: эмпирический анализ // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 4. – С. 78-95.
6. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Анализ проверочной деятельности в I квартале 2024 года: препринт WP10/2024/03 / Под ред. К.С. Смирнова. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2024. – 48 с.
7. Кузнецова М.И. Проблемы возмещения ущерба от незаконных проверок: правовые аспекты // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского права». – М., 2024. – С. 56-73.
8. Центр антикоррупционных исследований и инициатив. Мониторинг коррупционных рисков в контрольной деятельности: аналитический отчет. – М.: Статут, 2024. – 112 с.
9. Агентство стратегических инициатив. Индекс административного давления на бизнес: методика расчета и результаты мониторинга. – М., 2023. – 84 с.

10. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 01.07.2024) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении

государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6249.

POLIKARPOVA Sofia Evgenievna

Graduate Student, Tolyatti State University, Russia, Tolyatti

PROTECTION OF THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS DURING INSPECTIONS: PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THE MECHANISMS OF LEGAL REGULATION

Abstract. *The article examines current issues of protecting the rights of entrepreneurs within the framework of control measures conducted by state and municipal authorities. The author analyzes the existing legal mechanisms, identifies systemic problems related to violations of audit procedures, and suggests comprehensive measures to optimize control activities. Particular attention is paid to empirical data demonstrating the extent of violations of entrepreneurs' rights.*

Keywords: *entrepreneurship, government inspections, protection of rights, administrative barriers, risk-based approach, judicial protection.*

РУБЦОВА Вера Владимировна

магистрантка, Российский новый университет, Россия, г. Москва

ПРИНЦИПЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: ПРАВОВОЙ И ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматриваются принципы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, закреплённые в статье 2 Федерального закона № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Анализируются такие принципы, как обязательность проведения экспертизы, системность оценки нормативных актов, обоснованность и проверяемость экспертных заключений, компетентность экспертов, а также сотрудничество государственных органов с институтами гражданского общества. Автор обращает внимание на факторы, обеспечивающие реализацию каждого принципа, и подчёркивает их значение для повышения эффективности антикоррупционного контроля в сфере правотворчества. Делается вывод о необходимости комплексного и практико-ориентированного подхода к развитию института антикоррупционной экспертизы в Российской Федерации.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, коррупционные риски, нормативный правовой акт, правотворчество, экспертиза законопроектов, независимая экспертиза, принципы правовой политики, гражданское общество, государственный контроль, противодействие коррупции.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов представляет собой один из ключевых правовых механизмов предупреждения коррупции на ранней стадии – этапе правотворчества. В статье 2 Федерального закона № 172-ФЗ чётко определены принципы, на которых должна строиться данная деятельность [2]. Анализ этих принципов позволяет оценить не только методологическую основу экспертизы, но и выявить существующие проблемы реализации и пути их преодоления.

Прежде всего, важнейшим является принцип обязательности проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов. Он закрепляет не право, а обязанность государственных органов включать экспертизу в регламент нормотворческого процесса. Это означает, что каждый проект нормативного акта, затрагивающий права, свободы и обязанности граждан, должен пройти проверку на наличие коррупциогенных факторов до его официального принятия. Как подчёркивает Е. Р. Россинская, игнорирование этой стадии приводит к воспроизводству коррупционных рисков на уровне закона, что подрывает доверие общества к правовой системе [9, с. 64].

Следующий принцип – оценка нормативного правового акта во взаимосвязи с другими актами – обеспечивает системный характер

экспертизы. Речь идёт не только о выявлении внутренних рисков в конкретном проекте, но и о сопоставлении его положений с действующим законодательством, чтобы исключить коллизии, дублирование или неоднозначность правового регулирования. Такой подход препятствует манипулятивному использованию «правовых лазеек» и юридических нестыковок. Как отмечает Н. Н. Песцова, коррупция часто возникает именно в зонах нормативной неопределённости и правовой неопределённости, порождённых несогласованностью правовых актов [7, с. 225].

Третьим принципом является обоснованность, объективность и проверяемость результатов экспертизы. Этот критерий призван защитить экспертизу от субъективизма и формального подхода. Экспертные заключения должны быть аргументированы, логически выстроены и содержать ссылки на конкретные положения проекта, выявленные коррупциогенные факторы и обоснование их правовой опасности. Кроме того, заключения должны быть проверяемыми другими специалистами – это позволяет избежать произвольных или политически мотивированных трактовок. А. Е. Вандровская подчёркивает, что только научно обоснованная и логически структурированная экспертиза может служить эффективным инструментом правотворческого контроля [4, с. 668].

Принцип компетентности лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу, также имеет фундаментальное значение. Он предполагает наличие у экспертов профильного образования, опыта в правовой сфере и понимания специфики антикоррупционного анализа. Федеральный закон предусматривает ведение реестра независимых экспертов Минюстом РФ, в который могут включаться лица, обладающие необходимыми квалификационными данными. Наличие формального допуска, однако, не всегда гарантирует качество – как указывает О. Л. Казанцева, экспертиза требует междисциплинарного подхода, включающего знания не только в юриспруденции, но и в области управления, экономики и публичной политики [5, с. 118].

Наконец, принцип сотрудничества государственных органов с институтами гражданского общества при проведении экспертизы закрепляет демократическую направленность антикоррупционной политики. Он выражается, в том числе, в институционализации независимой антикоррупционной экспертизы, которая может быть инициирована и проведена общественными объединениями, научными организациями, юридическими фирмами и даже отдельными гражданами. Суть такого подхода – в создании механизма внешнего контроля за законопроектной деятельностью власти, что способствует снижению коррупционных рисков и повышает доверие общества к правовому регулированию. Как отмечают А. Р. Корнилов и А. Р. Яковлева, именно общественная экспертиза позволяет выявить те коррупционные лазейки, которые по тем или иным причинам могут быть «не замечены» внутри государственного аппарата [6, с. 550].

Таким образом, принципы антикоррупционной экспертизы, закреплённые в статье 2 Федерального закона № 172-ФЗ, формируют методологическую и правовую основу для предотвращения коррупции на стадии право творчества. Их реализация требует не только соблюдения формальных процедур, но и высокого уровня правовой культуры, межведомственного взаимодействия, а также реального участия гражданского общества. Укрепление этих принципов представляет собой стратегическое направление в развитии современной антикоррупционной политики России.

Литература

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция). – КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.
2. Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 № 172-ФЗ (последняя редакция). – КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/.
3. Абдуганиев Э.С. Основные понятия и принципы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Научный альманах. – 2024. – № 5-2 (115). – С. 49-51.
4. Вандровская А.Е. К вопросу о методологических принципах проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов: понятие и содержание // В сборнике: Трансформация права. Материалы VI Всероссийского научно-практического форума студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2024. С. 667-676.
5. Казанцева О.Л. Принцип компетентности в деятельности независимых экспертов, аккредитованных Министерством юстиции РФ на проведение антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов и их проектов // История, теория, практика российского права. – 2024. – № 17. – С. 114-120.
6. Корнилов А.Р., Яковлева А.Р. Антикоррупционная экспертиза как форма общественного контроля // В сборнике: Цивилизация знаний: российские реалии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2023. С. 548-553.
7. Песцова Н.Н. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: общетеоретический аспект // В сборнике: Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Под редакцией Е.В. Евсиковой, И.В. Хмиль. Симферополь, 2022. С. 224-233.
8. Поддубная О.С., Хлонова Н.В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов. – М.: Юрайт, 2025. – 100 с.
9. Россинская Е.Р. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики. – М.: Норма, 2025. – 160 с.

RUBTSOVA Vera Vladimirovna

Undergraduate Student, Russian New University, Russia, Moscow

PRINCIPLES OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF REGULATORY LEGAL ACTS: LEGAL AND APPLIED ANALYSIS

Abstract. *The article discusses the principles of anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts, as set out in Article 2 of Federal Law No. 172-FZ "On Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts." The principles such as the obligation to conduct an expert examination, the systematic assessment of regulations, the validity and verifiability of expert opinions, the competence of experts, as well as the cooperation of government agencies with civil society institutions are analyzed. The author draws attention to the factors that ensure the implementation of each principle, and highlights their importance for improving the effectiveness of anti-corruption control in the field of law. The conclusion is drawn about the need for an integrated and practice-oriented approach to the development of the institute of anti-corruption expertise in the Russian Federation.*

Keywords: *anti-corruption expertise, corruption risks, regulatory legal act, law-making, examination of draft laws, independent expertise, principles of legal policy, civil society, state control, anti-corruption.*

САННИКОВА Мария Павловна

магистрантка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления,
Россия, г. Екатеринбург

*Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Уральского института управления, кандидат юридических наук Белик Юлия Святославовна*

АЛГОРИТМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ

Аннотация. В статье приведены анализ состояния преступности, связанной со взяточничеством, а также авторский алгоритм определения всех характеристик понятия должностного лица для целей его применения при квалификации действий лица, подозреваемого в совершении преступлений, связанных со взяточничеством.

Ключевые слова: взяточничество, должностное лицо, коррупционные преступления, квалификация.

Коррупционные преступления представляют собой особый вид преступлений как по механизму совершения преступлений, так и по субъекту их совершения. Среди всех коррупционных преступлений в особую группу объединены преступления, связанные со взяточничеством. В данную группу входят составы преступлений, предусмотренных следующими статьями уголовного закона: статьи 290, 291,

291.1, 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1].

Согласно информации, представленной на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) в «Краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации» за 2020–2024 годы, количество преступлений, предусмотренных вышеназванными статьями, неуклонно растет (табл.) [3].

Таблица

Состояние преступности, связанной со взяточничеством (официальный сайт МВД РФ)

Год	Зарегистрировано преступлений, всего	Темп роста, %
2024	23240	117
2023	20279	104
2022	19490	105
2021	18591	127
2020	14578	100

При этом необходимо отметить, что при анализе подобной статистики нельзя забывать, что подобные тенденции могут складываться под влиянием как минимум двух факторов. Первым из них является рост числа совершаемых преступлений, что безусловно является благоприятным фактором криминогенной обстановки на территории России. Вторым фактором является снижение латентности данного вида преступлений, большее количество именно выявленных, а не совершаемых преступлений, что, конечно, благоприятно для

нашей страны. Однако в любом случае нельзя не отметить, что ввиду сложности выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных со взяточничеством, требуется дальнейшее совершенствование механизма расследования такой категории уголовных дел.

Расследование уголовного дела о взяточничестве никогда не обходится без определения должностного лица и предельно точного описания всех необходимых его признаков. При этом сложность этого заключается не только в многогранности самого понятия должностного

лица, но также и в том, что нормы, устанавливающие критерии понятия должностного лица, содержатся в разных правовых актах, что затрудняет быстрое и всеобъемлющее описание должностного лица в каждом конкретном уголовном деле.

Для ускорения процесса выявления всех признаков должностного лица автором предлагается алгоритм определения понятия должностного лица.

Как известно, определение понятия «должностное лицо» приведено в п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ. При анализе данной нормы можно выделить три основные группы признаков, имеющих значение для определения того, кто является должностным лицом. Развитие этого понятия и его уточнение приводится в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 16.10.2009 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [2]. Для

большей иллюстративности и облегчения запоминания автором предлагается заключить три вышеуказанных группы признаков в три вопроса: «Кто?» (представитель власти; лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции) (рис. 1), «Где?» (все перечисленные в законе виды организаций) (рис. 2), «Когда?» (постоянно, временно или по специальному полномочию) (рис. 3). При этом варианты ответов на каждый из указанных вопросов также подлежит дальнейшей детализации.

Авторский алгоритм заключается в поэтапном определении посредством выбора из указанных вариантов конкретных характеристик виновного лица по конкретному уголовному делу для фиксации всех обязательных составляющих данного элемента состава преступления. Ниже схематично представлен данный авторский алгоритм.

1. Кто?

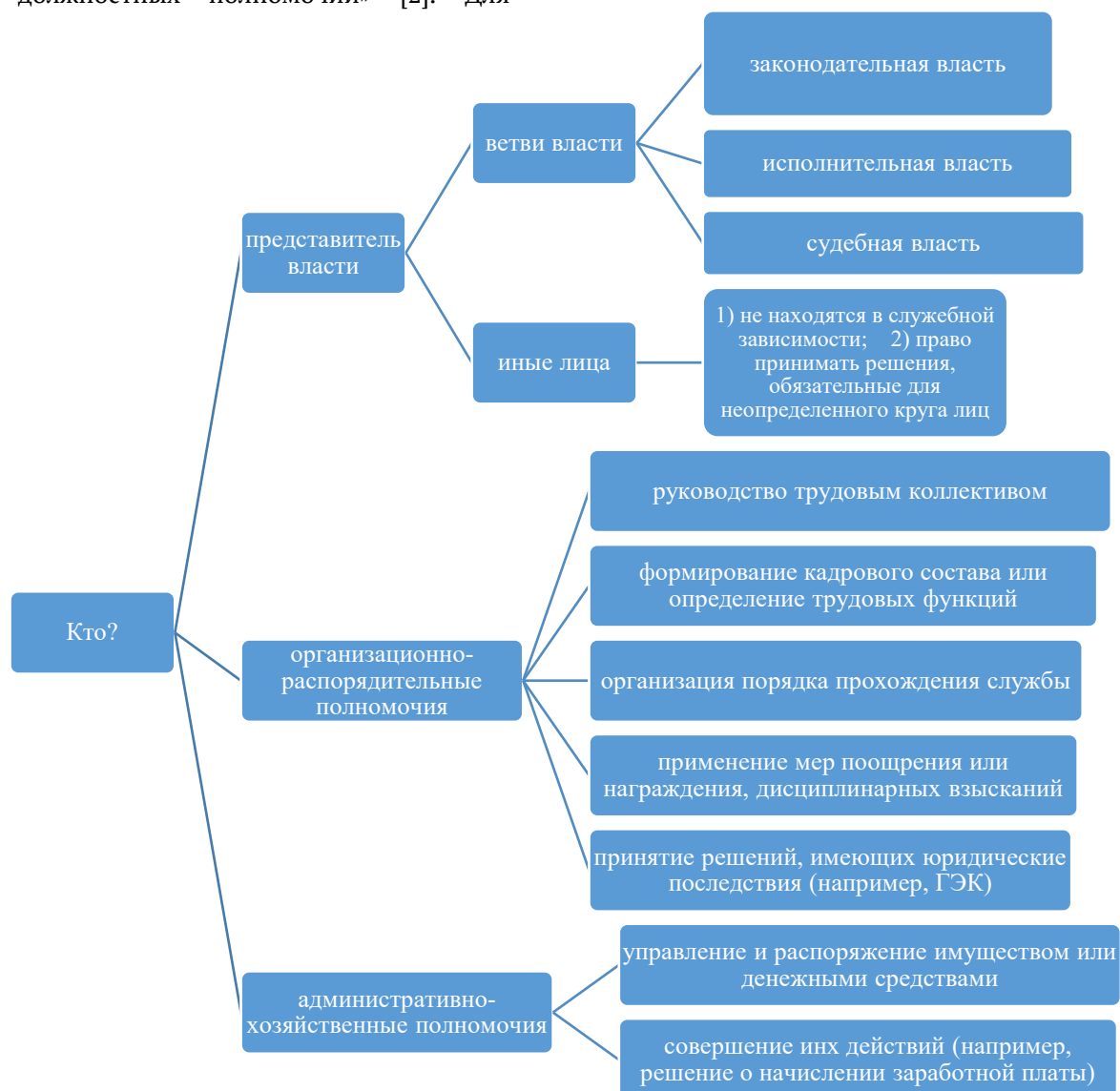

Рис. 1. Виды полномочий должностного лица

2. Где?

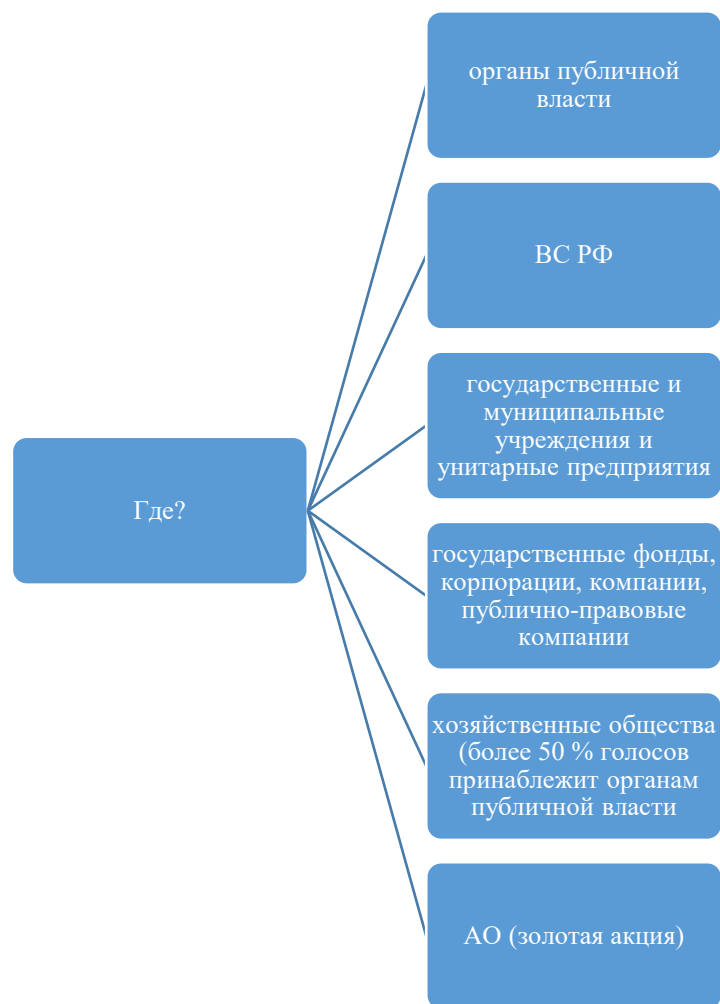

Рис. 2. Органы и организации, в которых может работать должностное лицо

3. Когда?

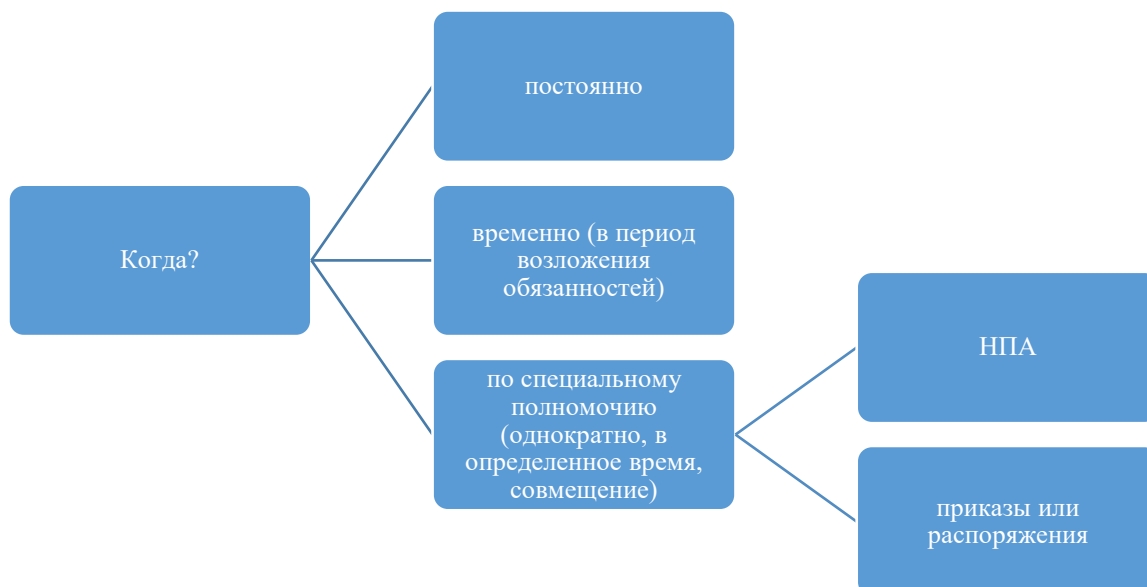

Рис. 3. Порядок замещения должности должностным лицом

Однозначные и полные ответы на поставленные выше вопросы в своей совокупности составляют описание статуса конкретного должностного лица по конкретному уголовному делу.

Создание данного алгоритма призвано обеспечить для следователя определение всех составляющих статуса должностного лица в конкретных обстоятельствах при расследовании уголовного дела. Применение алгоритма позволит сократить время для описания статуса должностного лица и в то же время детально его описать, не потеряв из виду какой-либо из признаков должностного лица. Данные результаты применения алгоритма при расследовании уголовного дела, как ожидается, способны привести к повышению качества расследования уголовного дела, предотвратить

возврат уголовного дела прокурору и иные неблагоприятные для расследования последствия.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. – № 25. – Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 16.10.2009 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. – 30.10.2009. – № 207.
3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 05.06.2025).

SANNIKOVA Maria Pavlovna

Graduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ural Institute of Management, Russia, Yekaterinburg

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ural Institute of Management, PhD in Law Belik Yulia Svyatoslavovna*

ALGORITHM FOR DETERMINING AN OFFICIAL WHEN QUALIFYING THE ACTIONS OF A PERSON SUSPECTED OF COMMITTING BRIBERY-RELATED CRIMES

Abstract. *The article provides an analysis of the state of bribery-related crime, as well as the author's algorithm for determining all the characteristics of the concept of an official for the purpose of applying it when qualifying the actions of a person suspected of committing bribery-related crimes.*

Keywords: *bribery, official, corruption crimes, qualifications.*

ЧЕРНОМОРСКАЯ Юлия Андреевна

магистрантка, Уральский государственный экономический университет,
Россия, г. Екатеринбург

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются комплексный анализ взяточничества как социально-правового явления, а также сущность взяточничества, включая его формы и правовое регулирование в РФ. Выявлены ключевые причины распространения коррупции, описаны последствия для экономики, общества и государственных институтов.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, противодействие коррупции, посредничество во взяточничестве, законодательство РФ, экономические последствия, правовая культура.

Взяточничество, одна из наиболее опасных форм коррупции, подрывающая доверие к государственным институтам и препятствующая социально-экономическому развитию, представляет собой не просто уголовное преступление, а системную проблему, подрывающую основы государственности, экономики и социальной справедливости. По данным исследований, в России, несмотря на усилия властей, проблема сохраняет высокую актуальность: в 2024 году было зарегистрировано свыше 2300 преступлений, связанных со взяточничеством, по сравнению с 2023 годом это на 14,6% больше. Латентность этих преступлений достигает 70–80%, что усложняет оценку реальных масштабов [1, с. 572–576].

Взяточничество – это незаконное получение или передача материальных ценностей, услуг или имущественных прав должностным лицом в обмен на совершение действий (или бездействие) в интересах взяткодателя. Согласно Федеральному закону № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», к коррупционным деяниям относятся не только денежные взятки, но и иные формы незаконного обогащения, включая льготы, услуги и даже «общее покровительство» по службе.

Важно отметить, что взятка может передаваться как напрямую, так и через посредников, что усложняет выявление преступления. Уголовный кодекс РФ (ст. 290–291.2) предусматривает ответственность за:

- Получение взятки должностным лицом за действия (бездействие) в пользу взяткодателя;
- Дачу взятки физическим или юридическим лицом;

- Посредничество (ст. 291.1 УК РФ) – содействие в передаче вознаграждения.

Важно также не забывать правовые последствия получения, дачу или содействия получения взятки. В соответствии со ст. 290, 291, 291.2 УК РФ получение или дачу взятки может повлечь за собой выплату штрафа до 70-кратной суммы взятки, а также лишение свободы до 15 лет, конечно все зависит от суммы взятки. Посредничество же регламентируется статьей 291.1 УК РФ – штраф до 3 млн рублей или лишение до 12 лет (для особо крупных сумм). Также существуют дополнительные наказания, а это – конфискация имущества, запрет на профессию [2]. Репутационные последствия, которые не заставят себя ждать, могут быть в форме:

1. Увольнение с госслужбы и пожизненный запрет для осужденных по ст. 290, 291.1 УК РФ.
2. Включение в «черные списки» работодателей.
3. Ограничение на выезд за границу (только при наличии судимости).

Ключевое отличие от коррупции: взяточничество – лишь её часть, фокусирующаяся на непосредственном подкупе.

Выделим причины и условия распространения взяточничества. Как правило, причины делятся на факторы: Экономический, политический, правовой и психологический.

Экономический фактор обуславливается низким уровнем дохода госслужащих, который стимулирует поиск дополнительных доходов через взятки, теневой экономикой и высокими налогами с бюрократическими издержками, например, предприниматели часто дают взятки, чтобы избежать штрафов или ускорить

получение разрешений. По данным Росстата в 2024 г. средний размер заработной платы в РФ составил 87 952 рубля.

В политическом факторе можно выделить такие причины как: слабость государственных институтов, то есть непрозрачность принятий решений и независимого контроля за чиновниками; сращивание власти и бизнеса, например, назначение «своих» лиц на ключевые посты, лоббирование интересов через взятки.

К правовому фактору причины роста взяточничества относятся некоторые несовершенства законодательства, к примеру, в РФ до 2011 года не было ответственности за посредничество во взяточничестве либо низкая эффективности правоохранительной системы, то есть коррупция в самих контролирующих органах, до сих пор находятся сотрудники правоохранительных органов, которые берут взятки, самый яркий пример, осужденный за взятку криптовалютой в особо крупном размере экс-следователь СК Тамбиев Марат. По мнению граждан наиболее поражены коррупцией такие сферы как полиция, судебная система, прокуратура, а также сфера медицины [3].

Немаловажную роль играет и психологический фактор. Для некоторых коррупционеров важен не только доход, но и азарт так называемого «обхода системы» [4, с. 20-24]. И ощущение безнаказанности – низкий риск разоблачения, по данным Transparency International, только 10% коррупционных дел доходит до суда. Однако в России наблюдается рост количества судебных дел, за 9 месяцев 2024 года было заведено уголовных дел на 14,4% больше, чем за тот же период 2023 года.

Далее рассмотрим некоторые последствия, к которым повлечь коррупция и взяточничество.

Экономические: коррупция приводит к неэффективному распределению ресурсов. По данным Генпрокуратуры РФ, ущерб от коррупционных преступлений в 2024 году составил 14,2 млрд руб. Отток капитала до \$47 млрд из России по итогам 2024 г. Что, несомненно, ухудшает качество граждан страны.

Социальные: рост неравенства, снижение доверия к власти и правовому нигилизму. Например, мелкие взятки за медицинские услуги или образование формируют у граждан убеждение в безнаказанности

коррупционеров. Рост неравенства, коэффициент Джини (индекс концентрации доходов; показывает степень неравномерности распределения доходов у населения) вырос с 0.395 (1991 г.) до 0,408 (2024 г.) по данным Росстата [5].

Политические: коррупция подрывает легитимность государственных институтов. Как подчеркивается в Конвенции ООН против коррупции, это явление угрожает национальной безопасности, подрывает имидж страны на международной арене.

Взяточничество является многогранным явлением, корни которого уходят в экономические, политические, социальные и правовые сферы общества. Для эффективного противодействия взяточничеству необходимо комплексное решение, включающее реформы госслужбы, цифровизацию процессов, усиление гражданского контроля и изменение общественного сознания. Только системный подход, объединяющий усилия государства, общества и международного сообщества, может обеспечить значимое снижение уровня взяточничества и коррупции в целом.

Литература

1. Суманова А.Э. Актуальность проблемы взяточничества / А.Э. Суманова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 51 (446). – С. 572-576. – URL: <https://moluch.ru/archive/446/98221/> (дата обращения: 15.06.2025).
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) URL: <https://www.consultant.ru>.
3. Восприятие коррупции населением: актуальные тренды, данные опросов ВЦИОМ URL: <https://sociodigger.ru/>.
4. Коржевская А.П. Психологические причины коррупционных проявлений должностных лиц / А.П. Коржевская. – текст: непосредственный // исследования молодых ученых: материалы XXIX междунаро. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2021 г.). – Казань: молодой ученый, 2021. – С. 20-24. – url: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/412/16887/> (дата обращения: 14.06.2025).
5. Электронный сайт Росстата URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/>.

CHERNOMORSKAYA Yulia Andreevna

Master's Student, Ural State University of Economics, Russia, Yekaterinburg

BRIBERY: THE ESSENCE, CAUSES AND CONSEQUENCES

Abstract. *The article considers a comprehensive analysis of bribery as a socio-legal phenomenon, as well as the essence of bribery, including its forms and legal regulation in the Russian Federation. The key causes of the spread of corruption have been identified, and the consequences for the economy, society, and government institutions have been described.*

Keywords: *bribery, corruption, anti-corruption, mediation in bribery, legislation of the Russian Federation, economic consequences, legal culture.*

ЧЕРНОМОРСКАЯ Юлия Андреевна

магистрантка, Уральский государственный экономический университет,
Россия, г. Екатеринбург

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ И КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются анализ правового регулирования электронных денег и криптовалют в Российской Федерации, ключевые различия между этими цифровыми финансовыми инструментами, включая особенности их эмиссии, правового статуса, налогообложения и сферы применения. Особое внимание уделено ограничениям в использовании криптовалют, их роли в трансграничных расчетах в рамках экспериментальных правовых режимов, а также вопросам уголовной ответственности за незаконные операции. Статья также отражает текущее состояние законодательства, тенденции его развития и перспективы интеграции цифровых активов в финансовую систему страны.

Ключевые слова: электронные деньги, криптовалюта, правовое регулирование, цифровые финансовые активы, налогообложение, уголовная ответственность, экспериментальные правовые режимы (ЭПР), майнинг, трансграничные расчеты, финансовые технологии (FinTech).

В современном мире цифровые финансовые инструменты становятся неотъемлемой частью экономической системы. В России электронные деньги и криптовалюты регулируются различными правовыми актами, каждый из которых имеет свои особенности и специфику применения.

Электронные деньги как технологический феномен возникли в конце XX века на фоне развития интернет-технологий. Их появление связано с необходимостью упрощения расчетов в цифровой среде. В основе электронных денег лежит централизованная система, где эмитентом выступает специализированная организация (например, платежный сервис), гарантирующая конвертацию средств в фиатную валюту. С экономической точки зрения, они выполняют функции средства обращения и платежа, сокращая издержки на обработку наличных операций и ускоряя транзакции. Однако, в отличие от криптовалют, их ценность напрямую привязана к государственным валютам, что обеспечивает стабильность, но ограничивает децентрализованный потенциал.

Криптовалюты, в свою очередь, базируются на технологии блокчейн, которая обеспечивает децентрализацию и прозрачность операций. Первой реализацией этой концепции стал Bitcoin, созданный в 2009 году. Ключевая особенность криптовалют – отсутствие единого эмитента: новые единицы генерируются через майнинг или стейкинг, а валидация

транзакций осуществляется участниками сети на основе консенсусных алгоритмов (Proof-of-Work, Proof-of-Stake). Экономическая модель многих криптовалют предполагает ограниченную эмиссию, что создает дефляционный эффект и отличает их от традиционных фиатных систем. При этом криптовалюты не обеспечены государственными активами, а их ценность определяется исключительно рыночным спросом и доверием пользователей.

Криптовалюта в российском законодательстве определяется как цифровая валюта согласно Федеральному закону «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Важно отметить, что криптовалюта не признается законным средством платежа на территории Российской Федерации. Основные характеристики криптовалют включают запрет на использование в качестве средства платежа за товары и услуги, возможность использования как объекта инвестирования, а также возможность применения в рамках экспериментальных правовых режимов (ЭПР).

Электронные деньги представляют собой средства, хранящиеся на электронном устройстве и используемые для расчетов. Их правовой статус четко определен в Федеральном законе «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ. Электронные деньги выпускаются и обслуживаются операторами электронных денежных средств, имеют

установленные законом лимиты на остаток и оборот, широко используются для оплаты товаров и услуг, а также применяются для осуществления денежных переводов.

Основные различия между криптовалютами и электронными деньгами заключаются в следующем:

1. Эмиссия: электронные деньги выпускаются операторами, криптовалюты выпускаются в сети.

2. Правовое регулирование: электронные деньги имеют четкое регулирование, криптовалюты имеют менее четкое регулирование.

3. Статус платежа: электронные деньги признаются средством платежа, криптовалюты не признаются средством платежа (кроме как в рамках ЭПР).

4. Сфера применения: электронные деньги имеют широкое использование, криптовалюты имеют ограниченное использование.

Налогообложение операций с криптовалютой осуществляется в соответствии с действующим законодательством. Прибыль от операций с криптовалютой подлежит налогообложению согласно Налоговому кодексу РФ. Уголовная ответственность за преступления с использованием криптовалют предусмотрена за мошенничество, легализацию доходов, финансирование терроризма и другие противоправные действия в соответствии с Уголовным кодексом РФ.

Правовой режим криптовалют в России находится в стадии активного развития. Законодательство постепенно адаптируется к новым реалиям цифровой экономики. В то время как электронные деньги имеют четко определенный правовой статус и широко применяются в повседневной жизни, криптовалюты пока ограничены в использовании, но их роль в финансовой системе постепенно расширяется.

С 1 сентября 2024 года в рамках экспериментальных правовых режимов разрешены трансграничные расчеты по внешнеторговым контрактам с использованием криптовалют. Легализация майнинга для юридических лиц и ИП возможна при условии включения в специальный реестр. Криптовалюта, использованная в качестве незаконного средства платежа, может быть конфискована, что подчеркивает необходимость соблюдения действующего законодательства при использовании цифровых финансовых инструментов.

Развитие цифровых финансовых инструментов требует постоянного совершенствования правового регулирования. Электронные деньги уже стали неотъемлемой частью платежной системы России, в то время как криптовалюты находятся на этапе формирования своего правового статуса. Дальнейшее развитие законодательства в этой сфере будет направлено на обеспечение баланса между инновационным развитием финансовых технологий и защитой интересов государства и граждан.

В заключение следует отметить, что правовая база в сфере цифровых финансовых активов постоянно совершенствуется. Центральный банк РФ, Министерство финансов и другие регулирующие органы регулярно выпускают нормативные акты и методические рекомендации по вопросам регулирования электронных денег и криптовалют. Особое внимание уделяется вопросам противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма при использовании цифровых финансовых инструментов.

Литература

1. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» от 31.07.2020 № 259-ФЗ.
2. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации.
5. Постановление Правительства РФ от 01.09.2024 о регулировании трансграничных расчетов в рамках ЭПР.
6. Приказ Минфина России о налогообложении операций с криптовалютой.
7. Материалы Центрального банка Российской Федерации по регулированию электронных платежей.
8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения уголовного законодательства в сфере цифровых финансовых активов.
9. Иванов А.А. Криптовалюты в современном финансовом праве.
10. Петров П.П. Электронные деньги: правовое регулирование.
11. Официальные интернет-ресурсы: сайт Минфина РФ, ЦБ РФ, ФНС, Верховного Суда РФ.

CHERNOMORSKAYA Yulia Andreevna

Master's Student, Ural State University of Economics, Russia, Yekaterinburg

LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC MONEY AND CRYPTOCURRENCIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article examines the analysis of the legal regulation of electronic money and cryptocurrencies in the Russian Federation, the key differences between these digital financial instruments, including the specifics of their issue, legal status, taxation and scope of application. Particular attention is paid to the restrictions on the use of cryptocurrencies, their role in cross-border settlements under experimental legal regimes, as well as issues of criminal liability for illegal transactions. The article also reflects the current state of legislation, trends in its development, and prospects for integrating digital assets into the country's financial system.*

Keywords: *electronic money, cryptocurrency, legal regulation, digital financial assets, taxation, criminal liability, experimental legal regimes (EPR), mining, cross-border settlements, financial technologies (FinTech).*

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2025 • № 24 (259)

Часть II

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 24.06.2025г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40